

МЭ
К66

Коркина Слобода

Краеведческий альманах

Выпуск шестой
Ишим - 2004

**6 марта 2005 года - 190 лет со дня рождения
Петра Павловича Ершова.**

МЗ
КББ

Администрация г.Ишима
Ишимский краеведческий музей
Ишимский государственный педагогический институт
им.П.П.Ершова

Коркина Слобода

Краеведческий альманах

Выпуск шестой

5.221.85048

МЗ	84058 э.з
КББ	Коркина
	Слобода В.Б.
2004	65ф
23/II-2011.	
17/V-11	
4/VI-12	
4/IX-12	

Проверка фонда
2010 г.

ИМ - 2004

Ишимский краеведческий музей
Ишимский государственный педагогический институт
им. П. П. Ершова

ББК 63.3 (253.3)
К 66
УДК 908.571.12

Приносим искреннюю благодарность за финансовую поддержку в издании альманаха депутату Тюменской областной Думы, главе г.Ишима Виктору Александровичу Рейну.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Ишимского государственного педагогического института им.П.П.Ершова

Редакционная коллегия:

Т.П.Савченкова (главный редактор)
Н.П.Кузовкова
Н.Л.Проскуракова
Г.А.Крамор

Общественный редакционный совет:

В.Б.Белоусов
А.С.Тихонов
Л.М.Тиховская
Е.М.Бочкарева

К 66

Коркина слобода: Краеведческий альманах. Выпуск 6 - Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П.Ершова, 2004. - 140 с.

Шестой выпуск "Коркиной слободы" включает в себя статьи, очерки, мемуары, фотоматериалы, связанные с историей Ишима и Приишимья. Альманах адресован широкому кругу читателей.

ISBN 5-900142-53-1

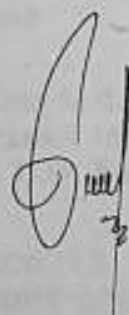
© ИГПИ им.П.П.Ершова, 2004

Приветственное слово

Альманах «Коркина слобода» для меня один из поводов гордиться городом Ишимом. Уже шесть лет существует это уникальное издание, аналогов которому не встретишь во многих крупных городах. В Ишиме особое отношение к старине, историческому и культурному наследию. С помощью «Коркиной слободы» открыто множество новых страниц в летописи Ишима и Приишимья. Пропагандируется память наших земляков. И открытие памятника Прасковье Луполовой в юбилейный для области год - закономерный итог огромной исследовательской работы, настоящего подвижничества ишимских краеведов.

Каждый новый номер альманаха «Коркина слобода» с нетерпением ждут сотни людей, юных и взрослых. И это - лучший показатель востребованности и долгого века этого издания.

Глава г.Ишима,
депутат Тюменской областной Думы

В.А.Рейн.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ
И КРАЕВЕДЕНИЕ
ПРИИШИМЬЯ

5

Примак И.В.
Птицы Синицынского бора

15

Мамсик Т.С.
«Против совести своей
есть тягчайшая цель
изменениям последовать...»
Из истории ишимского
старообрядчества

29

Проскуракова Н.А.
«Мы боролись за свободу,
а получили кабалу»
Даниил Васильевич Шаронов
(1887-1938)

36

Неживых С.И.
Церковь в селе Афонькино
Казанского района

43

Крамор Г.А.
«Опыта космических полетов
не имел...»
Судьба Валентина Филатьева

51

Зах В.А., Скочина С.Н.
Мергенская «куколка»КУЛЬТУРА
КРАЯ

53

Крамор Г.А.
Памятник Прасковье Луполовой
в Ишиме

69

Калинина М.Ф.
Последний тобольский период
жизни П.П. Ершова

83

Денисов Н.В.
На закате солончаки багряные
(глава книги)

90

Савченкова Т.П.
Мотив двуглавой птицы и
рожаницы в домовой резьбе
Ишимского края

На первой
странице
обложки:
Памятник
Прасковье
Луполовой,
открытый
в городе Иши-
ме 7 августа
2004 года.
Скульптор
Вячеслав
Клыков.
Фото
Г.А. Крамора.

На второй
странице
обложки:
Портрет
П.П. Ершова.
1834.
Художник
Н. Маджи.
Отдел
рукописей
Российской
национальной
библиотеки.

На
третьей
странице
обложки:
Наш
вернисаж.
Художник
Валентин
Манухин.

ЛИКИ
ПРОШЛОГО
И НАСТОЯЩЕГО

95 Уткова-Устинова О.В.
Подвижник.
Писатель и литературовед В.Г. Утков

99 Маракулина О.Н.
Семья Столяровых

107 Сарафанникова Л.А.
Доктор Прокудаев

110 Самсонова О.Н.
Русский литератор Михаил Лесной

ПЫТЛИВЫЙ
ПОСОХ
СТРАННИКА

148 Ожгибесова О.А.
Один день в Казанском районе

СТРАНИЦЫ
МЕМУАРОВ

157 Бударин М.Е.
**Ишимская юность: время интересное,
но жестокое...**

ВКРАТЦЕ
ОБ АВТОРАХ

172

История и краеведение Пришимья

И.В. ПРИМАК

Птицы Синицынского бора

Синицынский бор располагается на надпойменной террасе правобережья р.Ишим в 6 км южнее г. Ишима и занимает площадь более 10 км². С 1968 г. Синицынский бор объявлен памятником природы.

Зонально территория относится к северо-лесостепной подзоне. Значительную часть бора занимают участки спелого высокоствольного соснового леса с редким подростом и обширными зарослями малины. Средневозрастные посадки сосны чередуются с участками смешанного леса (сосна, берёза, осина) с хорошо выраженным подростом из черёмухи, рябины и калины. На восточной окраине бора в заболоченном берёзовом мелколесье находятся небольшие тростниковые болота с кустами густого ивняка.

Синицынский бор по праву является любимым местом отдыха для большинства жителей г. Ишима и Ишимского района. Много людей приезжает сюда с севера Тюменской области и соседних областей. Здесь, в западной части бора, расположены детские оздоровительные и спортивные лагеря, турбазы, базы отдыха. Здесь же находится хорошо известный и за пределами области пансионат «Ишимский», славящийся подземной лечебной минеральной водой. Приток отдыхающих, конечно же, создаёт тревожную экологическую обстановку. Тем не менее Синицынский бор ещё сохранил довольно богатый животный и растительный мир.

Всёсем недалеко от спортивного лагеря «Юность» в светлых участках леса можно встретить грациозных косуль. Пока ещё обычны лисы. Восстанавливает свою численность заяц-беляк. В по-

следние годы появилась енотовидная собака. Довольно обычны куница, горностай, ласка. В корнях деревьев устраивают городища из многочисленных нор барсуки.

На небольшой лесной речке Детель строят из тонких осиновых стволов и веток надёжные плотины осторожные бобры.

Но больше всего своим своеобразным поведением и чудесными голосами обращают на себя внимание птицы. Всего в Синицынском бору встречается более 150 видов птиц, из них здесь гнездится около 90 видов.

Мы любим и ценим птиц за их неповторимость, разнообразие цветных нарядов, за их чарующее пение. В суровые сибирские зимы, подкармливая неутомных синиц и любясь ярко-алыми мундирами снегирей, с нетерпением ждём долгожданную весну. И первыми, кто нам сообщит об её приближении, будут птицы.

Скупыми, холодными красками рисует по ночам узоры на заиндевевшем окне неуступчивый февраль. Белыми нетронутыми беретами лежит на сосновых лапах слоёный снег. В лесу ещё настоящая зима. И лишь непоседы синицы, легко летающие в кронах берёз, видят приближающуюся весну. А может быть, своими глухими криками «крун-крун» им поведала об этом пара древних воронов, летающих над синезоющей кромкой леса. Ведь неспроста же они устроили в воздухе эту шумную игру, выделявая замысловатые пируэты. Вороны круглый год живут парами и имеют постоянный гнездовой участок. В Синицынском бору это участки высокоствольного соснового и берёзового леса, наиболее редко посеща-

емые людьми. Во второй половине марта, когда в полях ещё белым-бело, а морозы доходят до минус двадцати — двадцати пяти градусов, пара приступает к ремонту прошлогоднего или постройке нового гнезда. Гнездо представляет собой довольно громоздкое сооружение из сухих веток, с толстой, хорошо оформленной подстилкой из шерсти. В нём, уже в конце марта, самка насиживает 5-6 голубовато-зелёных, с многочисленными пятнами и пестринами яиц. Вороны — типичные падальщики, и вылупление их птенцов приурочено к интенсивному таянию снегов и буйному весеннему половодью, к периоду, наиболее богатому кормами для этих птиц.

Их ближайшие родственники, хорошо всем знакомые серые вороны, сороки и галки, избегают глухих участков леса и явно тяготеют к жилищам человека. Являясь всеядными птицами, питаются различным животным и растительным кормом. Но здесь, в бору, особенно в зимний период, их основной рацион состоит из всевозможных пищевых отходов. К размножению приступают в апреле. Серые вороны гнездятся преимущественно в пойме р. Ишим, устраивая гнёзда высоко на ивах. Насиживающих птиц хорошо заметно издали, по голове и хвосту, торчащим из гнезда. Здесь же селятся и сороки, как и вороны, располагая свои гнёзда высоко над землей. Но возле д. Синицыно, в густом припойменном ивняке р. Детель, сороки строят гнёзда иногда совсем низко, не более двух метров от земли. Гнездо сороки представляет из себя большой бесформенный шар или кучу из сухих веток. Часто вместо веток используется различная проволока. Внутри этой постройки находится массивная чаша из земли и глины, выстланная изнутри большим количеством сухих корешков. Верх гнезда — прочная «крыша» из хорошо укрепленных веток и сучьев, надёжно защищает гнездо от различных хищников.

Галки в осенне-зимний период держатся совместно с серыми воронами и сороками, навешая регулярно свалки и помойки.

Их громкие отрывистые крики «кья, кья, кья...» можно слышать круглый год. В начале марта, едва-едва по-весеннему засветит солнце, пригревая белоснежные поля, эти шумные птицы, разбившись

*Дятел, сидящий на пне.
Фото Г.А.Крамора.*

на пары, начинают подыскивать подходящие для гнездования места. Для них очень важно наличие надёжных убежищ. Из-за большого дефицита подходящих дупел, галки в Синицынском бору гнездятся исключительно в постройках человека. Устраивая гнёзда на чердаках, под шиферными крышами, во всевозможных каменных пустотах, они нередко образуют небольшие колонии. В конце апреля в галчьих гнёздах появляются полные кладки из 5-6 яиц.

Очень часто в бору можно увидеть самую нарядную птицу из всего вороньего племени — сойку. Беспшумно планируя от дерева к дереву, она сразу обращает на себя внимание общей рыжей окраской, рыжим, с чёрными мазками, хохлом на голове и ярко-голубыми «эполетами» на крыльях. Бывая в лесу на экскурсии, наблюдая за жизнью птиц, стараешься оставаться незамеченным; и это удаётся, пока не попадётся на глаза вездесущей сойке. Завидев в лесу человека, она устраивает настоящий переполох, громкими криками оповещая лесное население о непрошенном госте. Зато в период гнездования вздорный, скандальный характер сойки меняется кардинально. Найдя её гнездо с крапчаты-

ми яйцами, чаще всего устроенное на сосне, редко увидишь саму птицу, заранее покинувшую его. Она ведёт себя совершенно скрытно и незаметно, острожно перелетая в сосновых посадках.

Кукша — жительница таёжных лесов, тоже из этого семейства. Только во время весенних кочёвок можно изредка понаблюдать за этой интересной птицей, немного похожей на сойку. Грач же, напротив, чаще встречается осенью, когда, собравшись в предотлетные стаи, кочуя по лугам и убраным полям, появляется в пределах Синецунского бора.

Все врановые относятся к певчим птицам. Правда, в их голосе мало мелодичности, зато многие из них очень хорошие пересмешники. Довольно часто весной можно наблюдать за поющей сорокой. Свежий весенний ветер, запах талой воды явно настраивают её на лирический лад. Усевшись поудобнее на ветку, прикрыв от удовольствия глаза, она негромко и довольно благозвучно напевает себе «под нос» песню, состоящую из всевозможных скрипов, щебетаний и повизгиваний. Ворон во время полёта временами издаёт приятный звук, немного похожий на удар колокола. Сойка, кроме нарядной внешности, может удивить красивой свистовой фразой. Даже от серой вороны, уставшей от своего мрачного карканья, на исходе зимы можно услышать своеобразное картавое «кэрроу-кэрроу...».

Среди разнообразного птичьего населения есть виды, к которым приковано особое внимание. Одни из интереснейших и таинственных птиц — совы, большинство из которых ведёт ночной образ жизни. У многих укоренилось неверное представление о том, что совы днём плохо видят или не видят вовсе. Это не совсем так, а вернее, совсем не так. Днём совы видят гораздо лучше человека, а ночью во много раз лучше всех остальных птиц. Совы — единственные птицы, имеющие бинокулярное зрение, оба глаза расположены рядом и направлены вперёд. Кроме зрения ночной охоте способствует и не менее уникальный слух. Из всех птиц лишь совы имеют ушные раковины. А мягкое оперение крыльев, с нежной бахромой на маховых перьях, делают полёт совы совершенно бесшумным.

Несмотря на всё более усиливающуюся

*Синецунский бор.
Папоротники на краю оврага.
Фото Г.А.Крамора.*

ся рекреационную нагрузку, в Синецунском бору до настоящего времени можно встретить несколько видов сов. Из них только ушастую сову, уменьшенную копию филина, можно наблюдать на гнездовании совсем рядом с жилыми постройками. Эта обычная и наиболее многочисленная здесь сова занимает старые гнезда сорок и ворон, откладывая в них от 5 до 7 яиц шаровидной формы, чисто белого цвета, как и у всех других сов.

Поздними мартовскими и апрельскими вечерами из густых зарослей ивняка, совсем рядом с д. Синецунно, раздаётся её весенняя песня «гуу, гуу, гуу...».

Изредка с заброшенных полей и больших лесных полян, примыкающих к бору, сюда залетает и болотная сова, гнездящаяся на земле, в старой сухой траве. Ещё две совы — серая неясыть и белая сова, встречаются только в осенне-зимний период. Серая неясыть откочёвывает сюда из западных районов, а белая сова — из зоны арктических тундр.

А самый крупный и наиболее ред-

кий, занесённый в Красную книгу Тюменской области, - филин, за все годы наблюдений был встречен здесь всего лишь однажды. В знойный июльский день 1997 года, во время очередной экскурсии, в 3-4 км восточнее д. Синицыно.

Длинный летний день медленно клонился к закату... Я торопился на последний автобус в город и шёл через лес напрямик, почти не обращая внимания на лесных обитателей. Привычно «цикали» лесные коньки, потревоженная зеленушка «вжикала» в сплетении берёзовых веток, из глубокого сырого оврага доносился отрывистый крик пёстрого дятла. Боковым зрением увидел, как большая птица тяжело и лениво перелетела на соседнее дерево. Подняв к глазам бинокль, хорошо рассмотрел молодого филина с остатками пухового наряда. Увидев приближающегося к нему человека, он медленно перелетел на соседнюю берёзу. Остановившись, стараясь не обращать внимания на осатаневших комаров, внимательно осмотрелся. На старой разлапистой сосне заметил взрослую птицу, внимательно наблюдавшую за мной своими оранжевыми глазами. Я не стал нарушать семейную идиллию и, пожелав потревоженным птицам удачи, отправился своей дорогой. Филины по отношению к человеку достаточно миролюбивы, чего не скажешь о двух других крупных совах — бородатой и длиннохвостой неясыти, обитающей в Синицынском бору круглый год. Используя для гнездования старые гнёзда крупных хищных птиц, эти совы очень ретиво относятся к своим родительским обязанностям. Особенно этим славится бородатая неясыть, получившая своё название за чёрное пятно под клювом. Защищая своих птенцов от любой, даже мнимой опасности, она бесстрашно атакует всех, включая медведя и человека, появившихся в районе её гнезда. Нанося сильные удары острыми когтями по голове и спине, оставляя глубокие царапины и раны, обращает в бегство неосторожных путников и любопытных исследователей.

В зимний период этих сов иногда можно увидеть вблизи населенных пунктов. Но чтобы услышать их таинственные, завораживающие весенние крики, нужно совершить ночную экскурсию в глухие участки леса в тихую лунную ночь.

Гнездо тетерева. Фото автора.

Одно из таких замечательных мест — высокий берег р. Детель восточнее д. Синицыно.

Незаметно гаснет апрельский день, миллионами звёзд вспыхивает весеннее небо, прямо над головой висит ковш Большой Медведицы. Тихо и безжизненно в ночном лесу, лишь отрывистый лай косуль да негромкие всплески бобров, подновляющих на Детеде старую плотину, нарушают ночное безмолвие. И уже ближе к полуночи из чёрной стены леса раздаётся долгожданное «угу-угу-угу». Это кричит самец длиннохвостой неясыти, самка отвечает ему коротким двусложным криком. В их дуэтное пение вклинивается голос бородатой неясыти — глухое, мрачное «гу-гу-гу-гу...» Совершенно необычно и загадочно звучат эти ночные голоса.

Незадолго до рассвета к стихающим крикам неясытей добавляются многочисленные булькающие звуки. Это на противоположном берегу Детеля на старых залежах среди берёзовых перелесков устраивают весенние турниры краснобро-

вые косачи. Тетерева пока ещё достаточно обычны, но больших токовищ здесь уже нет, самое большое — группы из 8-10 птиц, а чаще всего из 3-4 самцов. Самки устраивают гнёзда на опушке леса, иногда прямо на поле, в густой траве, недалеко от токовища.

Из других курообразных регулярно гнездится перепел, его энергичное «поть-полоть» далеко разносится в начале лета по зеленеющим полям. Довольно редкой стала белая куропатка, которая встречается здесь круглый год и, возможно, гнездится по окраинам бора, на открытых участках. Здесь же, среди густого бурьяна, иногда устраивают гнёзда серые куропатки, которых охотники повсеместно называют рябчиками. Но ни рябчиков, ни глухарей в Синицынском бору нет.

Ранней весной среди звонких синичьих перезвонов в лесу часто раздаётся звучная «барабанная дробь». Это хорошо всем известный и самый обычный обитатель Синицынского бора — большой пёстрый дятел объявляет своим собратьям о выборе гнездовой территории. Самец этого дятла хорошо отличается от самки красным пятном на затылке. К началу мая заканчивается формирование пары, и птицы приступают к долблению дупла. В готовое дупло, прямо на древесную труху, откладывается 5-6 яиц фарфорово-белой окраски. Для того чтобы узнать, когда появились птенцы, не нужно заглядывать в дупло, они сами дадут о себе знать громким верещанием, которое хорошо слышно за десятки метров от дерева.

У всех дятлов вполне заслуженная репутация «лесных санитаров», но, пожалуй, наиболее весомы их заслуги в формировании жилищного фонда для более мелких обитателей леса. Как правило, изготавливая каждый год новые дупла, они оставляют свои прошлогодние жилища многочисленным синицам, горихвосткам, мухоловкам и поползням, которые едва ли не выстраиваются в очередь за благоустроенным жильём.

Более редкий в этих краях белоспинный дятел чаще встречается в берёзовых перелесках и в пойме реки Ишим. В отличие от предыдущего вида он пренебрегает шишками, питаясь круглый год различными насекомыми и ягодами.

Этой же диеты придерживается и

*Дорога в Синицынском бору.
Фото Г.А.Крамора.*

самый мелкий, не больше воробья, — малый пёстрый дятел. Делая свои небольшие дупла в очень гнилой древесине, предпочитает сырые березняки в смешанных лесах.

Встречается здесь и самый крупный — чёрный дятел или желна. В пределах Синицынского бора регулярно гнездится одна-две пары этих удивительных птиц. Громкое печальное «кьюкьюю», очень похожее на крик канюка, и резкое «кли-кли-кли», издаваемое желной, далеко разносятся с участков высокоствольного бора. Дупло чёрного дятла хорошо отличается крупным прямоугольным летком, в который свободно проходит рука взрослого человека.

В осенне-зимний период залетает сюда и седой дятел, которого за его серо-зелёную окраску иногда ошибочно принимают за зелёного дятла. Залетая чаще других дятлов в населённые пункты, часто садится на каменные стены зданий, отыскивая в щелях кирпичной кладки личинок различных насекомых.

Иногда с разреженных участков леса доносится гнусавое «кяй-кяй-кяй...»,

*Кладка яиц серого журавля.
Фото автора.*

которое издаёт небольшая серо-коричневая птица размером с воробья. Совсем непохожая на дятлов, она, тем не менее, является их ближайшей родственницей. Вертишейка — а это она, не обладая мощным клювом, сама дупел не делает, довольствуясь старыми квартирами своих более искусных родственников, а то и просто естественными пустотами в стволах деревьев. Питается почти исключительно муравьями и в отличие от всех других дятлов, обитающих у нас круглый год, на зиму улетает в далёкую Африку.

Из всех синиц, гнездящихся в бору, лишь буроголовая гаичка, или пухляк, изготавливает дупло самостоятельно, выбирая для этого подгнившие стволы лиственных пород деревьев. Эта небольшая синичка, с чёрной шапочкой на голове, одна из многочисленных птиц Синецынского бора. Во все времена года можно услышать её громкое тревожное «ци-ци-джээ-джээ...»

Хорошо всем знакомая большая синица занимает старые дупла больших пёстрых дятлов, охотно поселяется и в искусственных гнездовьях.

Самая мелкая из синиц — московка — бывает обычной и даже многочислен-

ной лишь в период осенних кочёвок. Гнездится эпизодически, выбирая для этого чаще всего естественные пустоты и щели в деревьях.

В таких же щелях и полудуплах гнездится и белая лазоревка. Но в отличие от москвонок, предпочитающих хвойные леса, чаще встречается в припойменных и заболоченных участках леса.

Здесь же выводят потомство и длиннохвостые синицы. Этих забавных птиц, похожих на пушистые шарики с длинными хвостами, никогда не увидишь поодиночке. Обитая здесь круглый год, вне гнездового периода образуют небольшие одновидовые стайки или сливаются в общие синичьи стаи. Кочуют совместно с пухляками, большими синицами и белыми лазоревками.

Иногда к таким сообществам присоединяется и пара поползней, которые, ползая по стволам деревьев, отыскивают в коре многочисленных насекомых. Гнездятся поползни в старых дуплах, и если вход — «леток» — великоват, сужают его, обмазывая края глиной или грязью. Затвердевшая обмазка даёт хорошую защиту от хищников.

Нельзя не отметить ещё двух птиц — пищуку и желтоголового короля, встречающихся иногда лишь во время весенних кочёвок. Всегда интересно понаблюдать за этими своеобразными птицами. Пищуки поют мало, весь день методично обшаривая стволы деревьев. Ведут себя тихо и неприметно. Корольки — самые маленькие наши птицы, выдают себя негромкой свистовой песней, доносящейся с вершин высокоствольных сосен.

«Тсним-тсним» — раздаётся из густого сырого ивняка протяжный печальный свист. Небольшая птичка с чёрной «маской» на голове легко вспорхнула на тонкую берёзку. Здесь, на свисающей тонкой ветке над водой, аккуратная пуховая рукавичка. Вот в нее, через небольшую трубочку-вход, расположенную в верхней части, быстро шмыгнула таинственная незнакомка, принеся в клюве пучок собачьей шерсти. Это ремез выстилает изнутри гнездо — лёгкий домик из растительного пуха. Свою лёгкую колыбель ремезы строят в начале июня, когда молодая зелёная листва надёжно скрывает её от возможных хищников.

В Синецынском бору гнездится и че-

тыре вида дроздов — рябинник, белобровик, певчий и деряба.

Самый многочисленный и заметный из них — рябинник. Появляясь рано, в первой половине апреля, он сразу обращает на себя внимание своим беспокойным поведением. Свою торопливую песню, состоящую из многочисленных скрипов, визгов и щебетаний, он часто исполняет на лету, совершая что-то вроде токового полета. А когда поёт на дереве, то эффектно приспускает крылья и поднимает хвост. К гнездованию рябинники приступают в конце апреля, когда последние островки снега превращаются в многочисленные говорливые ручейки, а оттаявшая земля смотрит в синеющую пустыню неба жёлтыми глазами мать-и-мачехи и голубыми глазами медуниц. Рябинник редко гнездится отдельными парами, чаще образуя шумные колонии различной величины. Относясь к птицам с высокой территориальной подвижностью, рябинники часто меняют места своих гнездований. Здесь эти дрозды периодически гнездятся по всей пойме р. Ишим и в пойме р. Детель возле детского оздоровительного лагеря «Дружба», размещая свои чашеобразные гнёзда на ивах, на высоте от 1 до 10-15 метров. Ещё одна небольшая группа из 3-4 пар до недавнего времени регулярно гнездилась возле спортивного лагеря «Юность», устраивая гнёзда на соснах. В колонии рябинников всегда очень шумно. Всех непрошенных гостей они встречают громким треском и визгливым чаканьем, беспокойно перелетая по веткам деревьев и надоседливо летая над головой. А некоторые из них решительно атакуют, неожиданно обрызгивая помётом. Многие мелкие птицы: зяблики, овсянки, пеночки, зеленушки — охотно поселяются в колонии рябинников, используя их своеобразную защиту для успешного размножения.

Гораздо реже встречается более мелкий дрозд — белобровик. Появляясь в одно время с рябинником, этот дрозд менее заметен. О себе он заявляет песней в виде свистовой нисходящей гаммы, которую исполняет на вершине высокого дерева. Селятся белобровики отдельными парами, чаще всего в колонии рябинников. Гнёзда устраивают прямо на земле или на небольшой высоте, на невысоких пнях, поваленных стволах деревьев. В первой половине мая в гнёз-

дах уже полные кладки из 5-6 яиц, по окраске очень похожих на яйца рябинников.

Ранней весной, когда апрельское солнце стонлет последние остатки снега, появляется ещё два вида дроздов — певчий и деряба. Своё название певчий получил вполне заслуженно. Его громкая, красивая свистовая песня разносится далеко по весеннему лесу: «Филипп-филипп, приди-приди, чай-пить, чай-пить...» Так образно можно передать словами его песню. Каждую строфу своей песни, в отличие от дерябы, повторяет 2-3 раза. Свои не менее замечательные гнёзда прячет в густых лапах молодых ёлочек. А одна пара несколько лет подряд устраивала своё гнездо в обнажённых корнях сосны на крутом обрыве р. Детель. Основание гнёзда, как и у всех дроздов, состоит из тонких веточек, стеблей сухой травы, корешков. Всё это сцементировано грязью. Лоток тщательно обмазан гнилой древесной трухой, склеенной слюной, выстилки нет, прямо на дне лежат 5-6 яиц ярко-голубого цвета с редкими чёрными пятнышками.

Деряба, самый крупный из дроздов, так же, как и певчий, гнездится отдельными парами. Но гнёзда, в стенках которых всегда много мха, располагает на деревьях совершенно открыто. Песня дерябы лишь немногим уступает певчому дрозду. Но если деряба чаще всего исполняет свой репертуар в дневное время, то певчий дрозд предпочитает вечерние сумерки, когда на небе загораются первые звёзды и голоса многих дневных солистов замолкают до утренней зари.

В некоторых скандинавских странах каждую весну посмотреть на серых журавлей съезжаются многие тысячи людей. Мы же имеем счастливую возможность наблюдать за этими красивыми птицами во многих районах Приишимья. Журавли — большие патриоты своих мест и, если их не тревожить, ежегодно возвращаются в прежние места гнездования. В восточной части Синицынского бора, на небольшом лесном болоте, одна пара гнездится в течение нескольких последних лет, устраивая на мелководье прочное массивное гнездо. Здесь, среди редкого тростника, под однообразные крики погоныша и мелодичные песни индийских камышовок, самка насиживает два крупных светло-олив-

ковых с бурыми пятнами яйца. Птенцы появляются в начале июня и уже через несколько дней вместе с родителями ходят по болоту в поисках корневищ, насекомых и лягушек.

В начале апреля, когда под весенний перезвон синиц напевают свои печальные песни овсянки, совершенно неожиданно можно услышать песню иволги или чечевички. Немного замрёшь от неожиданности, ведь эти птицы появляются у нас лишь во второй половине мая. Но, услышав вслед за чистыми свистами негромкий собачий лай и кудахтанье курицы, сразу понимаешь, кто ввёл тебя в заблуждение. Подойдя поближе, увидишь и самого солиста — это вернувшийся на родину скворец восторженно распевает свою замысловатую песню. В Синецком бору скворцы с одинаковым успехом занимают как старые дупла дятлов в светлых участках леса, так и специально вывешанные для них скворечники возле жилья человека. Для многих из нас скворец давно уже стал полудомашней птицей, одним из первых вестников весны.

Кроме скворцов, давно оценивших всю выгоду от такого соседства, можно отметить ещё ряд видов, ставших постоянными спутниками человека. Белые трясогузки, деревенские ласточки, полевые и домовые воробьи находят себе пристанище в постройках человека, а в старых дуплянках охотно селятся горихвостки и мухоловки-пеструшки.

Из гнездящихся здесь дневных хищников самыми крупными и заметными являются канюки. Их часто можно видеть парящими над луговинами и большими лесными полянами и высматривающими различных мелких грызунов. Иногда откуда-то сверху раздаётся протяжное гнусавое «кьяя», которое вполне соответствует слову «канючить». У канюков в природе нет естественных врагов, поэтому своё большое громоздкое гнездо они устраивают на деревьях довольно открыто, недалеко от опушки леса. В лотке всегда много зелёных берёзовых и сосновых веток. К присутствию людей относятся достаточно терпимо, одна пара в течение нескольких лет успешно выводила птенцов совсем рядом со спортивным лагерем «Юность». Численность вполне стабильна, в последнее десятилетие ежегодно гнездится не менее 4-5 пар.

Гнездо певчего дрозда.
Фото автора.

Другой крупный хищник — коршун, хорошо отличающийся от канюка вильчатым хвостом, наоборот, резко снизил свою численность. В последние годы здесь обитает не более одной пары. В отличие от канюка коршун менее требователен к санитарным нормам своего жилища. В гнезде много бумага, тряпок и другого различного мусора.

Пока ещё можно встретить здесь и два вида ястребов: тетереятника и более мелкого — перепелятника. Оба — типичные лесные хищники. Короткие крылья и длинный хвост позволяют этим сильным птицам легко маневрировать среди деревьев. Основная добыча — птицы различной величины, от тетерева до пеночки. Гнёзда устраивают высоко на деревьях в наиболее глухих участках леса.

В отличие от ястребов полевой лушь предпочитает более открытые пространства. В Синецком бору его можно встретить по восточным окраинам среди небольших полей с редким кустарником и на пересыхающих лесных болотцах. Здесь же, на земле, в густой траве или среди редкого тростника устраивает он свои бесхитростные гнёзда.

Из мелких соколов в бору встречаются

ся чеглок и пустельга. Своих гнёзд они не строят, а занимают старые гнёзда ворон и сорок, иногда бесцеремонно выгоняя хозяев из новых. Чеглок охотится в воздухе, в стремительном полёте хватая лапами всевозможных мелких птиц, стрекоз и летучих мышей. А пустельга, в своеобразном поисковом полёте, временами зависая на месте и быстро треща крыльями, высматривает на земле различных полёвок и мышей.

Средневозрастные посадки сосны, не имеющие подлеска, мало привлекательны для птиц. Наиболее обычным жителем таких мест является вяхирь. Если не считать сизого голубя, давно ставшего полудомашним, вяхирь самый многочисленный из голубей, населяющих Синицынский бор. Уже в первой половине апреля можно услышать глухое низкое воркование, доносящееся из полутёмного сосняка «уэх ЭэхЭэхуу...», а иногда услышать громкое хлопанье крыльев. Это токующий вяхирь приглашает самку на выбранный участок. Здесь же на дереве, как правило, в развилке отходящей от ствола ветки, пара устраивает своё бесхитрое гнездо — небрежную, часто с просвечивающим дном постройку из сухих веточек. Но вяхирь, являясь довольно пластичным видом, с таким же успехом может гнездиться и в светлом березняке, занимая иногда старые гнёзда ворон и сорок. Для другого, более мелкого голубя — клинтуха, важнейшим условием для гнездования является наличие удобных дупел. Как правило, это старые дупла желны, самого крупного и немногочисленного здесь дятла. В силу этой причины в бору регулярно гнездится не более 3-4 пар клинтухов. Заняв подходящее дупло, пара не утруждает себя строительством гнезда, а откладывает прямо на древесную труху, как и все другие голуби, два чисто-белых яйца. Кроме двусложного, мрачно звучащего воркования «хУхуу, хУхуу...», клинтух хорошо отличается от вяхиря отсутствием белых пятен на крыльях и шее.

Два других голубя — большая и обыкновенная горлицы, трудноотличимые друг от друга, резко контрастируют с другими голубями общей рыжеватой окраской и хорошо заметной белой полосой по краю хвоста. Обе горлицы, как и вяхирь, устраивают гнёзда на деревьях. Но если большая придерживается на гнез-

Гнездо буроголовой гаички.
Фото автора.

довании мест, характерных для вяхиря, то обыкновенная, самая немногочисленная здесь, селится в пойме р. Детель. Прилетает позже других своих сородичей, и в мае, когда белым огнём вспыхивают душистые кисти черёмух и рябин, можно услышать протяжные, приятные звуки «тур-туррррр, тур-туррррр...», совсем непохожие на воркование других голубей.

К середине мая основной прилёт птиц завершён. Насиживают яйца многочисленные синицы и зеленушки, осматривают подходящие дупла горихвостки, а в гнёздах сов и врановых уже растут прожорливые птенцы. Лес наполнен птичьими голосами. Со всех сторон доносятся песни зябликов, овсянок, теньковок. На сухой еловой ветке выводит рулады певчий дрозд. И среди всего этого весеннего хора раздаётся долгожданное размеренное «ку-ку, ку-ку...». Это объявляет о своём возвращении из жаркой Африки самец обыкновенной кукушки. Брачный голос самки совсем иной — это громкая «булькающая» трель «кли-кли-кли...». Кукушки давно разучились строить гнёзда, возложив родительские обязанности на приёмных родителей. Существуют

экологические расы кукушек, паразитирующие на определённом виде воспитателя. В Синецком бору, наиболее вероятно, ими являются горихвостки, белые трясогузки, зяблики, варакушки, славки, коньки, овсянки и серые мухоловки. Откладываемые кукушкой яйца в основном похожи на яйца воспитателей. Но иногда кукушка не находит вовремя нужное гнездо и подбрасывает яйцо в гнездо другого вида, у которого яйца совсем другой окраски. Некоторые хозяева не принимают чужое яйцо, расклевывают его или выкатывают из гнезда. Но чаще всего для будущего кукушонка всё заканчивается благополучно. Через несколько часов после вылупления кукушонок начинает выбрасывать из гнезда своих сводных братьев и сестёр и остаётся в нём один. Хозяева самоотверженно выкармливают кукушонка, который в скором времени становится больше своих приёмных родителей.

В конце мая — начале июня кроме уже привычного кукования из глубины леса изредка доносится глухое «ду-ду, ду-ду...», которое некоторые натуралисты принимают за крики удода. Но удода в Синецком бору не встречается, а это своеобразное «дудение» принадлежит ещё одной кукушке — глухой, внешне почти неотличимой от обыкновенной. У глухой кукушки, в отличие от обыкновенной, нет многочисленных воспитателей, к ним относятся только пеночки. В Синецком бору это пеночка-теньковка. Яйца глухой кукушки всегда белые, с красными, бурыми или чёрными пятнышками, реже — чисто белого цвета. Гнездовая биология глухой и обыкновенной кукушек очень сходна. В численности глухая кукушка заметно уступает обыкновенной.

Многие птицы славятся искусством гнездостроения. Мягкие гнезда-варежки сплетают на концах веток миниатюрные синицы-ремезы. Уютные бокальчики из мха, облицованные лишайниками и выстланные изнутри шерстью и перьями, маскируют на деревьях зяблики, щеглы и пересмешки. В кронах деревьев подвешивают свои удобные гнезда-гамачки лесные жар-птицы — иволги. Некоторые совы и дневные хищные птицы, не утруждая себя строительством собственного жилья, занимают старые гнезда других птиц. Полностью утратили спо-

собность строить гнёзда все дятлы. Выдалбливая в стволах деревьев дупла, они откладывают яйца прямо на древесную труху. Но есть птицы, не делающие никаких гнёзд и убежищ.

Именно так поступает загадочная ночная птица — козодой, откладывающая два яйца с красивым мраморным рисунком прямо на лесную подстилку. Насиживающая птица настолько сливается с окружающей обстановкой, что обнаружить её можно только случайно. Тем интереснее услышать в глубоких сумерках своеобразную песню самца козодоя. Устроившись вдоль ветки где-нибудь на опушке леса, он начинает свою сухую монотонную трель «ррьррьррьррь...». Песня то усиливается, то замедляется, словно воздушный мотоциклист совершает по лунной дорожке свою ночную прогулку.

В конце весны, в майские свежие ночи, в зелёных сумерках поймы р. Детьель дают сольные концерты соловьи. Чистые свисты и громкие раскатистые дробы далеко разносятся по припойменной дрёме. С одного места можно услышать сразу несколько поющих самцов. Здесь же, в густых непролазных зарослях черёмушника и крапивы, самки устраивают свои рыхлае гнезда, откладывая в них от 4 до 6 тёмно-оливковых яиц.

Кроме хорошо всем знакомого обыкновенного соловья, встречается здесь и его ближайший родственник, соловей-красношейка. Песня красношейки, состоящая из разнообразных свистов и трелей, сильно уступает своему более известному собрату. Зато самец может похвастаться белой бровью и ярко-красным пятном на горле, хорошо отличающим его от многочисленных здесь садовых славков и камышовок.

Другие, хорошо всем известные птицы: снегири, чечётки и свиристели — появляются здесь в октябре, откочёвывая из более северных районов.

С нежными позывками «че-че-че» обсыпают кроны берёз многочисленные стайки чечёток. Небольшие серенькие пичуги с красными беретиками на голове ловко подвешиваются на концах тонких веточек, отыскивая в берёзовых шишечках уцелевшие семена.

Снегири и свиристели в годы урожая рябины в большом количестве налетают

на сочные гроздья ягод, деля их с крикливыми дроздами-рябинниками. Интересно наблюдать, как хохлатые красавцы свистели жадно глотают подмороженные ягоды рябины, а снегири с важным видом неторопливо выщелушивают семена плодов, роняя кроваво-красную мякоть на заиндевевшую землю. Но ещё интереснее встретить снегирей ранней весной, когда начинают они распевать свои незатейливые песни.

Хорошо в тёплый мартовский день идти по оттаявшей дороге вдоль реки Детель и вспугивать небольшие стайки красногрудых самцов и серогрудых самочек, неторопливо перелетающих впереди. Словно озорник ветер гонит по дороге охапку разноцветных листьев, а прозрачный березняк аккомпанирует ему многочисленными снегириными свистами и скрипами.

Т.С. МАМСИК

«Против совести своей есть тягчайшая цель изменениям последовать...» Из истории ишимского старообрядчества

Ишимский край, начиная с XVIII века, постоянно оставался проходной зоной для мигрантов, как внутрисибирских, так и внешних. Известно, например, что именно с Ишима заселялось Среднее Приобье. Важнейший форпост, послуживший отправной точкой освоения этого района, — Чаусский острог (ныне — районный центр Колывань в Новосибирской области), — был построен в 1713 году при непосредственной помощи ишимцев. После окончания строительства 300 строителей были зачислены в «сотню» беломестных казаков, — местную милицию того времени. Прочие «посажены во крестьяне». Кто были эти ишимцы? Новосибирские историки на этот вопрос пока ответить не могут.

Нам удалось, однако, выяснить, что многие чаусцы по месту своего прежнего жительства были закамскими и поволжскими старообрядцами, пришедшими, по-видимому, сначала на Ишим, а потом в Приобье. А это значит, что отсюда, — с Волги, Керженца, Вятки и Иргиза, — известных районов, где зародился и гнезился ранний «русский раскол», — принесли они свою веру также и на Ишим, утвердили ее и упрямо в течение трех столетий отстаивали право передать сыновьям и внукам.

Поводом к появлению старообрядческого течения в православной церкви, как известно, послужила церковная реформа Никона, ставшего патриархом Московским и всея Руси при царе Алексее Михайловиче в 1652 году. Реформа за-

ключалась в исправлении богослужебных книг и обрядов по византийским образцам, что вызвало протесты сторонников сохранения прежнего порядка и привело к церковному расколу.

Раскол был весьма сложным явлением, о природе (причинах) которого у историков нет единого мнения. По-видимому, основная причина его появления заключалась в том, что идея национального строительства, заложенная в основу никоновской реформы, реализовалась слишком рано и чрезвычайно жестокими методами, — «мечом и огнем», в частности, сжиганием инакомыслящих в срубках.

Эти меры вызвали столь же мощную ответную реакцию и, конечно, не без вмешательства и провокаций политических и социальных противников, как царя, так и патриарха. Впрочем, вряд ли можно назвать хотя бы одну страну Европы, где строительство национального государства было осуществлено в виде мирного собеседования с будущими гражданами. Россия в этом отношении не была исключением.

Прошли целые столетия, прежде чем «русские» раскольники, включая самые «низь», — в нашем случае их представляли ишимцы, — смогли принять участие в обсуждении путей для компромисса. Мы не случайно этноним «русские» берем в кавычки — значительную часть староверов составляли представители коренных народов Поволжья (мордвы, черемисов, татар, чувашей и т. д.), Рус-

*Село Окунёво. Вид со стороны озера. Сентябрь 2004.
Фото Г.А.Крамора.*

ского Севера (зырян), Предуралья (пермяков, башкир, вотяков и т.д.), Сибири (татар, остяков, вогулов, алтайцев и т.д.), не столь давно принявших православие и, соответственно, не полностью интегрировавшихся в поле русской культуры к моменту церковного раскола. Достаточно сказать, что и сам реформатор, патриарх Никон, и самый ярый его обличитель, протопоп Аввакум (1620-1682), по царскому указу вместе со своими сподвижниками сожженный в срубе, были мордвинами.

После своего возникновения старообрядчество довольно быстро разделилось на два течения — признающих церковную иерархию, хотя бы в виде беглых из официальных церковных приходов священнослужителей, согласившихся на прекрещивание, и не признающих таковых, полагающих наступившую эпоху «неистинной», «антихристовой». Первых в быту именовали поповцами, вторых — беспоповцами. У беспоповцев вместо священников требы исправляли наставники из мирян. По мере того, как возможности иметь «истинного» священника сокращались, часть поповцев переходила на позиции «временной» беспоповщины. Последняя дробилась на множество «толков», между которыми шла ожесточенная полемика по поводу «истинности» веры и обрядности. На про-

тяжении всей истории раскола староверие мечтало о «своей» церкви и даже пыталось добыть настоящих патриархов за пределами империи. Со временем и правительство от политики преследований обратилось к поискам компромиссных вариантов, которые могли стать условиями создания единой православной церкви. Одному из таких исторических моментов и посвящен наш очерк.

История самого Ишимского края, несмотря на всю значимость его в роли проходных ворот в Западную Сибирь, остается не изученной. Нет связного описания его хозяйственного, общественного строя и, уж тем более, эволюции духовно-религиозной жизни населения. При попытке увидеть ее во времени остается довольствоваться фрагментарными сведениями из литературы и случайных источников, добытых попутно при сборе материалов для других целей.

Но даже эти отрывочные материалы, как может заметить читатель, показывают, насколько интересной — противоречивой, насыщенной разного рода событиями — была сфера отношений ишимцев с официальной церковью. Сколь уверенно лидеры ишимского староверия отстаивали свободу совести, тесно связанную с характером общественного строя в их самоорганизации, сколь гибкую стратегическую линию поведения

выбирали они, отстаивая его принципы в противостоянии со светской и церковной властью.

Ценность приводимых материалов состоит в том, что благодаря им потомки ишимских старожилов могут увидеть своих предков как бы живые. Познакомиться с основными очагами проживания староверов, с семейным составом их лидеров, центрами отправления коллективных культовых церемоний, а также уяснить мотивы их поведения и систему взглядов по поводу того, что же такое «истинная» православная вера. В открытых письменных документах руководители раскола редко затрагивали эту тему. Будучи, как правило, грамотными, но опасаясь быть уличенными в расколе, они предпочитали аттестовать себя «темными» — «письму не обученными».

Тем более любопытно видеть, кто из них в судьбоносных ситуациях брал-таки на себя ответственность, ставя свои подписи, — за себя, своих соседей и родственников, — в важных документах, подобных тому, который положен в основу нашего очерка. Это — прошение ишимских старообрядцев о легализации староверия, поданное в 1837 году на имя наследника российского престола — царевича Александра Николаевича, «предпринявшего великий труд воззреть на отдаленный край Сибири и достигшего пределов границ Азии...».

Но вначале — несколько эпизодов из истории раннего ишимского раскола, знакомство с которыми сделает более понятным сущность того разговора, к которому приглашали ишимцы будущего императора.

Самые ранние свидетельства, указывающие на то, что на Ишиме изначально бытовал «крепкий» раскол, относятся ко времени кровавых событий 1722-1735 годов, последовавших в связи с «бунтом» тарского гарнизона. Поводом к нему послужил указ Петра I о приведении к присяге служилых людей и горожан безымянному преемнику короны. Необычность такой практики народное сознание связало с наступлением «последних времен», ибо было «приказано приводить к присяге антихристу, имени которого вымолвить невозможно».

Большинство служилых людей связывало с крестьянской массой непосред-

ственное родство и, соответственно, единство религиозного мировоззрения, а значит, и общая борьба против принудительной записи в официальное православие или же уплаты двойного оклада. Последний был выдвинут в качестве условия для легализации приверженцев старой веры.

Розыск загнал бежавших из Тары и ее окрестностей участников «бунта» в староверческие скиты — «пустыни», где скрывалось много беглых от «двойного оклада». Одна из них, «Сергиевская», располагалась близ Тары. Глава ее, отец Сергей, руководитель поповского толка, принимал к себе «Ишимского и других дистриктов... крестьян и беглых рекрут, з женами и з детьми...».

Уже вскоре военные команды добрались и до скитских беглецов. Были арестованы известные, авторитетные у окрестных староверов старцы-расколоучители. Староверческие сообщества ответили на аресты и кровавые расправы массовыми саможжениями. «Гари» выступали как символ «огненного» очищения от антихристовой реальности, — искупительной жертвы приверженцев «истинной» веры во имя загробного душе спасения себя и своего рода.

Ишимцы не остались в стороне от этих драматических событий. Первая гарь состоялась в деревне Коркиной Ялуторовского дистрикта. Вторая — в Ировской деревне Абацкой слободы — при попытке полковника А. Парфенова провести перепись старообрядцев в конце 1721 — начале 1722 года. Третья — там же, в конце 1722 года. По сведениям Н.Н. Покровского, близ деревни Ировской, «находился старообрядческий скит, обитатели которого приняли участие в тарском бунте и разыскивались следователями». Гонитель старообрядцев митрополит Антоний в своих отчетах в Синод сообщал, что в деревнях Коркиной, Ировской и других сгорели крестьяне, «не хотящие под платежом быти двойного окладу, к соединению же матери нашей церкви святой не приклонившиеся»¹.

Саможжения на р. Пышме также не обошлась без участия ировцев. Готовившаяся в 1722 году, но не состоявшаяся гарь в безымянной деревне в верховьях р. Ука, в пределах Ялуторовского дистрикта, по призыву беглых крестьян

*Икона Божией Матери
«Казанская», с образами
Спаса Нерукотворного и
Святой Троицы.*

*Старообрядческое литьё. XVIII век.
Из частного собрания.*

Авдеевых, по-видимому, также была связана с ишимцами. Позже, в 1840-е годы, именно в этом месте — в деревне Сосновка — действовала часовня, являвшаяся коллективной собственностью ишимских и ялугоровских староверов.

Дальнейшие события показывают, что в среде ишимцев издавна существовали обе основные ветви раскола — поповщина и беспоповщина — причем между ними шла конкуренция за «духовных детей». Первая, отвергая никонианскую церковь, пользовалась для своих нужд услугами «самоприходящих» попов, вторая не признавала священства вообще, полагая, что во времена царствования Антихриста «истинного» священства не может быть. Требы в среде беспоповщины, делившейся на множество толков,

исправляли авторитетные миряне — «наставники».

Через 30 лет после тарского розыска в 1750 году был разгромлен в Невьянске филиал известного выговского поморского беспоповского центра — детище известного уральского заводчика Акинфия Демидова. Четыре сестры Бархатовы (Верхотуровы) были обитательницами Невьянской резиденции поморского Выга. Две погибли в ходе розыска. Клан Бархатовых оказался рассеян по всей Сибири, включая Ишим. Фамилия одного из Бархатовых встречается в группе инициаторов диалога с наследником. Это — житель деревни Гагарьева Ефрем Бархатов, а подпись за него на документе поставил однодеревенец Варлаам Лоскутов. Весьма любопытно, что представитель клана Бархатовых в данном случае выступал в роли старовера-поповца.

Отголоском невянского разгрома, а также результатом показаний находившихся под следствием поповцев стал арест в 1750-м году до десятка беспоповцев-поморян (т.е. ведущих свой «толку» от выговцев) в деревнях Коркиной слободы на Ишиме. Выясняется, что руководителем беспоповской общины здесь был крестьянин Еремей Иванов сын Поинкин-Братцев, основатель деревни Понькиной. Ему «удалось обмануть консисторию, успешно разыграв темного мужичка». Он мнимо согласился принять православие вместе с семьей, вследствие чего получил обратно даже часть отобранных книг. Затем, выждав некоторое время, вновь «осторожно занялся старообрядческой агитацией».

Еремей Понькин, по-видимому, был из тех приверженцев старой веры, которые восприняли драматические события предшествующей эпохи как важный урок. Судя по гибкости его поведения в отношении официальной церкви и веры, он пришел к выводу, что для сохранения своих внутренних религиозных воззрений отпасть нет необходимости прибегать к таким крайним акциям, как самосожжение и даже «исплеывание» святых даров после причастия².

Еремей Понькин со своим семейством регулярно ходил в официальную церковь и ежегодно причащался, сохраняя верность двуперстию. При этом он продолжал оставаться авторитетом в своей среде и даже организовал старо-

обрядческий «монастырек» с училищем при нем.

Менялись и времена, и люди. Позже, когда в эпоху Николаевского царствования власти вновь приступит к «выгонкам» раскольников в единоверческие приходы, мнимые их переходы в единоверие станут «заобычай», как верное средство избежать судебного процесса и наказания. Мысль о том, что вера есть дело каждого индивида и даже целого сообщества, не зависящее от внешних форм поведения и обрядности, внедрялась в общественное сознание масс с большими издержками и человеческими потерями.

Не менее любопытно и то, что одновременно и параллельно с деятельностью беспоповского наставника-рационалиста Понькина, в окрестностях нынешнего Ишима — Коркиной слободы, функционировал большой скит поповского расколоучителя Гаврилы Семеновских с характерным прозвищем — Морока. Замечателен этот человек был тем, что вначале служил православным священником в Никольской церкви той же Коркиной слободы и «усердно искоренял двоеперстие среди своих прихожан»³. Не исключено, что в числе их было и семейство Понькиных.

Через два года после принятия священнического чина поп Гаврила, пережив несколько «видений», бросил свою семью, расстался с официальной церковью и ушел в бега со старообрядцем Петром Серебrenниковым. Некоторое время беглецы жили в келье на острове, что на Черемховом озере. Оттуда Гаврила был взят другим раскольников, зажиточным крестьянином Григорием Бердюгиным. Он поселил священника на своей заимке и после соответствующей проверки в 1731 году препроводил к известному старообрядческому священнику Семену Васильеву Ключареву (Вятскому), на Демидовские заводы.

Ключарев был важной фигурой в поповщине — держал в своих руках все староверческие связи Сибири, Урала и Керженца. Бывший коркинский священник, пройдя у этого авторитетнейшего вождя староверия обряд «исправления» прежнего никонианского крещения, получил от него благословение на создание собственного центра — старообрядческого прихода на Ишима.

Феодоровская икона Божией Матери из села Окунёво. Московское старообрядческое письмо. XIX век. Из частного собрания.

В лесу близ Абацкой слободы, все на той же реке Ир, ученик Ключарева с помощью крестьянина Марка Обросимова Мятлева поставил келью. А вскоре, перебравшись на реку Ташаир, в верховьях ее создал скит, действовавший 18 лет, до ареста в 1750-м году. Местные жители тщательно берегли скит. Ученики Мороки жертвовали даже жизнью, чтобы отвести сыскные команды от путей, ведущих в скит, — один из них в 1747 году сжег себя с этой целью.

Далеко за пределы Ишима разлеталась слава о мудром, но простом и доступном расколоучителе, вблизи которого то и дело творились чудеса в духе библейских сказаний. В числе их — и якобы самозажигающиеся свечи, горевшие по две недели с необычным благоуханием, и священная книга, боговдохновенно написанная на неизвестном языке неграмотной крестьянкой Василисой Коноваловой, и через нее же поведенные свыше тайны клада хана Кучума.

*Старинный дом в селе Окунёве. Сентябрь 2004.
Фото Г.А.Крамора.*

Для своих адептов Гаврила казался святым, для соседей-беспоповцев «Морокой». Очевидно, что прозвище это, несущее отнюдь не благолепную оценку его деяний, получил он от своих конкурентов, рационалистов-беспоповцев. Не случайно Понькин и его товарищи попали в консисторию после того, как Морoka и его сообщники стали давать там свои показания в ходе расследования в 1750 году.

Уже будучи под конвоем, Гаврила разослал своим духовным детям берестяные воззвания, призывая пострадать вместе с ним, ибо полагал, что «настали последние времена». Возможно, как этой акцией, так и дальнейшими своими показаниями он рассчитывал вызвать очередное массовое «огненное крещение». Он не щадил в моменты очных ставок ни себя, ни своего наставника — Семена Ключарева, ни своих соратников, арестованных по его наводкам. Однако массовых протестов, как можно было ожидать, на Ишиме не произошло.

Наступившая затем эпоха Екатерининского царствования принесла держателям старой веры некоторое облегчение. Положительную роль в этом сыграли события американской революции. Екатерина опасалась отпадения своих окраин от империи по образцу английских

«провинций». Она сняла со староверов двойной оклад и запретила употреблять само выражение «раскольник»⁴. На окраинных территориях староверие как бы задремало, не проявляя активности в политической борьбе, но по-прежнему оставаясь актуальным на уровне семейных и фамильно-клановых коопераций. Их укрепление в свою очередь благотворно сказалось на хозяйственной и экономической жизни сибирской деревни.

Екатерининская относительная веротерпимость к религиозному инакомыслию своим естественным результатом имела поступательное развитие мелкотоварного производства. Этому способствовала и некоторая свобода торговли, и право самоуправления, предоставленные казенному крестьянству в ходе реформ. Поэтому не удивительно, что, окрепнув экономически, оно выступило в роли конкурента купечества.

Большая часть сибирского купечества, собственно, и выросла на крестьянской почве. Поэтому не удивительно, что купеческое сословие так же, как в свое время служилое, было связано с крестьянством и родством, и мировоззрением. Раскол, как поповский, так и беспоповский, выступал «исконной», родовой верой для значительной части сибирских

купцов-предпринимателей. В дальнейшем, используя ее, купеческая верхушка попыталось подчинить аграрную экономику силе своих капиталов и интересов. Путь к этому она не без основания увидела в создании особой, юридически признанной правительством старообрядческой церкви. Задача эта на идеологическом плане совпадала с вековой мечтой староверов о своем священстве.

Момент этот наступил в эпоху Александровского царствования. Для массы староверов это время позже станет легендой. Именно к нему будут апеллировать и ишимские поповцы, обращаясь к наследнику с просьбой вернуть к жизни узаконения его дяди, т. н. «Правила 1822 года». Смысл этого юридического акта, как и в целом законов о расколе, был противоречив, что позволяло староверам сделать из него выводы, не отвечавшие замыслу сочинителей «Правил». Это тем более было возможно, что практика как будто подтверждала иллюзии, возникавшие благодаря слухам, вокруг этого «секретного» документа.

Уже в начале XIX столетия с помощью купеческих капиталов уральским предпринимателям удалось сделать то, о чем мечтали староверы-поповцы. В Екатеринбурге в 1814 году появилась старообрядческая церковь. Действовала она легально, но юридически не была признана. В состав урало-сибирской конфессиональной самоорганизации вошли поповцы Пермской, Оренбургской, Тобольской губерний. В конце 20-х годов она насчитывала в своем составе около 150 тысяч душ обоего пола.

Услугами екатеринбургского священника пользовались старообрядцы самых отдаленных селений Тобольской губернии, включая Тюкалинский и Каинский округа. Как то следует из прошения наследнику, ишимская поповщина также являлась филиацией Екатеринбургской. Сибиряки ездили в Екатеринбург за исполнением треб, «истрачивая много времени и большие деньги»⁵.

С 1822 года и в Томской губернии, в самом ее центре — городе Томске, в часовне именитого купца Мыльникова завелся «иргизский» священник Иван Михайлов (Грузинский), который стал беспрепятственно совершать требы для всех приобских раскольников-поповцев.

Местные приходские священники писали панические доношения в Духовное правление, оно, в свою очередь, обращалось к земским судам, к губернатору П.К. Фролову. Но сила купеческих капиталов и странные указы из Центра делали свое дело. Тобольская консистория оказалась перед фактом функционирования в Приобье большой староверческой епархии. В ее состав вошли до десятка заводских и казенных волостей. Эта епархия функционировала в течение 1822 — 1830 годов. После смерти Александра I правительству с трудом удалось ликвидировать последствия странных извивов его конфессиональной политики.

Дирижерами ее, как выясняется, были уральские купцы — «попечители» екатеринбургской старообрядческой общины — «Резанов и Казанцов»⁶, будущие томские золотопромышленники. Начало предпринимательской деятельности Я.М. Рязанова относится к 1824 году, когда он получил от императора «субсидию на поиск золота в Сибири»⁷. Именно в этом году Александр посетил Урал, встречался там с руководителями старообрядческой общины, публично тем самым оказав ей благосклонное внимание. Это событие отозвалось слухами по всей Сибири о покровительстве императора старообрядцам. Подтверждением этому была открытая деятельность старообрядческого священника в Приобье.

Появление Михайлова в Томске фактически совпало с рассылкой губернаторам высочайше утвержденных секретных «Правил» от 26 марта 1822 года, запрещавших ремонт старых и строительство новых раскольников часовен, а также и прием вновь приходящих беглых священников. Но был в нем важный пункт — прежних попов разрешалось держать в том случае, если не обнаруживалось за ними каких-либо уголовных преступлений.

По существу этого документа, он как бы предвещал новое правительственное наступление на раскол⁸. Но, между тем, рассылаемые инструкции и письменные разъяснения говорили совсем о другом. Их содержание, будучи «секретным», тем не менее, оказывалось известным «опекунам», а от них — руководителям поповщины. Да и сама практика показывала — староверие близко к осуществ-

Улица в селе Окунёве. Сентябрь 2004.
Фото Г.А.Крамора.

лению своей заветной цели. Этот настрой передавался, конечно, местной поповщине и проявлял себя в дерзком, с точки зрения духовенства официальной церкви, поведении бывших прихожан: отказа участвовать в строительстве и ремонте храмов, платить «оброк» — ругу и даже подчиняться земской полиции.

Начался отток из приходов богатых раскольников, мнимо, в силу необходимости, — чтобы не оставить без наследства своих детей, — венчавшихся в официальной церкви с расписками о присоединении к православию. Повсеместно, несмотря на запреты, происходил тайный ремонт старых молитвенных домов и часовен и даже строительство новых. Разумеется, духовенство не могло равнодушно смотреть на утечку своих прихожан и требовало от Фролова ареста Михайлова. Губернатор был вынужден постоянно консультироваться у генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капцевича⁹, а тот, в свою очередь, делал запросы члену Секретного Комитета по расколу — В.С. Ланскому.

Так, в ответ на свой запрос относительно судьбы Михайлова, Фролов получил следующее разъяснение. «Честь имею сообщить Вам, милостивый государь, — писал ему Ланской, — что высочайше утвержденным положением Комитета Министров 19 мая 1825 года постановлено:

не только обвенчанных старообрядческими попами, но и соединенных раскольническими наставниками по обрядам беспоповщинской церкви браков не уничтожать и даже предоставлено сим последним утверждать свои браки или в православной приходской церкви или в старообрядческом молитвенном доме через рукоположенного священника, не делая впрочем никакого принуждения, а оставляя обстоятельство сие убеждением их совести (выд. Т.М.)»¹⁰.

Сложилась ситуация, в которой, с одной стороны, не только разрешалась, но и поощрялась внецерковная служба старообрядческого священника, с другой, преследовались не только строительство, но даже и ремонт староверческих часовен и молитвенных домов,¹¹ не говоря уже о тех, кто пытался легализовать свою «родовую» веру. А желающих сделать это «законно» было много.

Естественно, в столь противоречивой обстановке население утверждалось в своих монархических «иллюзиях» и антибюрократических воззрениях, видя в императоре защитника от посягательств на их «истинную» веру чиновников от церкви. Вся ситуация, длившаяся около десятилетия, напоминала провокацию, заложниками которой оказались все стороны, включая и гражданскую власть.

Только после смерти Александра I, да

и то не сразу, тобольским иерархам удалось лишить Михайлова священнического сана. В действие вошли распоряжения Министерства внутренних дел, данные в свое время еще М. Сперанскому 7 марта 1820 года — «раскольников судить не за веру, а за публичное оказательство ереси и нарушение общественного порядка». «Во уважение дальних расстояний» сибирским властям разрешалось тотчас предавать нарушителей закона суду, «не представляя о них Комитету министров»¹². Михайлов, однако, не был наказан и отправился служить в Шарташские скиты. Староверам же, лишившимся вновь своих священников, предлагалась альтернатива — либо официальное православие, либо единоверие. В единоверческих церквях богослужение проводилось по дониконовским обрядам («по старым книгам»), но священники, служившие в них, даже будучи избраны самими прихожанами, утверждались иерархами официальной церкви.

Старообрядцы Оренбургской, Пермской, Тобольской губерний, воспользовавшись поездкой наследника по восточным окраинам России, единодушно требовали от него вернуться к «Правилам 1822 года» и восстановить ситуацию «свободного отправления веры». Свою точку зрения на этот вопрос изложили и руководители общины ишимских староверов, поставив свои подписи 4 июня 1837 года под прошением на имя наследника от лица «до двух тысяч пятисот душ» обоего пола. Копия с копии этого документа приведена ниже¹³.

Августейшему наследнику Вашего императорского высочества Александру Николаевичу от Тобольской губернии Ишимского округа Бердюжской, Гагаринской и прочих волостей государственных крестьян обоего пола до двух тысяч пятисот душ

Покорнейшее прошение.

Августейший наследник, Ваше императорское высочество!

С издревле, как предки наши, равно и мы, состояли в старообрядстве, исполняли христианские наши таинства и требы у священников старообрядских самоприходящих, и, где они имели в боль-

ших старообрядческих христианских обществах нахождение и проживание, туда мы всегда могли для исправления оных невозбранно ездить.

А ныне священство оное, терпимое, иметь с 1828 года воспрещено, а от епархиальной власти для нас чинятся несносные стеснения. Всегда они входят в дела, достоинству и власти их не приличные, увещают не кротостию, но самыми стеснительными мерами, привлекают силою принимать единоверческих священников. Предки же наши и прадеды всегда имели попечение о вере, которая водворена и в нашем потомстве и могла бы существовать без всякого изменения и на продолжение лет.

Августейший наследник! При неизреченной сей радости благополучного посещения Вашего мы, нижеподписавшиеся, осмелились прибегнуть к Вашему императорскому высочеству и наследнику всероссийского престола, просить и умолять как отца своего и государя, — к кому прибегнем и возопием, и кого просить и умолять будем, кроме Вашего Высочества!

Мы не почитаем себе, что могли неправильно Вас беспокоить, как Вас Бог избрал Всероссийского престола наследником. Не смели бы и молить, если бы не знали Вашу душевную для всех добродетель между несколькими просвещенными народами.

Благоволите и нас не оставьте Вашим отеческим и равно богоподобным оставлением, — дабы оставила нас епархиальная власть и нимаало не заведывала в нашем вероисповедании.

Мы не есть язычники или нарушители закона, но за одно сие нас называют и поносят, что мы не приемлем одно их личное священство, ибо есть сие дело, что они, епархиальные власти, обожают свой сан, что, если где нет личного священства, тут и нет спасения. Спасение есть всякому христианину, а (-Т.М.) иметь попечение или не иметь — остается на совести каждого, — и святой апостол Павел пишет: «Вы есть церкви Бога живые, вселюся в Вы и буду им богъ, и тии будут мне людие, в том мы и имеем получить обетование в будущем царствии небесном».

Ваше высочество, простите нас великодушно — против совести своей есть тягчайшая цель изменением последовать.

*Распятие с предстоящими
и избранными праздниками.
Старообрядческое литьё. XIX век.
Из частного собрания.*

В чем рождены, воспитаны, и научены преданию своему, сие дело ибо по рождению проистекает от самого Бога, то без него и изменить не можем или приступить к новому обычаю, и только просим оставить в прежнем положении, на высочайше утвержденных Правилах в бозе почившего Государя императора Александра Павловича прошлого 1822 года марта 26 дня, и, где находятся старообрядческие наши священники, дабы к ним благоволено было невозбранно от начальства нам ездить со всеми нашими христианскими требами и взятые с них начальством в неисправлении наших треб подписки снять и тем водворить душевное и сердечное спокойствие.

К Вашему императорскому высочеству и наследнику престола остаемся верно-подданные воле Вашей нижеподписавшиеся по приговору старообрядческого общества крестьяне.

К сему покорнейшему прощению:

Вместо крестьян Василия **Ржавина**, Василия **Черкасова**, Абрама, Андрея

Ржавинных, Филиппа **Тюрикова**, Степана **Черкасова** и товарищей их личною просьбою и за себя крестьянин **Варлам Лоскутов** руку приложил.

Крестьянин **Симеон** (**Самсон**?) **Териков** руку приложил.

Александр Чешков руку приложил.

Симон Черкасов руку приложил.

Андрей Ржавин руку приложил.

Вместо крестьян **Василия Баженова**, **Гаврилы Сарапчина**, **Демьяна Мысовских** и за себя крестьян **Трофим Каргополов** руку приложил.

Вместо крестьян **Даниила**, **Степана Каргополовых**, **Ивана** и **Перфила Сорокиных**, **Трофима** и **Макара Барсуковых** личною их просьбою и за себя крестьянин **Василий Каргополов** руку приложил.

Вместо крестьян **Григория**, **Василия Сугатовых**, **Самойла**, **Андрея Суханиных** их просьбою и за себя крестьянин **Егор Доронин** руку приложил.

Вместо крестьян **Петра**, **Филиппа**, **Григория**, **Ивана**, **Самойла** (**Симона**), **Ивана Журавлевых** их просьбою и за себя **Самсон Журавлев** руку приложил.

Крестьянин **Григорий Журавлев** руку приложил.

Просьба староверов была по повелению императора переслана генерал-губернатору Западной Сибири с предписанием через доверенного чиновника объяснить раскольникам, что

«так называемые ими старообрядческие священники суть беглые, которые оставя свою церковь, нарушили тем присягу, потому законно священнодействовать не могут. А как никому не дозволяется произвольно оставлять свои места, а беглые подвергаются по законам наказанию, то сим беглым священникам никак нельзя дозволить находиться у них, раскольников, но что от них самих зависит избрать для себя правильного священника, который будет совершать богослужения так, как оно ныне у них отправляется по старопечатным книгам и, таким образом, они будут присоединены к Единоверческой церкви установленным порядком».

Генерал-губернатор послал для переговоров со староверами чиновника особых поручений Главного управления Западной Сибири **Трофимова** с распоряжением содействовать ему во всем зем-

*Старинная купеческая лавка в селе Окунёве. Сентябрь 2004.
Фото Г.А.Крамора.*

ским исправникам — Ишимскому и Курганскому.

Трофимов получил из Тобольска соответствующее секретное наставление, как вести себя с раскольниками, датированное 25 сентября 1837 года. В нем, в частности, говорилось следующее:

«... собрав там (в волости - Т.М.) через земских чиновников подписавшихся под просьбою наследнику старообрядцев и других лучших людей из их обществ, объявить им высочайшую государя императора волю». При беседе с ними — употребить «все меры благоразумного внушения, чтобы они, оставя незаконных священнодействующих у них священников, приняли бы к себе для отправления христианских треб и богослужений по старопечатным книгам священников правильных, предоставив им в сем случае избрать таковых по собственному их усмотрению из всей Тобольской епархии. И в исполнении этого взять круговые с них подписки лично за себя и за семейства их, которые и представить ко мне для внесения через господина министра внутренних дел на всемилостивейшее соизволение его императорского величества».

Из донесения Трофимова, которое было отправлено в Тобольск 4 октября

1837 года, мы узнаем, что старообрядцы «отлагают» выборы священника —

«до узнания, как поступят в этом деле старейшины их Екатеринбургского общества собственно для того, чтобы с ними ни в чем не разниться, ибо считают их во всем относительно веры своими руководителями. Но если екатеринбургцы не согласятся иметь правильного священника при своей Никольской церкви, или правительство им это не дозволит, в таком случае ишимские и курганские старообрядцы, убежденные мною в необходимости иметь священников, изберут таковых для себя независимо от екатеринбургских, с тем только, чтобы епархиальное начальство не имело на них никакого влияния, кроме требований метрических свидетельств. Подчиненного же местному архиерею священника принять к себе они никак не соглашаются из опасения, чтобы по наставлениям архиерея он не изменил древних обрядов богослужения и не старался о присоединении их к общей Православной церкви, чего они боятся более всего.

Далее следуют подписки крестьян, предваренные следующим текстом:

«1837 года октября 1 дня. Мы, нижеподписавшиеся из старообрядцев

Образ Божией Матери
«Одигитрия». Литая икона.
XIX век. Из частного собрания.

Ишимского округа Гагарьевской, Бердюжской и других волостей, подавших 4 июня сего года всеподданнейшую просьбу Государю цесаревичу наследнику всероссийского престола и великому князю Александру Николаевичу о дозволении исправлять у нас духовные требы и богослужения чрез самоприходящих священников, как то было при пра-родителях наших, и прочие того же общества лучшие люди, собранные в селе Бердюжском, с благоволением выслушав последовавшую по помянутом прошении нашем высочайшую е. и. в. волю, изъясненную в прочитанном нам ныне чиновником особых поручений Главного Управления Западной Сибири Трофимовым при ишимском исправнике Худыковском и Ишимского округа стряпчем (т.е. прокуроре — Т.М.) Ковригине Отношении г. министра Внутренних Дел к генерал-губернатору Западной Сибири от 28 минувшего августа за № 2639, и, вняв кратким душеспасительным внушениям господина Трофимова, по долгом совеща-нии между собой все единомысленно и единодушно признали полезнее иметь у себя на будущее время священника правильного и постоянного на том, впро-чем основании, на каком разрешено бу-дет иметь такового екатеринбургским

старообрядцам — нашему обществу церк-ви святителя и чудотворца Николая. Вслед-ствие поданных тем обществом в одно с нами время особого всеподданнейшего прошения, то есть, чтобы священник этот совершал богослужение и все христиан-ские требы только так, как они отпра-влялись у нас донныне по старопечатным книгам, изданным до времени патриар-ха Никона, без всякого при том влияния местного архиепископа. Но избрание священника, который бы быть у нас согласился, обещаемя сделать в Тобольс-кой епархии по нашему усмотрению тогда, как будет дано подобное разреше-ние екатеринбургскому обществу. О чем и подписуемя, присовокупляя, что из приложивших руки ко всеподданнейше-му прошению нашему находятся:

Уктусской волости д. Окуневой — Данило и Трофим Каргополовы и Тро-фим Барсуков;

Гагарьевской волости д. Гагарьевой — Василий Ржавин и Семен Черкасов;

Бердюжской волости: д. Старой Ря-мовой — Григорий Журавлев и Иван Фомин Журавлев в разных из домов своих отлучках;

д. Окуневой — Степан Каргополов и Иван Сорокин;

д. Травной — Василий Баженов — больны;

д. Гагарьевой — Степан Черкасов после подписи прошения волею божиею помер.

На сей подписке вместо неграмотных крестьян:

Бердюжской волости д. Старой Ря-мовой — Петра, Никифора Федорова, Ивана, Ефима, Никифора Прокофьева, Василия, Веденя, Самойла, Григория и Филиппа Журавлевых; Самойла, Анд-рея и Леонтия Суханиных; Григория, Самойла, Герасима, Василия Осипова, Василия Леонтьева и Ивана Кугатовс-ких; Фатя Журавлева, Филиппа Су-ханина, Василия Абоскалова и Кирилла Доронина по их личной просьбе и за себя — руку приложил крестьянином Егор Дмитриев ДОРОНИН.

Крестьянин Симеон Фомин Журав-лев руку приложил (сам - Т.М.).

Вместо неграмотных крестьян Уктус-ской волости д. Окуневой — Макара и Мелесия Барсуковых; Артемия, Терен-тия и Михаила Васильевых, Перфила и Никифора Сорокиных; Нестора и Кле-

ментия **Денисовых**; Митрофана **Каргополова**; Лифана **Кокушкина**, Трофима **Кошкарова**, Егора **Сысолетина**, Марка **Копытова** — по их просьбе и за себя руку приложил крестьянин **Василий КАРГОПОЛОВ**.

Вместо неграмотных крестьян Гагарьевской волости д. **Гагарьево** — Савелья **Ни...на** (неразб. — Т.М.), Филиппа **Тюринова**, Василия **Черкасова**, Ерофея **Ржавина**, Никиты **Лоскутова**, Ивана, Оверьяна, Константина и Козьмы **Бобрызловых**, Максима **Монашова**, Луки **Чмутина**, Елисея **Черкасова**, Ортемия **Устюжанина**, Лариона и Егора **Титовых**, Моисея **Черкасова**, Сергея и Петра **Толкачевых**, Михаила **Тюринова**, Ефрема **Бархатова**, Бориса **Бадрызлова**, Андреяна **Ерукова**, — по их просьбе и за себя руку приложил крестьянин **Варлам ЛОСКУТОВ**.

Той же деревни **Гагарьево** крестьянин Андрей **РЖАВИН** руку приложил и за себя и за крестьянина д. **Чирковой Карпа Поясова**.

д. **Окунево** крестьянин Иван **Васильев** руку приложил (сам - Т. М.).

Вместо неграмотных крестьян д. **Травной** — Герасима **Саранчина** и Трофима **Каргополова** руку приложил крестьянин **Александр ЧЕШКОВ**.

д. **Гагарьево** — крестьянин **Ефим Ржавин** (подписал сам — Т. М.).

Подлинную подписку отбирал чиновник особых поручений ГУЗС А. Трофимов. При отобрании находились Ишимский исправник Д. Худыковский и окружной стряпчий **Василий Ковригин**.

Как видно из двух документов, ишимская община поповцев стояла хотя и в вежливой, по отношению к наследнику позе, но достаточно жестко отстаивала право на свободу совести. В качестве аргументов выставлялись не только истинность веры, преданность ей, как полученной по рождению, и, соответственно, богоданной, но и «неправильное» поведение епархиальных властей. В глазах раскольников последние по-прежнему, как и двумя столетиями ранее, выглядели людьми, которые, благодаря «личному священству», присвоили себе право, принадлежащее самому Богу, — решать вопрос, кто достоин спасения, а кто нет: «епархиальные власти обожают свой сан, что, если где нет

Образ Божией Матери
«Всех скорбящих Радосте».
Литая икона. XIX век.
Из частного собрания.

личного священства, тут и нет спасения».

Ишимцы уверенно заявляли, что они отнюдь «не язычники» и подчеркивали незыблемость своего кредо — «Спасение есть всякому христианину, а (-Т.М.) иметь попечение или не иметь — остается на совести каждого». Выглядело это почти как наставление молодому царевичу. Документы донесли до нас фамилии ишимских староверов той эпохи, поставивших либо лично, либо через рукоприкладчиков свои подписи под ним:

Абоскалов, Бадрызлов (5), Баженов, Барсуков (3), Бархатов, Васильев, Доронин, Еруков, Журавлев (14), Ильин, Каргополов (8), Кокушкин, Копытов, Кошкаров, Кузатовский (6), Лоскутов (2), Монашов, Поясов, Ржавин (4), Саранчин, Сорокин (6), Суханин (4), Сысолетин, Титов (2), Толкачев (2), Тюримов (2), Устюжанин, Фронин, Черкасов (5), Чешков, Чмутин¹⁴.

Шквал старообрядческих прошений, обрушившийся на наследника, — при-

чем из прочих особенно зауральских, ишимское выглядело наиболее безобидным в своей лексике, — принес много хлопот как церковной, так и светской бюрократии. Может быть, в этом заключалась одна из многих причин, по которой передача власти наследнику была отложена.

После изложения своих взглядов в «прошениях» на имя будущего императора руководителям поповщины пришлось продолжать диалог с властвующим носителем короны — Николаем Павловичем. От его лица разговаривал в Бердюжском волостном правлении в присутствии прокурора с руководителями ишимских поповцев чиновник особых поручений Трофимов. Ему не случайно было приказано тщательно (с указанием волостей и селений) взять «подписки» с авторов «Прошения» наследнику и четко выявить их позиции относительно предлагаемых условий, на которых они соглашались иметь легализованную общину. Как видим, ни о каком особом налоге теперь вопрос не стоял. Речь шла о выборном священнике и степени его подчиненности епархиальным властям.

В Комитете по расколу внимательно изучалось содержание «прошений», отразивших настроения наиболее крупных староверческих общин. Они позволили Николаю выработать достаточно твердую линию на канализацию поповщины в рамках Единоверческой церкви. Начал он, естественно, как и его брат, — с купцов — «попечителей». Последним пришлось формально ответить, отнюдь не за свои «грехи», а за те, которые оставил ушедший с политической сцены «Благословенный»¹⁵.

Яким Рязанов уже в 1834 году был декоративно обвинен в «разглашении высочайше утвержденных 26 марта 1822 года Правил о беглых попах», «изданных по секрету», «в составлении старообрядческих приходов» и еще в целом ряде более мелких, по сравнению с названными, поступках (добывание попа, укрывательство его, выдача брачных свидетельств). Наказание он понес тоже декоративное — «выдержан» был один месяц в полицейском участке — в Управе благочиния. Весьма характерно, что наказали его по мелочам, а «по предмету составления приходов ... был оставлен без разыскания».

В течение 1837 и 1838 годов против Якима Рязанова и других старшин Екатеринбургской поповской общины было вновь возбуждено дело — их обвиняли в противодействии противораскольничьей миссии. Дело было доведено до сведения императора. Рязанов, не ожидая последствий, обратился в единоверие вместе со своим семейством, его примеру последовали еще девять раскольничьих купеческих семей Екатеринбурга. Видя такую «ревность» к распространению единоверия, император 17 февраля 1838 года распорядился закрыть дело.

В 1840-м году пермский епископ, обратившись в Синод, просил обратить внимание на «усердие» купца первой гильдии Якима Рязанова, который не только способствовал обращению в единоверие раскольников, но и сделал значительные денежные пожертвования единоверческой церкви¹⁶. Ходатайство о «награждении» Рязанова поддерживал сам император.

Поддержка купцами-миллионщиками начинаний Николая I, вне сомнения, способствовала успеху его политики. Как следует из донесений Трофимова, крестьянские поповские общины Сибири внимательно следили за своими екатеринбургскими руководителями. Впрочем, была высказана и альтернатива — самостоятельно принять решение, если принятое головной общиной не устроит ишимцев.

По-видимому, в дальнейшем ишимские поповцы «раскололись» при обсуждении вопроса о том, на каких условиях возможно принять единоверие. В материалах следствия 1844 года, проходившего по делу раскольника Василия Каргополова, нам встретилась Ведомость ишимских селений с указанием числа старообрядцев, обратившихся к названному году в единоверие. Их численность составила, как написано в источнике, до 1540 человек¹⁷. По компьютерным подсчетам эта цифра уменьшается на 200 человек, но выглядит все равно внушительной, составляя почти одну четверть от общего числа ишимских раскольников.

Примечания

¹ Цит. по: Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старо-

обрядцев в XVIII в. - Новосибирск, 1974. - С. 57 и др.

² «Дело доходило до таких курьезов, - пишет Н.Н. Покровский, - как наличие в полу церкви с Пышменского специально прорубленной крестьянами дыры близ большого креста, чтобы во время поклонов перед крестом удобнее было выплунуть причастие, которое тогда уже нельзя было заметить на полу». - Покровский Н.Н. Организация учета старообрядцев в Сибири в XVIII в. - Русское население Поморья и Сибири. - М., 1973. - С.392.

³ Подробно деятельность и судьба Г.Мороки освещена в ст. Н.Н. Покровского «Крестьянский руководитель сибирских староверов-повповцев середины XVIII в. Гаврила Морока» («Вопросы истории Сибири. Вып. 11. Из истории крестьянства Сибири. - Томск, 1982. - С.17-27»). Место Коркиной слободы автором почему-то отнесено к району Коркиной крепости под Челябинском (возникшей позже, хотя из контекста очевидно, что речь идет об Ишиме. - С.20.

⁴ См.: Покровский Н.Н. Антифеодалный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. - Новосибирск, 1974. - С.345.

⁵ Великов Д.Н. Томский раскол. Исторический очерк от 1834 по 1880-е гг. - Томск, 1901. - С. 32-33.

⁶ См.: Уральский старообрядец. - 1915, № 1. - С.572.

⁷ См.: Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. - Т.3, кн. 3 (Н-Р). - С.122. Оба предпринимателя активно искали золото сначала в Тобольской (1825-26 гг.), а затем - в Томской (1829-31 гг.) губерниях. Открытый их компанией в Мариинской тайге прииск дал несколько сот пудов золота на десятки миллионов рублей. С 1838 года Яким Рязанов с племянником А.Т. Рязановым перешли к поискам золота в Енисейском округе. Открытые ими прииски в начале 1840-х годов давали свыше 50 пудов золота в год.

⁸ По некоторым данным еще в 1817 году был создан Секретный Комитет по делам о раскольниках, призванный выработать более по-

следовательную и жесткую линию в отношении религиозной оппозиции. Комитет несколько раз обновлялся. В марте 1825 года в его состав входили: митрополиты Санкт-Петербургский и Киевский, управляющий Министерством внутренних дел Ланской и представитель Министерства народного просвещения - адмирал Шишков. - См.: Васильевский М.Н. Государственная система отношений... - С. 10-11; Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Кн.8 доп. История распоряжений по расколу. - СПб, 1863 - С. 191.

⁹ Не находя себя в праве из-за предписания управляющего МВД, в 1822 г. последовавшего, приступить ни в каком отношении к выполнению настояния Томского духовного правления, ни сообщить оному высочайше утвержденным Правилам о раскольнических священниках, и дабы избежать на будущее время затруднения в переписках о сем с духовным начальством, я имею честь представить обстоятельству сие в благорассмотрение Вашего превосходительства покорнейше испрашивать начальственного разрешения Вашего: как надлежит поступать в настоящем случае». - ГАОО, ф.3, оп. 14, д. 18726, л. 6 об.

¹⁰ Там же, л. 9 об.

¹¹ ГАОО, ф. 3, оп. 14, д. 18702, л. 38-49 об.

¹² Там же, д. 18736, л. 11 об. Фролов получил это распоряжение 17 марта 1827 года.

¹³ РГИА, ф. 1284, оп. 197, д. 90. Далее листы даны в тексте в скобках.

¹⁴ Документы несколько раз переписывались (с них снимались копии), в результате неизбежно возникали искажения фамилий: Бадрызовы - Бобрызовы; Кутатовский - Сутатовский; Суханин - Сухинин; Тюримов - Тюринов - Тюриков - Териков. Называются ли здесь носители разных фамилий или одной, сейчас решить трудно.

¹⁵ Как известно, ходила легенда, что император не умер, а «ушел» и, по слухам, скрывался все в том же Томске под видом «старца» Федора Кузьмича.

¹⁶ РГИА, ф. 1284, оп. 198, д. 55, л. 1-8 об.

¹⁷ РГИА, ф. 1284, оп. 200, д. 141, л. 28 об.

Н.А.ПРОСКУРЯКОВА

«Мы боролись за свободу, а получили кабалу»

Даниил Васильевич Шаронов (1887-1938)

Более сорока лет назад одной из центральных улиц города, Лесной, было присвоено имя Даниила Васильевича Шаронова. Но в наше время мало кто из горожан сможет объяснить, судьба какого человека скрывается за привычным

топонимом «улица Шаронова». Только в материалах, подготовленных известным краеведом М.А.Бровком (публикации в местной газете под общим заголовком «Боевая слава не померкнет», книга «Ишимские коммунисты в борьбе за

*Даниил Васильевич Шаронов.
Ишим. 1936.*

*Фотокопия Г.П.Кузурманова.
Из собрания центральной
городской библиотеки.*

власть Советов» и плакат «Герои гражданской войны — наши земляки», посвящённый 65-летию освобождения Ишима от «колякаковщины»), можно найти ответ: в далёком 1918 году Д.В.Шаронов стал первым командиром отряда красной гвардии, организованном на станции Ишим для охраны «революционного порядка». Отряд, организованный неким Шустером (впоследствии расстрелян белыми), был создан в помощь местной милиции. Но героическая история, составленная Марией Александровной, заканчивалась так: «До 1929 года Шаронов продолжает служить в Красной Армии. По возвращении занимал ответственные хозяйственные посты в нашем городе»¹. И больше ничего.

В этой недоговорённости скрывалась какая-то загадка, намёк на трагический финал, который, как теперь известно, часто ожидал «пламенных большевиков» в сталинскую эпоху. Увы, ни родственники Даниила Васильевича, ни доступные печатные издания не могли проя-

нить этот вопрос. Оставалось одно: обратиться туда, где «знают всё». Запросы были отправлены в Архивные управления ФСБ по Омской, Тюменской областям, в Центральный архив на Лубянке. Три года шли поиски, и только в 2003-м, благодаря помощи начальника Архивного управления ФСБ по Тюменской области Виталия Александровича Дронова и начальника отделения РУ ФСБ в городе Ишиме Николая Степановича Деменчука нашлось-таки уголовное дело № 7499 «по обвинению Шаронова Д.В., Белоногова С.К. и Первышина Ф.Н. по статье 58-10-11». Оно и рассказало бесстрастно о последних годах жизни героя революции.

Начинается дело со справки на арест: «в Ишимское РО НКВД поступили данные, свидетельствующие о том, что в городе Ишиме гражданин Шаронов, бывший член ВКП(б), исключённый из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции, поддерживал нелегальную связь с находящимся в ссылке Углановым, которую держал в строжайшем секрете. Будучи озлобленным своим исключением из партии, Шаронов систематически занимался контрреволюционной деятельностью, направленной против политики партии, правительства и ЦК ВКП(б). В 1936 году в кругу своих знакомых Шаронов говорил: «Я во время революции командовал дивизией и был хорошо знаком с Зиновьевым, Каменевым и Углановым, последний подарил мне книгу, в которой указаны все герои того времени за исключением Сталина. Автор этой книги был в оппозиции Сталину и просто не считался с ним». В 1936 году Шаронов, питая ненависть к советской власти, в кругу своих знакомых не раз повторял: «У теперешней власти защиты не найдешь, тебя разденут, а ты права не найдешь. Власть не наша, мы боролись за свободу, а получили кабалу. У власти справедливых людей нет ни одного, все они пришельцы, нет ни одного старого борца». В данное время Шаронов активизирует свою троцкистскую деятельность, сочувственно отзывался о троцкистско-зиновьевском центре и высказывался за необходимость борьбы против партии, а поэтому полагал бы гражданина Шаронова подвергнуть уголовной ответственности в качестве обвиняемого»².

Справка на арест, составленная помощником оперуполномоченного А.Боровиковым и утверждённая начальником Ишимского РО НКВД младшим лейтенантом госбезопасности Н.Бараусовым, санкционирована прокурором города 7 ноября 1936 года. Пятидесятилетний Шаронов к тому времени уже не работал, будучи на инвалидности (как сообщалось в медицинском заключении: «страдал хроническим миокардитом и склерозом сосудов головного мозга»). За день до ареста Даниил Васильевич отправился на охоту в деревню Безруково (ныне село Ершово), вернулся к вечеру. А наутро, в день 20-летия Октябрьской революции, когда весь город вышел на демонстрацию, к дому по улице Крестьянская, 4 (ныне Чкалова) подъехал «вороною». При обыске изъяли только «охотничьи ружья, коробки с порохом, 9 штук заряженных патронов и 1 пустую гильзу»; самого Шаронова увезли в тюрьму — мрачное здание за высоким забором на улице Артиллерийской.

На первом допросе Шаронов рассказал о Н.А.Угланове, с которым разделял когда-то все невзгоды армейской походной жизни. Последняя встреча с ним произошла на квартире Николая Александровича в Москве, в 1931 году. Он подарил Даниилу Васильевичу ружьё и журнал (который Шаронов и называл «книгою»), где были опубликованы его воспоминания.

В научной библиотеке Томского университета нам удалось найти этот журнал — «Красная летопись» за 1930 год, с обширной статьёй Николая Углanova «Оборона Красного Петрограда». Вот что, в частности, он пишет: «1 августа 1919 года Петроградским комитетом партии я был назначен членом военного совета Карельского боевого участка и комиссаром действовавшей там дивизии. Таким образом, на меня ложилась задача организации обороны Петрограда от наступлений со стороны Финляндии. Никаких крупных боевых операций в это время на Карельском участке не было, за исключением мелких перестрелок застав и разведочных партий. В этот период в дело организации обороны Петрограда были внесены существенные изменения. Был создан штаб Петроградского укрепленного района, который был разбит на секторы: Карельский и Гатчинский. Воен-

ный совет Карельского сектора боевого участка состоял из трёх человек: коменданта Д.В.Шаронова и членов — Углanova Н.А. и Жука И.П. Тройка наша на Карельском участке была дружной, сплочённой. Помощники наши по работе на участке оказались хорошими большевиками и энергичными работниками»³.

«Анкета арестованного» из уголовного дела чрезвычайно скупа на биографические сведения. Согласно ей, родился Д.В.Шаронов 11 декабря 1887 года в Ишиме, национальность — русский, род занятий до революции — художник-декоратор, окончил Ишимское городское четырёхклассное училище и Казанское военное училище. В Красной Армии на командных должностях — с 1918 по 1931 год. Н.А.Угланов более словоохотлив: «Всю империалистическую войну 1914–18 гг. пробыл на фронте. Как имеющего среднее образование и чин унтер-офицера его послали в школу прапорщиков. Из старой армии по демобилизации он ушел подпоручиком. В члены партии большевиков вступил в 1917 году. Прибыл в 1918 году на родину, в Ишим, Шаронов принялся вместе с другими фронтовиками за строительство советской власти. Но летом 1918 года в Сибири подняли восстание чехословаки, а затем началась колчаковщина. Шаронов собрал вокруг себя всех революционно настроенных рабочих, служащих, батраков, крестьян, бедняков, солдат-фронтовиков, вооружил их и с боями начал двигаться к Уралу на соединение с Красной Армией, по дороге присоединил к себе красногвардейские отрядики из сёл и деревень и рабочих-железнодорожников. Долгое время Шаронов командовал особой бригадой и отдельным отрядом в 3-ей армии Восточного фронта против Колчака и в августе 1919 года был переброшен на Петроградский фронт, где во время ликвидации Юденической армии и закончил этот фронт командованием одной из бригад 6-ой дивизии»⁴.

В этот период неженатый 32-летний Шаронов попал в неприятную историю, зафиксированную в протоколах допроса Особого отделения при 6-ой стрелковой дивизии; копию одного из них, от 19 декабря 1919 года, мы получили из Центрального архива ФСБ. Шаронов рассказывал о том, что штаб коменданта Карельского сектора находился в Озерках

Дом по ул.Чкалова, 18 (ныне снесён), где родился и вырос Д.В.Шаронов. Вид с севера. 1960-е. Из фондов ИКМ.

(тогдашний северный пригород Петрограда) в доме мадам Руке; здесь же он познакомился и с некоей Шмидт: «Ввиду близости фронта и неоднократного покушения на штаб, они могли давать мне ценные указания насчёт всех подозрительных лиц»⁵. На вопрос о том, не служили ли его знакомые в контрразведке, ответил: «В учреждении таком они не служили. За честность Руке, её сына Роберта и Шмидт я ручаюсь». Вскоре из комендантов Карельского сектора Шаронова перевели в командиры 1-ой бригады 6-ой дивизии. При бригаде была вакансия письмоводительницы, на которую он хотел устроить Шмидт, Роберта же назначить посыльным, а модистка-портниха мадам Руке могла найти работу в обмен на продукты. Шаронов попросил комиссара связи Богданова, отправлявшегося на грузовике в Питер за запасными частями к машине и горючим, забрать из Озерков семью Руке и Шмидт. Однако через три дня гостей арестовали. Шаронов был возмущён: «В бригаде, я себя считаю полноправным хозяином, за всех лиц, находящихся в бригаде я отвечаю, а также за вверенный мне участок; и арест граждан Руке, её сына и Шмидт считаю личным моим ос-

корблением. Я посчитал их арест личным для себя вызовом и сказал, что пусть тогда убирают с должности командира бригады. Приказа о недопустимости проживания женщин, жён и т.п. на фронте не знал. В здании штаба мадам Руке, её сын и Шмидт были вместе со мной всего лишь два раза, они брали книги в библиотеке для чтения у меня на квартире. Сношений у меня с мадам Руке и Шмидт не было. Письмами не обменивались и вообще не писал»⁶.

В октябре 1919 года Шаронов из многочисленных маленьких отрядов войск внутренней охраны, а также неорганизованных вооружённых рабочих сумел создать крепкую боевую часть, которая вскоре была усилена двумя бронепоездами. Во время одного из боёв Даниил Васильевич лично командовал бронепоездом и, продвигаясь к Гатчине по железной дороге, едва не погиб: белогвардейцы заложили под железнодорожное полотно мощные фугасы. Вот что вспоминал Угланов: «Бдительное внимание наших товарищей в одном месте было приковано к свежести песка на железнодорожной насыпи. Бронепоезд был остановлен. Товарищи двинулись к подозрительному месту, раскопали песок и

обнаружили тут заложенными 60 банок взрывчатых веществ. Это была такая взрывчатая сила, которая в состоянии была совершенно уничтожить наш бронепоезд»⁷.

В 1920 году Д.В.Шаронов уезжает в Сибирь, вновь формирует там бригаду и едет под Перекоп — воевать с Врангелем. В марте 1921 года Шаронов уже в наших краях — участвует в ликвидации крестьянского восстания против советской власти в районе Петропавловска, Ялutorовска, Ишима. Ликвидировал, надо полагать, «не за страх, а за совесть»: восставшие жестоко расправились с его сестрой Ефалией — учительницей в одном из сёл Ишимского уезда, перепилив её заживо. «В последние годы у меня оборвалась связь с этим замечательным пролетарием-революционером. Он всегда восхищался Петроградом. «За такой город дерись, ребята», — часто говаривал он красноармейцам и своим сибирякам, с ним неразлучно находившимся. Особенно умело Шаронов воздействовал на дезертиров и делал из них превосходных бойцов. Я счёл нужным остановиться на Шаронове потому, что такие люди, скромные, очень часто остаются неизвестными»⁸, — заканчивает Угланов, не подозревая, что тем самым подписывает своему товарищу судебный приговор.

Об этом — снова в материалах уголовного дела. В июне 1936 года Шаронов встретился с Николаем Лукьяничковым, который приехал к брату в Ишим из Тобольска. Во время неторопливой беседы с удочкой в руках на берегу реки под деревней Симаново Даниил Васильевич узнал, что Угланов переведён из Москвы в Тобольск, где вскоре станет секретарем крайкома партии. «Тут же у меня созрела мысль, — сообщал Шаронов, — написать ему письмо и излить ему свою наболевшую душу». А излить было что: «Здравствуй, многоуважаемый Николай Александрович! Случайно через знакомого узнал, что находишься в Тобольске и работаешь по водной части, а я в настоящее время живу плохо и исключён из партии, сидел в тюрьме в НКВД, к этому послужила твоя услуга и твоя написанная статья в журнале за 1931 год [точнее, 1930 год. — Прим. авт.]. За твоё хорошее ко мне отношение я не сержусь, но всё же обидно, что я невинно пострадал. Шлю тебе привет и наи-

*Ефалия Васильевна Шаронова,
сестра Д.В.Шаронова,
погибшая в 1921 году.
Фотокопия Г.П.Кузурманова.
Из собрания центральной
городской библиотеки.*

лучшие пожелания в твоей работе»⁹. (Согласно «анкете арестованного», Шаронов исключён из рядов ВКП(б) «во время проверки партдокументов» в 1935 году; тогда же и арестован, но за «недоказанностью преступления» отпущен).

Фигура Н.А.Угланова оказалась поистине роковой в жизни Шаронова. Активный и «наинадёжнейший», как называл его Ленин, участник Февральской и Октябрьской революций в Петрограде, Николай Александрович стоял у истоков большевизма в России. В гражданскую войну занимался продовольственным снабжением Питера, защищал город от нашествия армии Юденича, отличился при подавлении Кронштадтского мятежа, награждён орденом Красного Знамени. Когда в Москве началось судебное преследование Бухарина и Рыкова — бывших лидеров правой оппозиции в партии большевиков, судьба их активного сторонника Угланова была предре-

Обложка следственного дела
№ 7499 по обвинению
Д.В.Шаронова, Ф.Н.Первышина
и С.К.Белоногова
в контрреволюционной
деятельности. 1936.
Архив РУ ФСБ
по Тюменской области.

шена. Его представили идеологом и организатором контрреволюционной заговорщицкой деятельности «врагов народа» в рыбной промышленности. В конце августа 1936 года Николай Александрович был арестован, а 31 мая 1937 года приговорён к расстрелу с конфискацией имущества.

Массовыми репрессиями обернулась для коммунистов и беспартийных борьба с «углановщиной». Ровно через две недели после ареста, 21 ноября 1936 года Даниил Васильевич, измученный непрерывными допросами и очными ставками, признал себя полностью виновным в том, что «потерял политическую бдительность путём допуска к себе махрового контрреволюционера Лукьянчикова, от которого получил информацию о жизни

Угланова в Тобольске... За то, что не заострял, а притуплял и усыплял бдительность к врагам партии у окружающих меня людей, заслуживаю наказания и готов исправить в дальнейшем свои ошибки честной борьбой за генеральную линию партии и её ЦК ВКП(б)»¹⁰.

Вместе с Шароновым в тот праздничный день 7 ноября были арестованы Степан Константинович Белоногов, 1882 г.р., пенсионер (бывший слесарь), уроженец села Безрукова, проживавший в Ишиме, и Фёдор Николаевич Первышин, 1895 г.р., служащий (юрисконсульт мясокомбината), уроженец села Песьяно (так указано в паспорте), официально проживавший в селе Бердюжье. У каждого из них, видимо, были свои причины для недовольства советской властью. Но насколько преувеличивают это недовольство материалы следствия, которые, судя по всему, подбирались весьма кропотливо? «В 1934 году во время прохождения Районного съезда Советов в присутствии знакомых Белоногов говорил: «Брешут как моя жучка», а по поводу убийства тов. Кирова: «Тут политического ничего нет, а всё вышло из-за бабы»¹¹. В сентябре 1936 года Первышин выражал сожаление по поводу расстрела троцкистов и говорил: «Троцкий совершенно прав, когда активно ведёт борьбу с линией партии. Такие люди как Троцкий, Зиновьев и Каменев, в прошлом и сейчас имеющие огромные заслуги перед революцией, выброшены за борт, а всё сводится к тому, что теперешние вожди не хотят уступить руководство страной. На самом деле Троцкий, Зиновьев и Каменев являются действительными революционерами...» Аналогичные разговоры Первышин вёл неоднократно»¹². Вывод из этого следует один: «Будучи идейно связанными между собой, Шаронов, Белоногов и Первышин систематически вели отъявленную контрреволюционную агитацию...»

Но этого мало — следствие потихоньку протягивало ниточку и к другим героям ишимской революционной эпохи. Например, к Александру Ермиловичу Карякину, члену ВКП(б) с апреля 1917 года, председателю ишимской партийной организации с декабря того же года и политкомиссару того самого отряда красной гвардии, командовал которым Шаронов. Судьба Карякина, кстати, тоже

УТВЕРЖДАЮ:

3. ноября 1936 г.

НАЧАЛЬНИК ИШИМСКОГО РО НКВД
Лейтенант госбезопасности

Постановление

об избрании меры пресечения и предъявления обвинения

Город Ишим 1936 г. ноября 3 дня

Я. Дем. Оперуполномоченного Районного отдела
(должность и фамилия)

БОРЗНИКОВ
Управления Государственной Безопасности
УНКВД по Омской области, рассмотрев следственный материал по делу №
и приняв во внимание, что гр. **Г. Ишима ШАРОНОВ Даниила Васильевич**

Фрагмент постановления об аресте Д.В.Шаронова от 7 ноября 1936 г. с подписью Бараусова, сделанной красными чернилами и санкцией прокурора от 7 ноября 1936 года. Архив РУ ФСБ по Тюменской области, архивное следственное дело № 7499, лист 6.

не прояснена до конца. Вот что свидетельствовал на допросе председатель артели кустарей-сапожников имени Ильича Фома Николаевич Комаров, 1883 г.р., проживавший в доме по ул. Пролетарской, 1: «...Конкретной троцкистской агитации Первышина и Шаронова я не слышал. Могу только одно сказать, что Шаронов имел связь не только с местными троцкистами, но и с троцкистом Карякиным, которого я знаю как партизана, но видимо он стал активным троцкистом. Зная Карякина и Шаронова как партизан, я поинтересовался у Шаронова, где же в данное время находится Карякин? Тогда Шаронов достал письмо и стал читать. В этом письме Карякин рекомендовал Шаронову, чтобы избавиться от преследования уехать куда-нибудь в маленький городок, где его никто не знает и жить спокойно. Из письма было видно, что Карякин тоже исключён из партии и восстанавливается через ЦК»¹³.

Допрашивал арестованных лично младший лейтенант госбезопасности Николай Бараусов. Ретивый служака, он не гнушался никакими методами: устраивал многосуточный «конвейер допросов»,

загонял своим жертвам под ногти острые карандаши, не разрешал арестованным присесть, отчего у тех лопалась кожа на ногах. За два с половиной года его деятельности по Ишимскому оперсектору НКВД было расстреляно более двух тысяч человек. В утверждённом Бараусовым постановлении о предъявлении обвинения указывалось, что «мерой пресечения было избрано содержание под стражей в ишимском КПЗ с дальнейшим этапированием в Омскую тюрьму».

Спецколлегия Омского областного суда 31 марта 1937 года приговорила Д.В.Шаронова и С.К.Белоногова к лишению свободы на 7 лет, Ф.Н.Первышина — на 5 лет. Однако, по сообщению архива информационного центра при УВД Омской области, которое мы получили в марте 2003 года, Даниил Васильевич Шаронов был вторично осуждён «тройкой» УНКВД 15 марта 1938 года по той же статье 58-10-11 УК РСФСР и приговорён к высшей мере наказания — расстрелу. Решение приведено в исполнение в городе Омске 21 марта 1938 года. Лишь 21 января 1959 года постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР приговор в отношении Шароно-

ва, Белоногова и Первышина отменён, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

В марте 1937 года гражданская жена Шаронова А.Н.Скворцова написала письмо «генеральному комиссару государственной безопасности тов. Ежову», в котором просила вернуть ружья и боеприпасы: хотя они не служат вещественными доказательствами, жалуется Скворцова, районный отдел НКВД почему-то не торопится их возвращать. Письмо, конечно, до Ежова не дошло, а было просто подколото к уголовному делу. Насколько оно характеризует Анну Николаевну, трудно сказать. Всё же она не отказалась от 12-летнего сына Шаронова Анатолия, чья родная мать жила в это время в другом городе, ничуть не заботясь о его судьбе. Впрочем, семейные неурядицы остались в глубинах истории. По воспоминаниям внучки Даниила Васильевича Татьяны, её отец, Анатолий Данилович, говорил о своём детстве крайне неохотно. А если память и прорывалась, то только горькими слезами.

Мария Александровна Бровка, работавшая директором Ишимского госархива и впервые рассказавшая в 1960 году в книге «Ишимские коммунисты в годы гражданской войны» о герое революции Д.В.Шаронове, наверняка знала и о его трагической судьбе. Но, хотя уже про-

шёл XX съезд партии, рассказать об этом не решилась, — а может, ей не позволили. Зато именно по её ходатайству в нашем городе появилась в 1961 году улица Шаронова, она же собирала архивные материалы для справки о реабилитации, которые аккуратно подшиты к уголовному делу Даниила Васильевича.

Благодаря нынешней архивной находке внуки и правнуки Шаронова впервые за шестьдесят пять лет помянули своего знаменитого родственника в день его трагической гибели 21 марта.

Примечания

1. Бровка М.А. Ишимские коммунисты в годы гражданской войны. Тюмень, 1960. С.54.
2. Архив РУ ФСБ по Тюменской области, арх. следственное дело № 7499, л.1.
3. Красная летопись. Ленинград, 1930. № 1. С.98.
4. Там же. С.99.
5. Центральный архив ФСБ, арх. следственное дело № 3090, Л.2.
6. Там же. Л.4.
7. Красная летопись. С.99.
8. Там же. С.100.
9. Архив РУ ФСБ по Тюменской области, арх. следственное дело № 7499. Л. 32.
10. Там же. Л.45
11. Там же. Л. 10.
12. Там же. Л. 29.
13. Там же. Л. 112.

С.И. НЕЖИВЫХ

Церковь в селе Афонькино Казанского района

1. Строительство

Не так много православных храмов построено на территории нынешнего Казанского района в середине XIX века (тогда это были земли Ишимского уезда). Большинство — деревянные. Каменные можно сосчитать по пальцам. В селе Казанском — в 1810 году. В селе Ильинском — в 1814 году. В селе Дубыньском — в 1860-м..

Наше село с ласковым названием Афонькино относилось к Ильинскому приходу. В центре тогдашней деревни стояла «деревянная, о двух комнатах с большею прихожей» часовня, в которой время от времени проводил службы ильинский священник. На службы приезжали и жители соседних деревень —

Копотиловой, Синуцыной, Георгиевской. В праздники в часовне становилось тесновато. А весной ни батюшка не мог добраться до Афонькино, ни его афонинские прихожане — до Ильинки: их разделял на два месяца широкий разлив реки Ишим. Наконец, жители означенных четырех деревень на общем сходе в 1867 году постановили: быть в Афонькино собственному приходу с храмом. Да не простым, а каменным. О чём и доложили через ильинского благочинного епархиальному начальству в Тобольск.

Архиерей, рассмотрев просьбу, согласился, при одном условии: церковь строить за свой счет. Афонинцы же получили от него «план и фасад» будущего храма во имя Рождества Христова. На каждый

Группа прихожан Христорождественского храма с церковносвященнослужителями. В среднем ряду, в центре — о.благочинный из Ильинки (предположительно), по левую руку — о.Иаков Карпов, по правую — о.Гавриил Карпов. 1920-е (?). Из фондов школьного музея с.Афонькино.

двор была наложена по общему решению определённая денежная «общественная раскладка». В 1871 году сельское общество заключило контракт с подрядчиком строительства Стефаном Антоновичем Волковым, крестьянином села Голина Гороховского уезда Владимирской губернии. «Человек самостоятельный и мастеровой», он имел богатый опыт и благожелательные рекомендации купцов из города Петропавловска. Сумма, потребная для возведения храма, была определена в 15 тысяч рублей. 3999 рублей из уже собранных денег сразу выплачивали подрядчику. Он же наметил план работ: в 1871 году — «выкласть фундамент из земли», в 1872-м — «церковь до половины окон», в 1873-м — «церковь под карниз», в 1874-м — «окаасть своды», в 1875-м — «совсем закончить каменную кладку», в 1876-м — «покрыть крышу кровлею». Уже по этим планам можно судить о масштабах затеянного строительства и размерах новой церкви.

И тут на долю благочестивых афонинцев и жителей окрестных деревень выпали испытания их решимости довести начатое до конца. Они, впрочем, начались чуть раньше — в 1868 году. В течение трёх лет крестьяне терпели убытки от «истребления хлеба саранчой и упадка скота». В 1871 году от недосева хлеба случился его неурожай. И в последующие три года хозяйства едва оправлялись от нанесённого урона. Меж тем требовалось вносить ежегодно подрядчику 2333 рубля, и напоследок, по окончании строительства — последнюю тысячу рублей. А это значило, что каждый год все признанные платёжеспособными члены общества должны были вносить по 2-2,5 рубля (немалая в те времена сумма), что ложилось бременем на бедных домохозяев.

Всё это побудило их отправить в Тобольск в середине 1872 года прошение доверенного от крестьян Бориса Васильевича Ильина. Прихожане просили пре-

*Сельская улица и южный фасад Христорождественской церкви
(до разрушения колокольни). Нач. 1950-х.
Из фондов школьного музея с.Афонькино.*

освященного Ефрема, епископа Березовского, управлявшего тогда епархией, о помощи: «Остановить исправную уплату податей значило бы нарушить контракт и дать повод подрядчику остановить постройку самой церкви, а этого обществу нежелательно». Духовная Консистория пошла навстречу просьбам и выделила 300 рублей из новооткрытого кредита на строительство храмов в Сибири. Кроме того, в 1871 году Ильину была выдана от консистории доверенность на право сбора пожертвований по губернии и сборная книга, срок действия которой периодически продлевался. В 1875 году доверенность переоформили на крестьянина деревни Копотиловой Бурундукова.

Наконец, дело дошло до внутренней отделки. Известно, что в январе 1879 года прихожане подрядили ишимского купца Сергея Багишева за 625 рублей устроить иконостас «из двух иконостасов, купленных ими, прихожанами, из градо-Петропавловской Покровской церкви». Кроме того, поскольку иконостасы были без икон, то подрядчик «обязался за ту же цену, т.е. за 625 рублей, написать иконы в иконостас Афонкин-

ской церкви и окончательно устроить оный к 1-му Октября» того же года. Заказчики остались довольны работой Багишева. Отмечалось, что «живопись на иконах исполнена в духе и обычаях Православной Церкви».

Первым священником в новом приходе стал выпускник Тобольской духовной семинарии Яков (Иаков) Стефанович Карпов. По сведениям доктора исторических наук А.Д. Колесникова, на эту должность он был назначен 1 ноября 1870 года. При его же непосредственном участии проводилась разведка глины для изготовления кирпичей, он же наблюдал за ходом строительства. 13 июля 1880 года отец Иаков пригласил ильинского благочинного о. Димитрия Кузнецова для осмотра готового здания. Последний нашёл, что оно «выстроено во всём согласно плану и фасаду, данным на постройку церкви в 1867 году, штукатурено снаружи и внутри прочно и гладко, полы окрашены как в церкви, так и на крыльцах довольно хорошо, кровли на церкви и колокольне покрыты листовым железом добротной и окрашены медянкой (т.е. в зелёный цвет. — Прим. ред.), в церкви устроены три кирпичных печи и... рус-

*Церковь и село. Вид с северо-запада. Сер. 1950-х.
Из фондов школьного музея с.Афонькино.*

ская печь..., на паперти по правую руку устроена сторожка для сторожей, а по левую под лестницей, ведущей на колокольню, устроена каменная кладовая для хранения церковных свеч и прочих материалов..., словом здание совсем готово для отправления в нём богослужений».

После рапорта благочинного в Епархиальное управление было получено архиерейское благословение, и 28 сентября 1880 года (по старому стилю) храм был освящён о. Димитрием, в сослужении четырех священников. После службы отец благочинный произнес «приличное этому торжеству слово». Его рапорт преосвященному Василию, епископу Тобольскому и Сибирскому, свидетельствует: «Стечение народа, несмотря на ненастную погоду, было многочисленное. По окончании Божественной Литургии было отправлено Господу Богу молебенствие, с возглашением многолетия Государю Императору и всему царствующему Дому, Вам, Владыко, храмоздателям того храма, посвященного имени Рождества Христова».

Составленное благочинным в тот же день описание новосозданного храма

позволяет нам представить его облик на момент открытия: «В селе Афонькинском, Ишимского округа, посреди села на площади, около 10 сажен от реки и моста чрез нее, построен каменный одноэтажный, крестообразный храм, каменный свод которого идёт со стен здания и опирается на четыре каменных столба, устроенных для того посреди храма. Посреди храма, над четырьмя столбами, построена каменная четырёхугольная колокольня с оконными отверстиями на все четыре стороны для колоколов. Колокольня эта есть единственный кумпол на всём здании храма. Всё здание покрыто железною окрашенною медянкою кровлею. На верху колокольни и на всех стенах здания, над фронтонами, воздвигнуты железные позолоченные кресты. С западной, северной и южной сторон храма устроено по крыльцу, для входа во храм».

Церковь, уникальная по своему образно-пространственному решению, была настолько обширна, что в 1881 году одну кирпичную печь заменили на чугунную. Тем не менее в зимнее время отопление храма оставалось недостаточным.

*Вид на афонский храм (с запада) и на пруд у моста. Октябрь 2003.
Фото Г.А.Крамора.*

2. Жизнь прихода

Крестьянская община отвела церковно-священнослужителям участок земли в 90 десятин, за которым на долгие годы сохранилось название «Поповская дача». В другом месте, «на Колокольчихах», выделили покосные угодья. Усердием прихожан построены дома для священника и псаломщика. Просторный крестовый дом батюшки, как говорят старожилы, был срублен на высоком фундаменте из леса, привезённого из города Ишима. Отец Иаков оставил по себе хорошие воспоминания. К примеру, как замечает А.Д.Колесников, он являлся инициатором отвода земли для кладбища и лично планомерно высаживал на нём молодые сосенки, превратившиеся к нашему времени в могучие деревья. В народе говорили, что очередное деревце священник сажал после каждого крещения младенца.

14 января 1885 года в Афонькино произошло важное событие — открылась церковно-приходская школа. Для её устройства использовали старую часовню, которая без надобности стояла у величественного храма. «Школа одноклассная, смешанная, с 19 учащимися мужского и 7 учащимися женского пола, помещается в особом церковном здании,

попечителя школы нет, законоучитель — Карпов Яков, закончивший курс Духовной Семинарии, учительница — крестьянская девица Акулина Николаева, окончившая курс в сельском училище, жалование получает по 6 рублей в месяц от общества, пользуется денежным пособием от церковно-приходского попечительства 20-10 рублей в год. Сторож для школы один, из церковных трапезников», — писали в «Тобольских епархиальных ведомостях». (Кстати, программа преподавания Закона Божия в церковно-приходской школе — пожелтевшая от времени книжица — сейчас находится в музее средней школы села Афонькино.)

Впоследствии учительницей стала дочь псаломщика Анна Малахова. Она вместе с законоучителем о. Иаковом неоднократно упоминается в числе лучших учителей и воспитателей в «Отчётах наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Омской епархии». Отклики об учебно-воспитательной работе в Афонькинской школе неизменно оставались самыми благожелательными. А 15 марта 1903 года «Омские епархиальные ведомости» сообщили о том, что «Государь Император согласно с заключением комитета о службе чинов гражд-

данского ведомства и о наградах, Всемилоостивейше соизволил, в 6-ой день декабря минувшего года, пожаловать за заслуги по духовному ведомству медалью «За усердие»... учительницу Афонькинской церковно-приходской школы Ишимского уезда Малахову Анну».

Сын о.Иакова Гавриил также встал на пастырскую стезю. 15 августа 1910 года он был рукоположен во священники к Христорождественской церкви. С наступлением Первой мировой войны он вместе с Анной Малаховой организовал сбор шерсти, из которой афонинские женщины пряли нить для рукавиц и носков воинам. В храме проводились и денежные сборы. Так, по одному из отчетов, на теплую одежду собрано 7 руб. 85 коп., на больных и раненых — 2 руб. 50 коп., в пользу детей Галиции и Буковины — 3 руб. 31 коп. При этом сами учителя отчисляли по 1 руб. 10 коп. в месяц с получаемого ими жалованья.

«Кроме пожертвований, наши школы потрудились в устройстве яслей на летнее время полевых работ. В яслях находят приют дети воинов, ушедших в ряды армии... Афонькинской церковно-приходской школой приют-ясли открыты 31 июня. На содержание израсходовано деньгами 59 руб. 44 коп. Из них 19 руб. 44 коп. местных средств, изысканных учительницей Малаховой и священником Карповым, которыми пожертвовано еще и продуктами 6 руб. 30 коп.; 40 руб. посланы Ишимской уездной комиссией Елизаветинского комитета. Сдавали в ясли больше грудных детей...» — сообщали 5 июня 1916 года «Омские епархиальные ведомости».

3. Разрушение

Октябрьский переворот 1917-го изменил жизнь афонинских церковнослужителей. Тем не менее их авторитет оставался непререкаемым. Так, рассказывают, что в 1921 году, во время крестьянского восстания, когда афонинские крестьяне взялись за оружие, седовласый о.Иаков вышел к народу и властно призвал «прекратить бучу». Местные инициаторы мятежа взялись было его арестовать, но поддержки в этом деле у прихожан не нашли.

Советская власть осталась равнодушной к подобному миролюбию: как свидетельствуют архивные документы, в том же году священники Гавриил Яковлевич

Окно в разорённом афонском храме. Октябрь 2003.
Фото Г.А.Крамора.

и Яков Стефанович Карповы, псаломщик Иван Егорович Новиков и Егор Удилов (видимо, староста) были лишены земли, инвентаря, скота и избирательных прав как «представители духовного культа». (Кстати, в музее Афонькинской школы имеется найденная на чердаке одного из домов фотография, где, по всей видимости, запечатлены афонинские служители церкви с благочинным; качество снимка говорит о том, что сделан он уже после революции.) А в справке более позднего времени, 1923 года, Гавриил Карпов числится и вовсе «кулаком». Об о.Иакове уже нет упоминаний — видимо, к тому времени престарелый (ему было около 73-75 лет) батюшка уже скончался. Но службы в храме продолжались — до середины 1930-х годов.

Когда точно закрыли Христорождественскую церковь, неизвестно. Старейшая жительница Афонькино М.В.Аверина (1919 г.р.) вспоминала, что, когда в Ильинке открыли МТС, потребовалась бронза для подшипников. Под этим пред-

*Христорождественская церковь в селе Афонькино. Вид с севера.
Октябрь 2003. Фото Г.А.Крамора.*

логом оттуда приехала лихая делегация, которая без лишних разговоров сбросила на землю колокола. «Собралось очень много народу, даже с окрестных деревень. Все были потрясены. Кто-то исто-во молился, кто-то проклинал осквернителей. Самый большой колокол рухнул на крыльцо у входа, да так, что разбил его вдребезги», — рассказывала Марина Васильевна. А ведь на каждом колоколе были памятные надписи о времени изготовления и дарителя!

Отца Гавриила арестовали в 1937 году. Просто приехали «люди из НКВД» и увезли в неизвестность. Лишь недавно изданная «Книга расстрелянных» бесстрастно извещает: «арестован 11.08.1937 г. Осуждён «тройкой» Омского УНКВД 8.09.1937 г. Расстрелян в г. Ишиме 11.09.1937 г.». О судьбе семьи батюшки никто в Афонькино не может рассказать. Одни говорят, что они под покровом ночи перебрались к родственникам подальше от родного села. Другие — что матушку также арестовали, а детей отправили в детдом. Дом священника также сгорел где-то в 30-е годы, а вместе с ним — часть церковного архива, метрические записи.

В храме разобрали иконостас, иконы сложили в притвор (одна из них, образ

Спасителя — предположительно алтарный — чудом сохранилась и ныне передана в Ильинскую церковь Илии Пророка). И — открыли зерносклад. Во время войны некоторые афонинские женщины приходили к его стенам и молились за своих родных, воюющих на фронте. Ведь, несмотря на запустение, православный крест всё так же сиял над куполом! Внешне здание церкви оставалось практически в первоизданном виде.

Увы! Новый вихрь хрущёвской богоборческой кампании не прошёл мимо нашего храма. Безжалостно, несмотря на ценность здания как памятника архитектуры, была разрушена колокольня с крестом. Снесли и каменную ограду, а изящные часовенки, стоявшие по её углам, стащили трактором в реку — якобы для укрепления моста. Здание переоборудовали под хлебопекарню, устроив в алтаре печь. Постепенно разрушалась крыша, осыпалась штукатурка, а с закрытием пекарни варвары растащили полы, двери и окна. В открытом всем ветрам и дождям центральном своде появились угрожающие трещины.

4. Возрождение

«Село наше было бы очень красивым, если бы не был разрушен храм...» — так написала в своём сочинении ученица 9

класса. Афонькинская школа стоит как раз напротив поруганного храма, и нынешнее юное поколение воспринимало его обшарпанный вид как что-то само собой разумеющееся. Потому и устраивало в нём вечерние посиделки с бутылочкой, «украшало» стены похабными надписями.

Но теперь ситуация переломилась. Под духовным окормлением ильинского священника отца Евгения у нас образован приход. И сельский сход решил: храм нужен. Владыка Димитрий дал благословение на ремонт. А для приходской жизни генеральный директор агрофирмы «Афонькино» Г.Б.Вашакидзе выделил помещение в здании правления, и теперь там на богослужения постоянно собирается по 30-40 человек. Более того, Гиви Борисович как депутат районной Думы помог с выделением 350 тысяч рублей на первичную реставрацию храма, нашёл работников. Сейчас, к июлю 2004 года, уже сделано самое главное — устроена сияющая издалека новым железом кровля. А на ней — небольшая, отдалённо напоминающая прежнюю, колоколенка, увенчанная крестом.

Не остаются в стороне от возрождения духовных начал и сельские школы-

*Христорождественская церковь.
Фрагмент северного фронтона.
Октябрь 2003. Фото Г.А.Крамора.*

ники. Так, вместе с членами краеведческого кружка нам удалось найти на кладбище могилу первого священника, о.Иакова Карпова. Теперь предстоит привести её в надлежащий вид. А люди из соседних деревень уже спрашивают: когда начнутся службы? Хочется им и детей покрестить, и на праздниках в храме помолиться. Пока ещё до этого далеко, но мы уже видим то время, когда афонькинская Христорождественская церковь встанет вновь во всём своём великолепии. И это будет один из лучших храмов нашей области.

Г.А. КРАМОР

«Опыт космических полётов не имел...»

Судьба Валентина Филатёва

Отмеченный в этом году юбилей Юрия Гагарина всколыхнул «космическую тему». Телеканалы и газеты спешили раскрыть малоизвестные страницы жизни первого космонавта Земли, подробности его рождения и смерти. Но ведь Гагарин был лишь «первым среди равных», одним из двадцати лётчиков, отобранных в конце 1950-х в отряд Центра подготовки космонавтов ВВС СССР. И в их число при жёстком отборе из трёх тысяч кандидатур попал и наш земляк, ишимец Валентин Игнатьевич Филатёв. Но в череде юбилейных передач о нём упомянули вскользь — среди тех, кто так и не вышел на орбиту.

...Жизненный путь Валентина выражал-

ся в официальных биографиях всего в нескольких строках. Но складывался совсем непросто. Начало его — среди сибирских берёзовых лесов, в деревеньке с журчащим именем Малиновка. Ударение местные жители ставят на букве «о» — совсем не в духе старожилов Пришимья, среди которых немало потомков кержаков, искавших в Сибири спасения от Никоновских реформ и преследования властей в далёком семнадцатом веке. Будущие малиновцы пришли осваивать неведомые для них земли гораздо позже — в середине века девятнадцатого, а то и в начале двадцатого. Иные из них, как поляки Шадурские, оказались здесь не по своей воле, будучи посланы за участие в восстаниях против

*Игнат Филатьев с женой.
1920-30-е.
Из архива Н.И.Долгановой.*

русского царя. Другие — как вятичи Филатьевы — пришли сюда, спасаясь от голода и безземелья. Так и стали они жить рядом, по соседству, в этом умеренно-суровом крае, который французская писательница Мари-Софи Коттен назвала «Италией Сибири». К тому времени степные пространства Приишимья были давно распаханы и освоены старожилами. Поэтому переселенцам часто доставались земли на окраине аграрной «ойкуменьи», ближе к лесным чащам. Впрочем, многие из таких окраин лежали недалеко от уездного города Ишима. В радиусе всего двадцати-тридцати вёрст от него возникли переселенческие поселки Новые Локти, Равнец, Орловка, Шаблыкино, Малиновка...

Семья Филатьевых была большая. Первым перебрался в Малиновку старший брат. В 20-е годы туда переехала молодая семья младшего — Игната Филатьева. У них и родился Валентин — 21 января 1930 года. Какая судьба ждала мальчика, появившегося на свет в тот день, когда вся страна вспоминала траурное событие — смерть первого «великого вождя советского народа»? Он стал самым младшим среди четверых братьев; за два года до него родилась и сестра Нина. Поселение было уже немалым — около пяти десятков хозяйств. Отец Валентина работал колхозным пастухом. Поначалу жили всем обширным семейством в тесной избушке, где одна комната — и кухня, и столовая, и гостиная, и спальня. Потом построили (или «сли-

ли», как говорили тогда) саманный дом: глина, перетоптанная с кизяком и соломой, заливалась в дощатые формы, внутри которых крепился каркас из жердей. В этом, более просторном доме, какие до сих пор можно увидеть в Малиновке, и прошло детство будущего покорителя небес.

Впрочем, «в доме» — это не про крестьянский быт, особенно летом. Чтобы прожить в большой семье в деревне, с ранних лет приходилось зарабатывать на хлеб самому. Даже в школу, обязательную для всех советских детей, Валентин пошёл только в восемь лет. Первые четыре года учился в родной Малиновке, в начальной школе, что размещалась в просторном бревенчатом доме. Заканчивал, когда уже бушевала война. Отец и трое братьев ушли, один за другим, на фронт. Младший, одиннадцатилетний подросток, единственный мужчина, остался за главного. И надо не только семье помогать, но и продолжать учиться. А школа-семилетка — там, где сельсовет, в селе Шаблыкино, вдалеке от дома.

У него — тоже своя судьба. В конце XIX века пришла в Ишимский уезд очередная партия переселенцев из Орловской губернии. Выделили им место у деревни Плешковой. Однако старожилы-плешковцы попросту вытеснили новопоселенцев на заросшие земли у Черемшанского оврага. Там и возникла деревня Шаблыкина. Крестьяне корчевали лес, строили берёзовые избушки, тяжким трудом пролагали первые борозды пашни. Государство и христолюбивые доброты тоже не забывали переселенцев. Так, в начале XX века на средства Фонда имени Александра III, основанного известным на всю Россию отцом Иоанном Сергиевым (Кронштадтским), отстроили деревянное на кирпичном фундаменте здание церковноприходской школы, которая официально носила имя о.Иоанна. Рядом — «министерское» (государственное) двухклассное училище. В этих зданиях и открылась, уже после революции, Шаблыкинская неполная средняя школа, куда ходил пешком за семь вёрст Валя Филатьев.

Время — военное, голодное. Едва пережив зиму, и взрослые, и дети спешили за околицу — откапывать из-под земли, только освободившейся от талого снега, луковицы саранок, корневища

Деревня Малиновка. Май 2003. Фото автора.

камыша, а потом — собирать медунки, пучки. И первая зелень лебеды, крапивы, полыни-чернобыльника шла в дело. С наступлением тёплых дней жизнь в школе замирала — все трудились в поле. Валентин тоже работал — пастухом, как прежде отец, а в страдную пору вместе со всеми косил сено для колхозных коров. Учёба вновь начиналась с окончанием уборочной. Один год даже пришлось пропустить — «ввиду того, что не позволяли материальные условия», как писал Филатов в одной из скупых на эмоции биографий. Это не удивительно: ведь ученик средней школы из деревни — что тот же студент. Жить приходилось на квартире (интерната у школы не было), отправляясь домой только на выходные, чтобы помочь родителям да пополнить свои нехитрые припасы провизии.

Из окон класса в школе, построенной при участии отца Иоанна Кронштадтского, была хорошо видна величественная каменная церковь во имя святой Екатерины, возведённая на средства того же Фонда. Конечно, об этом никто не рассказывал ребятам, которым внушали одну мысль великого вождя: «религия — опиум для народа». Хотя в храме, превращённом в зерносклад, уже несколько лет не проводились службы, на четырёх угловых маковках по-прежнему возвышались кресты. Порою к кирпичным сте-

нам подходили украдкой шаблыкинские женщины и, незаметно перекрестившись, шёпотом молились Богу о возвращении их сыновей, братьев, мужей целыми и невредимыми с далёкой и страшной войны. Дорога от дома до школы для Валентина лежала мимо церкви. И взгляд, обращённый на шершавую краснокирпичную кладку стен, невольно подымался ввысь — к синему небу, в котором твердынями стояли четыре железных креста и мерно покачивались ветви молодых тополей, окружавших бывшую церковную ограду. О небе — не мистическом, а материальном, с облаками и ветрами — мечтать советским мальчишкам не воспрещалось. И, когда уж совсем нестерпимо становилось на душе от голода и одиночества — Валентин мечтал о том, как хорошо, должно быть, там — в высоком синем небе, которое штурмуют, отвоёвывая его у вражеских самолётов и утрюмых туч, отважные советские пилоты...

Была у Валентина и другая мечта. В родной Малиновке не было клуба. Отдыхала тамошняя молодёжь на вечерках в чьей-нибудь избе и не знала даже кинематографа, «важнейшего из всех искусств», по другому изречению вождя. В Шаблыкино же, на главной усадьбе, был клуб, в котором «крутили кино». Валентин, как и все мальчишки и девчонки

*Духовой оркестр Ишимского педучилища. Крайний справа в верхнем ряду учащийся 2 «В» класса Валентин Филатьев; крайний слева там же — двоюродный брат Виктор Николаевич Филатьев. 1948.
Из фондов музея ИГПИ им. П.П.Ершова.*

того времени, замороженно следил за чёрно-белыми силуэтами на холщовом экране. И мечтал стать властелином этого волшебного мира — киномехаником. Эта мечта виделась реальнее и исполнимее, чем желание стать лётчиком. Таким образом можно вырваться из цепких объятий несладкой колхозной жизни, стать «свободным» человеком с паспортом. Ведь даже сено для своей, личной коровы разрешалось косить только по обочинам канав! Да и не могла удержать крестьянского мальчика из бедной семьи переселенцев родная, но не такая уж, казалось, и ласковая малиновская земля. К тому же с фронта не вернулось двое братьев, отец умер в 1945-м. И Валентин твёрдо решил взять судьбу в свои руки, «выйти в люди».

В 1946 году он окончил Шаблыкинскую неполную среднюю школу. В свидетельстве об окончании из одиннадцати предметов отличные оценки — по геометрии и химии, хорошие — по географии, алгебре и военному делу. Русский

язык и литературное чтение, естествознание, история, Конституция СССР, физика, иностранный язык — «три». Это неплохо, если вспомнить, в каких условиях шла учёба. Видно, что многого 16-летний юноша добился своим упорством. Чтобы учиться дальше, нужно было ехать в райцентр. В Ишиме киномехаников не готовили, зато имелось педагогическое училище — «кузница кадров» для сельских школ Пришимья. Учительская профессия была в те времена не менее трудной, чем сейчас, но более престижной и оплачиваемой. Жизнь заставила отбросить деревенскую мечту «крутить кино». Летом 1947 года Валентин Филатьев поступил в Ишимское педагогическое училище, располагавшееся в старинном и светлом дореволюционном здании другого училища — духовного.

В Ишимском архиве сохранилось личное дело учащегося Филатьева. Эти документы, обнаруженные сотрудником краеведческого музея Людмилой Авериной, свидетельствуют о том, с какими

результатами окончил Валентин педучилище. Стоит заметить, что заканчивал он его уже будучи заочником (видимо, работал в школе), а качество тогдашнего преподавания не уступало нынешним вузовским стандартам. Из тридцати четырёх предметов на «отлично» сданы три: практическая работа в мастерской, методика русского языка и — физкультура и её методика (один из лучших прыгунов с шестом!). В списке отсутствует музыка, однако известно, что на втором курсе Валентин вместе с двоюродным братом Виктором играл в духовом оркестре училища, а сестра Нина вспоминает, что и сельские вечерки не обходились без его звонкой гармонии. Явно «хромяют» оценки по теоретическим предметам — таким, как всё та же Конституция СССР, основы дарвинизма, алгебра или психология. Предметы гуманитарного цикла и практические занятия в основном сданы на «хорошо», за исключением одного, самого важного в ту пору — истории ВКП(б). Госэкзамен по нему Филатьев просто провалил. Но, сжав волю в кулак, пересдал его на «четвёрку» и в июле 1951 года получил диплом учителя начальных классов.

Однако педагогическая стезя его не влекла. «Характер не позволяет», — так говорил он родным. Вместо школы отправился в военкомат, укрепившись в детской мечте: стать лётчиком. Тут пригодилась хорошая физическая подготовка. И, похоже, его упорство оказалось вознаграждено. Отслужив в лётной части в Кустанае, в октябре 1955-го он окончил Сталинградское высшее авиационное училище лётчиков по специальности «Эксплуатация и боевое применение самолётов и их оборудования», с присвоением квалификации «пилот-техник» и звания лейтенанта. Небо с облаками и ветрами стало близким. Служил Валентин в войсках противовоздушной обороны в Орле.

Родные долго ничего не знали о его судьбе. Наконец, он дал о себе знать, а в 1956 году даже приехал на три дня на родину — по вызову, к тяжело заболевшей матери. Остановился у брата Александра в Клепиково. Сестра Нина спрашивала его: «Зачем пошёл в военные? У тебя отца и двух братьев война отняла, третий пришёл израненный, и ты туда же! Вас же первых на фронт пошлют,

*Валентин Филатьев (слева)
во время учёбы в Ишиме.
1947-51.*

Из архива Н.И.Долгановой.

если что случится!» Валентин отшучивался: «Нравятся мне полёты! А в мирное время и на ровной дороге погибнуть можно». О работе рассказывал неохотно, говорил только, что летает на реактивном истребителе. Уехав, продолжал писать домой, но крайне редко. Вскоре в его письмах появились намёки: «писать некогда, может, скоро узнаете обо мне из газет».

Тем временем по всей стране шёл поиск тех, кто сможет стать гордостью страны — покорителями наднебесных просторов. Критерии отбора среди военных лётчиков были достаточно строгими: возраст — до тридцати, рост — 170 сантиметров, вес — 70 килограммов, отличная физподготовка, выносливость, умение быстро принимать решения в нестандартных ситуациях. Были получены данные на три тысячи человек, из них к лету 1959 года отобрано двести. Из них и сформирована заветная двадцатка, «отряд Мечты», по выражению Германа Титова. 25 марта 1960 года Валентин Игнатьевич Филатьев, военный лётчик 1 класса, прошедший жёсткий конкурсный отбор, был также зачислен приказом Главкома ВВС за № 363 на должность слушателя-космонавта ЦПК ВВС. Вместе с остальными будущими космонавтами он ходил на тренировки, участвовал в испытаниях, переносил тяжелейшие физические нагрузки. 9 мая 1960 года ему присваивают звание капитана, а 16 декабря 1961 года переводят на должность космонавта ЦПК ВВС.

А это значило: рано или поздно он

*Валентин Филатъев
во время службы в Кустанае
(в/ч 19083 «В»). Октябрь 1952.
Из архива Н.И.Долгановой.*

*Лётчик Валентин Филатъев.
Сер. 1950-х.
Из фондов музея ИГПИ
им. П.П.Ершова.*

тоже полетит в космос и станет одним из тех счастливых, избранных, которые обессмертят свои имена в скрижалях героев советского народа и человечества. И он, как прочие девятнадцать, соответствовал этим критериям: статный, плечистый, с мужественным лицом и волевым взглядом из-под сходящихся к переносице бровей, с крепким сибирским здоровьем, безупречного, с классовой точки зрения, происхождения, морально устойчивый — такой достоин был представлять «страну победившего социализма» в её передовом отряде, штурмующем небесные пределы. И повышенные моральные требования предъявлялись к космонавтам отнюдь не напрасно. Ведь они, облечённые всенародной любовью, должны были стать не только примером для сограждан и жителей капиталистических держав. Они должны были войти в своего рода «сонм святых» социалистического культа как живые выразители идеи всемогущества советского человека, отрешённого от Бога. Их образы вместе с образами «героев революции» должны

были заполнить то «свято место», которое опустошил октябрьский переворот. И генсек Хрущёв, усиливший борьбу с религией, понимал эту необходимость, поощряя поклонение перед успехами науки вообще и космонавтики в частности.

Но быть «живым богом» очень нелегко. И не всем избранным удалось пройти испытание обманным чувством всемогущества. 12 апреля 1961 года страна и весь мир узнали из газет о первом полёте человека в космос. Вскоре зазвучали имена Титова, Николаева, Леонова... Год шёл за годом, а имя Филатъева так и не появлялось на страницах прессы. Ничего не знали о нём и родные, не имевшие и тени догадки о его «космической» службе. И прежде редко посылавший весточки, он совершенно перестал писать, и сестра с братом уже считали его погибшим в одном из полётов. О том, что произошло на самом деле, родные узнали лишь через двадцать с лишним лет.

...Тёплый весенний день — один из последних дней марта 1963 года. Весна

Отряд космонавтов на учениях.

*На переднем плане — Ю.Гагарин, второй слева — В.Филатьев. 1960-61.
Из фондов ИКМ.*

на переломе — от зимы к лету. Воздух напоён неуловимыми флюидами, пробуждающими чувство свободы, желание свершений, уверенность в себе. Особенно — когда тебе только-только за тридцать, ты полон сил и твёрдо знаешь, зачем живёшь на земле: чтобы взлетать над нею — всё выше и выше... Трое друзей — Валентин Филатьев, Иван Анисеев и Григорий Нелюбов — отмечали день рождения одного из них, Григория. Весело смеялись, разыгрывая друг друга, вспоминали забавные истории из жизни. Веселье было не от вина — пить им не позволялось, разве только немного, «чисто символически» — шампанского или кружку пива. Но уж так хорошо и достойно складывалась жизнь, таким ясным и славным казалось будущее, что нельзя было не радоваться ей, жизни, пусть даже отделившей в этот день ещё один год к чередке ушедших.

Компания уже вышла на платформу подмосковной станции, ожидая электричку. Показался военный патруль с красными повязками на руках. Попро-

сили предъявить увольнительные. Очередной анекдот пришлось оборвать на полуслове:

— О чём речь?! Мы из отряда космонавтов!

— Неважно. Ваши увольнительные!

Возникла перебранка. Один из весёлых военных, тот, которого оборвали на полуслове, продолжал пререкаться с «красными повязками». Двое других безуспешно пытались его удержать от непоправимого. Увы, не удалось. Десять минут тёплого мартовского вечера решительно переломили столь ясную, казалось бы, судьбу потенциальных героев, лётчиков-испытателей из «космического отряда»...

Есть и другие версии произошедшего. Но спросить, как всё было на самом деле, теперь уже не у кого. Во всяком случае, рапорт об инциденте, с формулировкой: «находясь в нетрезвом состоянии, не выполняли требования военного патруля», лёг на стол помощника Главкома ВВС по космосу генерала Каманина. Последовавший за тем приказ Главкома

*Последняя встреча с родными:
Валентин Филат'ев с сестрой
Ниней. Орёл. 1988.
Из архива Н.И.Долгановой.*

от 17 апреля за № 89 звучал безапелляционно: всех троих отчислить «за нарушение воинской дисциплины и режима космонавтов».

Это было крушение всех надежд, потеря смысла жизни. Народная мудрость гласит: «Высоко взлетишь — большое падать». Каково же это — падать с высоты наднебесной?.. Наиболее трагично сложилась судьба Григория Нелюбова. Один из первых претендентов на космический полёт, и даже предлагавшийся академиком Раушенбахом в качестве первого, тот, кто с Титовым и Николаевым провожал Гагарина на космодроме до самой ракеты перед его историческим полётом, человек редкостного обаяния и крутозора, как вспоминали его сослуживцы — он был отправлен рядовым испытателем в авиаполк на Дальнем Востоке. Ни забота любящей жены, ни дружеское участие новых товарищей не могли развеять съевшей его жестокой тоски. Не помогло, разумеется, и вино. В феврале 1966 года, потеряв всякую надежду на возвращение в любимый отряд, Григорий Нелюбов бросился под поезд.

Валентина Филат'ева также отправили продолжать службу в авиачасти ПВО, где он когда-то начинал свою военную карьеру. Учёбу в Краснознамённой военно-воздушной академии имени Жуковского, в которую он поступил в сентябре 1961-го, ему также пришлось оставить. И всё же столь решительный удар судьбы не сломил до конца неизбалованного жизненными перипетиями сибиряка. Пройдя испытание тем же вином, он

сумел удержать себя в руках, воспитать двоих детей. Но родным не писал ни строчки. Не давала уязвлённая гордость, было как-то по-деревенски неудобно, что не сдержал данного прежде слова, подвёл род Филат'евых.

Переживания и методы их лечения, однако, сказались на здоровье: дослужившись до звания майора, он в ноябре 1969-го ушёл в отставку. Жить так и остался в городе Орле. Работал семь лет в институте по проектированию приборов строительных заводов «Гипроприбор», а затем ещё десять — преподавателем областных курсов по гражданской обороне. Теперь он уже не мечтал об облаках и ветрах, с которыми летал когда-то наперегонки. Но при первой возможности, в свободное время выезжал в лес — по грибы, ягоды. Там, среди среднерусских берёз он, должно быть, вспоминал оставленную им навсегда сибирскую малую родину, белоствольные рощи вокруг Малиновки, ухабистую дорогу на Шаблыккино, где среди могучих тополей скромно возвышалась кирпичная церквушка с несокрушёнными крестами... Ту родину, где он побывал в последний раз в 26 лет. То родное гнездо, из которого он выпорхнул высоко в синее небо, и которое он больше никогда не увидит.

В 1987 году Валентин вышел на пенсию. И только тогда в Приишимье прилетела весточка: «я жив, надо встретиться». Старший брат Александр, тот самый, израненный на войне, умер в 1979 году. В Орёл поехала Нина Игнат'евна с семьёй сына Василия. Сфотографировались вместе на память — через три десятка лет! Брат рассказал им о своей неудавшейся судьбе космонавта, о прожитых годах, о смертельной болезни — раке лёгкого... Но о подробностях мартовской драмы 1963 года умолчал. «Он так всю жизнь и переживал, что не слетал в космос», — рассказывает сестра, по сию пору живущая в родной Малиновке, от которой осталось лишь семь дворов. Умер В.И.Филат'ев 15 сентября 1990 года, шестидесяти лет от роду.

...Всего в «скрижали истории» из той двадцатки первых попали только двенадцать человек. Анатолий Карташов и Валентин Варламов, с которым Филат'ев служил в одном гарнизоне в конце 50-х, были отчислены в 1961 году по медицинским показаниям. Другой со-

служивец Валентина, Марс Рафиков, выбыл в марте 1962-го — за самовольную отлучку. В 1969 году отряд покинул Дмитрий Заикин — также по состоянию здоровья. Все они могли стать героями, буквально — небожителями, но при одном условии: ни малейшего изъяна из жёстких правил и норм. Только так, согласно тогдашней идеологии, можно было попасть в вечность. Валентин Филатёв в ответ на восхищённые вздохи: «Вы летаете в небе, так высоко!» — говорил с крестьянской хитре-

цой, усвоенной от прадедов: «Какая там романтика! Это тяжёлый труд». Но этот тяжёлый труд имел ясную цель, ради которой стоило жертвовать собой. Поэтому и для него строка в биографии: «Опыта космических полётов не имел...» — стала личной драмой, душевной травмой на всю жизнь. Ведь без полёта в космос — пусть даже он мог завершиться трагически, как у Владимира Комарова в 1967 году — эта жизнь, жизнь без высокой мечты, лишалась всякого смысла.

В.А. ЗАХ, С.Н. СКОЧИНА

Мергенская «куколка»

Наскальные изображения, орнамент, деревянная скульптура, мелкая каменная, глиняная, костяная и металлическая пластика, относящиеся к разным культурам и эпохам, всегда являлись ценным источником для изучения духовной жизни древнего населения Урала и Западной Сибири. Наряду с археологическими остатками (жилищами, посудой, орудиями) они дополняют знания по материальной и духовной культуре человека, позволяют проникнуть в мир его чувств и представлений, а иногда определить этнокультурную принадлежность народов, оставивших эти образцы искусства. Из всего разнообразия мелкой пластики нас в первую очередь интересует глиняная скульптура.

Один из ее образцов был найден летом 2002 года в нескольких километрах от Ишима во время раскопок, проводившихся археологическим отрядом «Динозаврик» под руководством научных сотрудников лаборатории палеоэкологии человека Института проблем освоения Севера сибирского отделения Российской академии наук на месте многослойного поселения Мергень 6, расположенного на мысу, образованном озером Мергень и рекой Мергенькой, в заполнении сооружения эпохи раннего металла с гребенчато-ямочной керамикой находились два обломка глиняной фигурки. Скульптура имела изогнутую форму и напоминала эмбрион. Длина ее составляла 7,1 см, ширина в средней части 1,9 см, на концах 1,0 см. Лицо не было детализированным, но узнавалось по двум

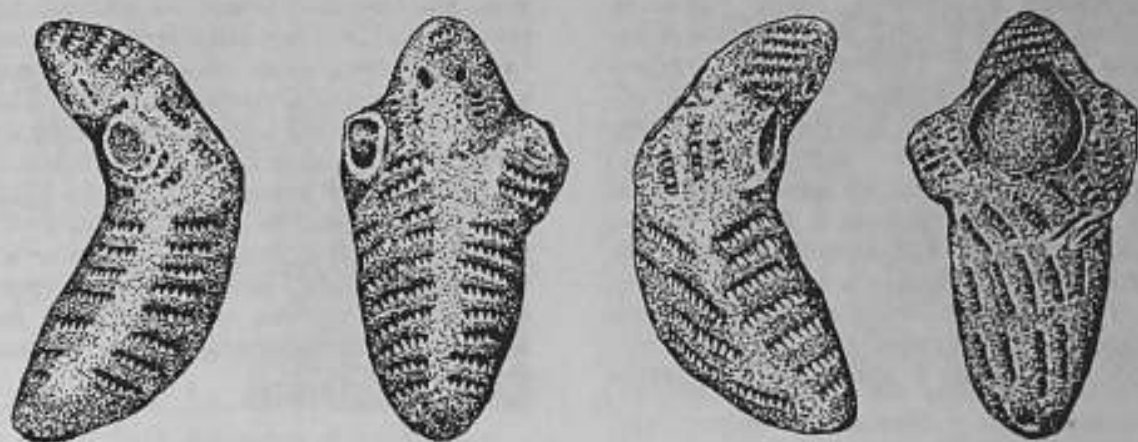

Новонайденная
«мергенская куколка».
Июль 2003.
Фото Г.А.Крамора.

ямкам-глазам. Несомненно, что перед нами находилось изображение человека, скорее всего, ребенка.

При внимательном разглядывании на ней были обнаружены продольные ленты орнамента в виде горизонтально поставленных оттисков гребенчатого штампа, на зауженном конце фигурки, со стороны спины виднелась ямка небольшого диаметра, глубиной около 7 мм, куда, вероятно, вставлялась деревянная палочка, на которой крепилась скульптура. На две части она была разломана, видимо, еще в древности.

Подобную находку следует назвать очень удачной и достаточно редкой. Глиняные фигурки эмбрионовидной (личинковидной) формы немногочисленны. Изображения, аналогичные мергенской, обнаружены в основном на поселениях

«Мергеньская куколка». Вид с четырёх сторон. 2004.
Рисунок А.С.Кухтерина.

позднего неолита — раннего металла в бассейне Онежского озера. Кроме Карелии скульптурки встречаются в Вологодской области, Латвии, Эстонии и в Финляндии. В Западной Сибири, кроме мергеньской, археологам известна только одна фигурка с изогнутым нерасчлененным туловищем и слабовыраженным лицом, которую нашли на поселении Большой Ларьяк 3 на реке Вах.

Все известные фигурки датируются в пределах III начала II тысячелетия до н.э. Исследователи древних культур не исключают, что идея эмбрионовидных

скульптурок зародилась в пределах лесостепного и южнотаежного Ишимо-Иртышского междуречья, а затем распространилась в северо-западном и северо-восточном направлениях, достигнув территории Скандинавии. По поводу назначения скульптурок можно предположить, что они служили амулетами для женщин. Изображая, скорее всего, спеленутых детей, связывались с культом матери, рождения и плодородия.

Мергеньская «куколка» является одним из наиболее ранних и выразительных образцов подобных скульптурок.

К статье О.А.Ожгибесовой «Один день в Казанском районе».
Фото Г.А.Крамора.

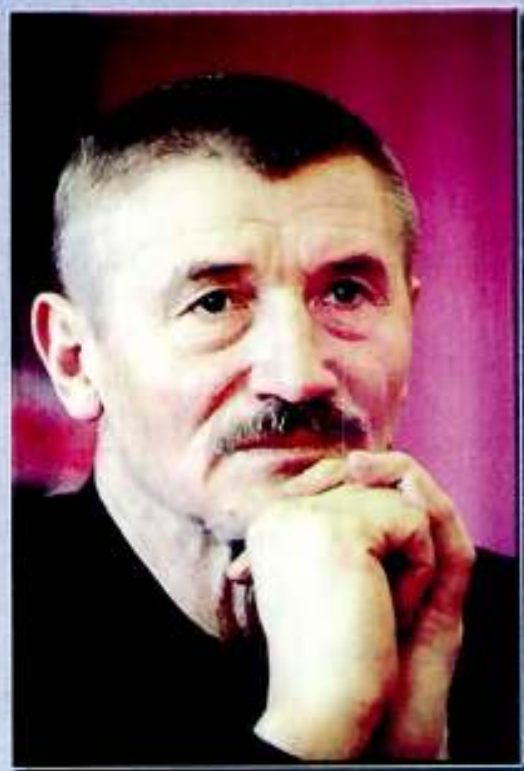
Христорождественская церковь в селе Афонькино. Общий вид.

Христорождественская церковь в селе Афонькино. Внутренний вид.

Пророко-Ильинская церковь в селе Ильинском.

**Вячеслав Клыков: первый
приезд в Ишим.
27 марта 2004.
Фото С.С.Сафронова.**

**После установки памятника - снимок на
память с работниками культуры.
6 августа 2004. Фото автора.**

**Глава города
Виктор Рейн
и скульптор
Вячеслав
Клыков.
Фото автора.**

**Торжественное открытие памятника Прасковье Луполовой.
7 августа 2004. Фото автора.**

**Момент установки статуи на
постамент. 6 августа 2004.
Фото автора.**

**Вячеслав Клыков: волнения позади.
6 августа 2004. Фото автора.**

К главе из книги Н.В.Денисова «На закате солончаки багряные».
Фото Г.А.Крамора.

Солончаковая степь между селами Пеганово и Окунево. Сентябрь 2004.

Село Окунево. За околицей - озеро. Сентябрь 2004.

Культура края

Г.А.КРАМОР

Памятник Прасковье Луполовой в Ишиме

Начнём с предыстории двухвековой давности. В 1798 году в Ишим, печально известный в России, подобно другим сибирским городам, как место ссылки провинившихся граждан империи, прибыла семья разжалованного дворянина и прапорщика Григория Луполова: он сам, жена и 14-летняя дочь Прасковья. Местом их жительства стала деревня Жилковка, находившаяся почти в черте города. Луполов поступил на службу в канцелярию земского суда; работа эта доставляла хоть и скудное, но достаточное пропитание. Местность вокруг города была тогда малообжитой: от деревни до деревни — десятки верст, по девственным степям паслись табуны «киргизских» (казахских) лошадей, и над всей округой возвышалась единственная, ещё строящаяся, белокаменная Богоявленская церковь. Глубоко верующая Прасковья старалась не пропускать ни одной службы — и, возможно, там-то у нее родилась заветная мечта: пойти в столицу просить у самого царя милости для несчастного отца.

Григорий Луполов долго не соглашался отпустить единственную дочь в долгое странствование. Наконец, уступил — и Прасковья пустилась в дальний путь «с одним рублём, с образом Божьей Матери и с родительским благословением», надеясь лишь на Божию помощь через добрых людей и наивно полагая, что дорога из Ишима в Петербург лежит через Киев — город-святиню русского православия. Пеший путь в две с половиной тысячи верст продолжался почти год. В Екатеринбурге она начала учиться грамоте; дальше плыла водою до Вятки, а оттуда — снова пешком до Казани. Преодолев множество опасностей, она 5 августа 1804 года достигла столицы, где,

хотя и не сразу, сумела при посредничестве всё тех же добрых людей подать прошение императору Александру I. Тот, будучи тронут подвигом юной сибирячки, позволил «возвратить Луполова на прежнее жилище», оказав его семейству денежную помощь. Прасковья удостоилась даже приема у императрицы. Обласканная высшим светом, миловидная лицом, она стала «завидной невестой», но, верная обету, данному в пути, Луполова удалилась в Божию обитель. 4 декабря 1809 года юная послушница скончалась в Десятинном монастыре в Великом Новгороде. Впоследствии над предполагаемым местом ее захоронения, к которому стекались сотни паломников, установили мраморную плиту, а в начале XX века игуменья возбуждала ходатайство о причислении Прасковьи к лику святых...

Такова, вкратце, история, которая волновала когда-то сердца и умы не только наших соотечественников, но и «утончённых» европейцев. В начале XIX века на французском языке вышел роман «Елизавета, или Ссылные в Сибири» модной тогда писательницы Мари-Софи Коттен (её произведениями зачитывалась пушкинская Татьяна Ларина). Но более верна в историческом отношении повесть другого французца, знакомого с семейством Пушкиных — графа Ксавье де Местра, под названием «Юная сибирячка». Это произведение заслужило похвалу известного писателя Стендаля, который отмечал его «особую драматическую силу». Русский перевод этой повести выдержал множество переизданий на протяжении XIX столетия.

Вполне возможно, что мимо этой истории не прошел и Александр Сергеевич Пушкин. Биография Луполовой была

*Вячеслав Клыков представляет
модель памятника.
Ишим. 27 марта 2004.
Фото автора.*

включена в «Словарь достопамятных людей русской земли», материалами которого великий поэт пользовался при написании своей «Капитанской дочки». И, как замечает филолог, доцент Ишимского пединститута Татьяна Савченкова, сходство Прасковьи Луполовой и Марьи Мироновой поразительно. Здесь не только общая сюжетная линия — обращение к монарху за помилованием близкого человека — но и похожие характеры, в основе которых лежит вера в Божий промысел и смиренное следование ему, приводящее к «невероятному» достижению желаемого. Кстати, в паспорте Прасковья была ошибочно названа «дочерью капитана». Нельзя сказать однозначно, была ли она прототипом пушкинской «капитанской дочки» — но возможно, именно в ней Александр Сергеевич увидел идеал скромной, но сильной духом

русской женщины, который затем воплотил в образе Марьи Мироновой.

Уже в первой половине XIX века С.Н. Глинка в хронографе «Русская история...» отметил в числе самых знаменательных событий европейской жизни 1804 года «подвиг бедной и неизвестной Россиянки, по имени Прасковья Григорьевна Луполова»: примерная дочь оказалась в одном ряду с Наполеоном и Александром I. А в 1864 году в Лондоне опубликована «Книга золотых дел» Шарлотты М. Янг с рассказом о двух девушках — шотландке Элен Уокер и Прасковье Луполовой. Первая в начале XVIII века отправилась пешком из Эдинбурга в Лондон просить помилования для сестры, приговоренной к смертной казни; она стала прообразом Джини Динс, героини романа Вальтера Скотта «Эдинбургская темница». Но, отмечает М. Янг, в начале XIX века сибирская девушка Прасковья совершила путешествие из Ишима в Петербург, в сравнении с которым поход Элен «казался летней прогулкой по парку». Надо заметить, история сибирской девушки до сих пор популярна на Западе: так, очередное издание повести де Местра вышло в 2001 году в Париже. В России же XX века образ юной сибирячки исчез из народной памяти; лишь в новом столетии, опять же в Ишиме, произведения Коттен, де Местра, а также пьеса русского драматурга Н.А. Полевого на тот же самый сюжет переизданы в приложении к альманаху «Коркина слобода», в книге Т.П.Савченковой «Ишим и литература. Век XIX», где можно более подробно познакомиться с историей странствования Прасковьи Луполовой.

Так вот, патриот Шотландии Вальтер Скотт на свои средства поставил на родине Элен памятник отважной девушке. Этот факт задел за живое ишимских патриотов и краеведов. Ведь в 2004 году исполняется ровно двести лет подвигу юной ишимчанки, который должен стать примером для будущих поколений, а потому — увековечен достойным образом! Но кто сумел бы это сделать? Размышления были недолги: время торопило. Промелькнула мысль: это должен быть скульптор-патриот. Такой как Вячеслав Клыков, автор прекрасных памятников выдающимся людям России, среди которых — маршал Георгий Жуков, писа-

Рабочее заседание у главы города.

Слева направо: Н.П.Кузовкова, В.И.Мещангин, В.М.Клыков, В.А.Рейн, В.Б.Белоусов, А.Е.Фадеев. 27 марта 2004.

Фото автора.

тель Федор Достоевский, преподобные Сергей Радонежский и Серафим Саровский, великий князь Владимир и великая княгиня Ольга, первый император Пётр и последний император Николай... Но согласится ли лауреат Государственной премии СССР (1978), лауреат Государственной премии РСФСР им. И.Е.Репина (1987), обладатель золотой медали Академии Художеств СССР (1989), заслуженный деятель искусств Российской Федерации, заслуженный художник России, на предложение из провинциального сибирского городка?

И всё же — в ноябре 2003 года старший научный сотрудник краеведческого музея Надежда Проскурякова недрогнувшей рукой набрала номер мастерской Клыкова в Москве. Надежда у Надежды Леонидовны была только на чудо. Ответил сам мастер. И после недолгих раздумий согласился: сердце православного человека не могло остаться равнодушным к самоотверженности дочерней любви.

...Работа закипела. Мастер, параллельно с другими своими произведениями, создавал гипсовую модель будущего памятника Прасковье. В Ишиме ожидали его приезда, который всё откладывался из-за чрезвычайной занятости скульптора. Наконец, 27 марта 2004 года Вячеслав Клыков прибыл в город, которому предстояло пополнить обширный спи-

сок тех мест, в которых живут многочисленные, бронзовые и каменные, «дети» талантливого мастера. Вместе с ним приехал помощник в исполнении творческих замыслов — вице-президент центра художественного литья «Царский остров» Владислав Мещангин.

На встрече с главой города Виктором Рейном, его помощниками и журналистами скульптор представил свой проект. Первоначальная идея бюста «выросла» до более чем двухметрового бронзового памятника на полутораметровом гранитном постаменте. Реалистический образ Прасковьи в то же время символичен: девушка изваяна идущей, с посохом в руке — защитой от собак и волков, и с иконой Казанской Божией Матери на груди — защитой от злых людей и духов. За спиной — небольшая котомка; сама сибирячка одета в простое крестьянское платье — «всё исторически точно», как заметил скульптор. На постаменте должна разместиться поясняющая надпись и гербы двух городов, начальной и конечной точек долгого путешествия — Ишима и Петербурга. Сам памятник решено установить на Черняковской площади, напротив здания музея и Никольской церкви, неподалёку от того места, где жила Прасковья. Здесь же был представлен и предварительный проект благоустройства территории, разработан-

*Встреча с епископом Евтихием в Богоявленском соборе, 27 марта 2004.
Фото автора.*

ный главным художником города Анатолием Фадеевым.

Глава города задал вопрос: «В какие сроки можно уложиться?» — «Думаю, к осени». — «А к началу августа, когда у нас будет День города? Было бы замечательно открыть памятник в такой торжественный день!» Гости несколько задумались, а потом твердо сказали: «Времени мало, но сделаем!» На том и пожали руки.

После рабочей части визита Вячеслав Клыков посетил тот храм, прихожанкой которого была его героиня. Его встретил настоятель Богоявленского кафедрального собора владыка Евтихий. Впрочем, встреча была лишена всякой помпезности, так, что Вячеслав Михайлович назвал епископа «батюшкой», к чему владыка, впрочем, отнёсся совершенно спокойно. После небольшой беседы все направились в находящийся по соседству старинный корпус пединститута, где планировалась встреча со студентами и общественностью. Первый вопрос задала ведущая встречи — доцент ИГПИ им. П.П. Ершова Татьяна Павловна Савченкова:

— Какова основная цель Вашего приезда в Ишим, уважаемый Вячеслав Михайлович?

— Скажу откровенно: однажды я работал в своей мастерской — и вдруг зво-

нок из Ишима. Женский голос говорит: «Знаете, у нас была такая героиня, Прасковья Луполова, которая совершила подвиг — решилась пройти пешком из Ишима до Санкт-Петербурга». Меня это сразу заинтересовало. А когда узнал, что ей было всего 19 лет, я сразу подумал, способна ли моя дочь, которой 24 года, или кто-то из моих сыновей совершить такой подвиг? Это же какое мощное духовное восстание было в то время! Пойти, взяв с собой только икону и палку от собак, добиться у царя аудиенции. Это что-то нереальное! А оно оказалось реальным. Конечно, я сразу откликнулся. Этот подвиг достоин всероссийского признания, а, может, со временем — и всецерковного. Такие подвиги бывают раз в столетие, чтобы подать пример остальным поколениям, как нужно любить свой отчий дом, свою Родину, как надо любить своих родителей, чтобы чувствовать себя хозяином, — не пришельцем, не иждивенцем, — а хозяином, благоустроителем своей земли.

К сожалению, сегодня в наших СМИ даже если говорится о том, что в каком-то городе поставлен памятник какому-то историческому лицу, то редко упоминается фамилия скульптора. Всё это привело к тому, что монументальная скульптура перестала цениться как основопо-

Субботник по благоустройству Черняковской площади. 24 июля 2004.
Фото автора.

лагающий вид творчества, который апеллирует к государственным и историческим символам. Почему так дорожат, например, воинским знаменем? Нет знамени — рассыпается взвод или даже армия. Символ — это концентрат исторической мудрости. И скульптура тоже обращается к такому символическому историческому началу, а иногда и к духовному началу.

Скульптура, при всей своей кажущейся понятности, наиболее трудное искусство для понимания. Она доступна немногим, тем, кому дано от природы более объёмное зрение, позволяющее видеть не только плоскости, но и всё вокруг.

Чувствуя заинтересованность аудитории, Вячеслав Михайлович взял в руки настенный перекидной календарь с изображениями его работ, подаренный Ишимскому краеведческому музею:

— На обложке здесь написано: «За Веру, Царя и Отечество». Это то, во что я верю и что отстаиваю и в своём творчестве, и в общественной работе. Считаю, что православная самодержавная монархия — это будущее России, которое

соберет её и расставит всё в той изначальной иерархии, в которой должна пребывать Россия: православная вера, православный государь, православный народ. Только тогда не будет распрей между национальностями. Ведь вплоть до 1917 года сохранялись все национальности, со своими традициями и вероисповеданиями. И только советская власть захотела сделать советского человека без национальных корней и культуры. И вот — видите, как национальные конфликты возникают по всем краям нашей необъятной родины.

И конца им не будет видно до тех пор, пока к власти не придёт православный государственный человек, который не теплохладно будет относиться к Православной Церкви. Она, как вы знаете, сейчас отделена от государства, а православию должно быть нашей государственной религией. Только православные люди могли собрать великую державу, именуемую Россией.

Далее скульптор рассказал о своих произведениях и тех трудностях, которые приходилось ему преодолевать.

Начальник СУ-24
В.Г. Королёв. 24 июля 2004.
Фото С.С.Сафронова.

— Один из первых конфликтов возник вокруг установки в Радонеже памятника преподобному Сергию в 1987 году. Радонеж — это место, где святой провёл свои отроческие годы. Там стоит храм Вознесения, где в советские годы находился музей истории Радонежа. А на месте будущего памятника, недалеко от храма — скотный двор. Два года мы очищали это место. Власти не позволяли нам ставить памятник. Ночью выкопали фундамент, а сам памятник арестовали на полдороги. Но вот прошло время, памятник стоит, радует людей, и слава Богу, что все трудности ушли в прошлое.

А этот мраморный памятник великой княгине Елизавете Феодоровне — на территории Марфо-Мариинской обители. Её уже при жизни называли святой: настолько она была популярна среди людей, которые нуждались в помощи. Это бездомные дети, нищие. Она не боялась идти к ним в трущобы. Памятник поставили в 1991 году: привезли ночью, установили, благоустроили. Примерно полгода до этого вывозили мусор, накопившийся у реставрационных мастерских.

Этот памятник святым равноапостольным Кириллу и Мефодию открыт в 1992 году на одной из центральных площадей Москвы. Тогда это была площадь имени революционера Нопина, теперь она носит название Славянской.

В том же году Международный фонд славянской письменности и культуры, который я имею честь возглавлять, организовал паломничество в Иерусалим на Святую Землю, откуда в канун Пасхи привезли Благодатный Огонь. Лампада с ним, пройдя все славянские страны, в

день памяти Кирилла и Мефодия 24 мая была установлена в постаменте памятника в специальной нише под пуленепробиваемым стеклом. Через год в неё стреляли из крупнокалиберного оружия и повредили стекло. Тогда мы перенесли эту лампаду в храм Всех Святых на Кулишках, и она до сих пор стоит там в алтаре.

Это памятник Георгию Жукову на Манежной площади, открытый в 1995 году. После его установки недоброжелатели говорили, что скульптор — неумеха, дескать, лошадь не может переставлять ноги прямо, как на памятнике. Я видел фотографию Жукова на коне. Все четыре ноги у лошади были прямые. И мне хотелось передать барабанный ритм Победы: тук, тук, тук. Говорят, не может так развеваться хвост у лошади, только у лисы. Посмотрите на живых коней: разве не может? Так что это было уже запоздалое ёрничество по поводу того, что памятник Жукову всё-таки состоялся. Ведь было предпринято всё, чтобы памятник Жукову не стоял в Москве. Нам удалось пробить эту брешь. Все начальники теперь в День Победы ходят туда, кладут цветы, как и Неизвестному солдату. Даже Президент.

Вот этот памятник-звонница, 57 метров в высоту, открыт на Прохоровском ратном поле, где произошла решающая битва Великой Отечественной войны. После этой битвы наша армия уже наступала и гнала немцев до самого Берлина. Это третье ратное поле после Куликовского и Бородинского. Венчает звонницу образ Покрова Пресвятой Богородицы. Места там очень красивые, хлебные поля, и Покров Богородицы осеняет все просторы нашей Родины...

Рассказ скульптора о своих работах продолжался ещё некоторое время, а затем последовали вопросы из зала.

— **Расскажите, пожалуйста, о Ваших художественных принципах.**

— Мой первый постулат: я сторонник образного искусства, потому что образное искусство позволяет раскрыть многое в этом мире, помимо того, что оно изображает живого человека. Я ведь не делаю вашей копии, а извлекаю лишь главные закономерности, которые увидел в вас. Эти закономерности могут быть и открытиями, как бывало у многих художников. Ведь Господь создал человека

**Нина Петровна Кузовкова
и Вячеслав Михайлович Клыков.
6 августа 2004. Фото автора.**

по образу и подобию Своему. Так и художник создаёт своё произведение по образу и подобию того мира, который создал Творец. Безобразное искусство не несёт в себе образа человеческого лица, образа той природы, которая нас окружает. Как бы своевольное «я», что хочу — то и творю... Совсем не могу разделить мнение тех искусствоведов и художников, которые за абстрактное искусство. Оно тоже нужно, но оно носит, скорее, дилетантский характер.

— Существует мнение, что скульптурные изображения неканоничны, что они чужды Православной Церкви, привнесены от католицизма...

— Раннее христианское искусство — это рельефы. И у нас до эпохи Никона существовала церковная деревянная скульптура. Это образы Христа в темнице, Параскевы Пятницы, Николы Можайского Распятие... Кстати, лютное распятие — рельефная скульптура. Это древнее искусство, традиции которого я всего лишь продолжаю. Многие думают, что в православии нет скульптуры никакой. Ничего подобного. Просто она была во многом уничтожена и гонима при Никоне.

— До революции в этом здании располагалось духовное училище, а в этой аудитории находилась домовая церковь во имя Кирилла и Мефодия. Это символическое совпадение — ведь Вы являетесь президентом Международного фонда славянской письменности и культуры...

— Как замечательно... Да, я возглавляю фонд уже 15 лет. По его инициативе в России стал отмечаться день святых

равноапостольных Кирилла и Мефодия как День славянской письменности и культуры. Начали мы в 1986 году с города Мурманска. Было всего несколько писателей и художников... В этом году праздник будет в Самаре. Там благодаря нашим усилиям за три года построили великолепный храм во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, перед которым будет открыта их скульптура — немного другая, чем в Москве.

...Если ставить перед собой цель, то — предельно полную. Полнота цели вызывает и полноту действия. Мы изначально поставили себе такой потолок: наша идея — единение всех славян, на основе общего праязыка, территории. Мы всегда говорили о том, что природа русского народа триединна: великороссы, малороссы, белорусы. Подобно тому, как триедины Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух. Русский народ имеет триединую природу, и мы должны жить в одном государстве, как единый народ, слитно и неразрывно. Эти принципы позволяли нам всегда устоять перед лицом опасности.

После обеда скульптора ожидали в краеведческом музее. Здесь его особо впечатлила экспозиция, посвящённая крупнейшему в Советской России крестьянскому восстанию 1921 года, с картой-диорамой событий тех лет. И ещё здесь он сделал «личное» открытие. Дело в том, что 64-летний мастер, родившийся под Курском и по роду своей деятельности немало поездивший по стране, нигде почти не встречал однофамильцев: «Фамилия Клыков — очень «кустовая», я её редко встречал даже в Москве, да и в Курске её мало, а вот в селе Мармыжи, на моей родине — на кладбище почти одни Клыковы». В Ишиме же сохранился великолепный памятник краснокирпичного зодчества — усадьба купца II гильдии Григория Фёдоровича Клыкова, жившего в нашем городе в начале XX века. Есть в музее и фотография купца, сделанная в Москве — с неё смотрит человек, удивительно похожий на нынешнего гостя. «Наша порода», — признался, волнуясь, Вячеслав Михайлович, обычно весьма сдержанный в проявлении эмоций. Тут же выяснилась и другая подробность. Григорий Клыков любил вороных лошадей, для них построил сохранившиеся на усадьбе крепкие камен-

Гранитный постамент перемещают на фундамент.

Слева направо: Владислав Меццанин, Николай Марков. 6 августа 2004. Фото автора.

ные конюшни. А вот что говорит Вячеслав Клыков: «Страсть к вороным коням у нас в роду. Помню, что мать и отец любили коней, как самое дорогое. Могли и стреножить, ездить и с седлом, и без седла. Любили экстерьер, повадки, красоту. Увы, историю свою я знаю только до четвертого колена — тоже воспитывался в советское время. Но лицо бабушки на этой фотографии очень уж знакомое...»

После этой встречи с ишимцами скульптор с помощником уехали в Москву — исполнять свои обещания, а горожанам осталось совсем немного — исполнить свои: собрать деньги на памятник и благоустроить площадь. Но рассказать подробно обо всех перипетиях и тонкостях этого процесса не позволяют ни объём статьи, ни терпение читателей. Скажем кратко: увековечение подвига дочерней любви потребовало не меньшего подвига от благодарных потомков. Глава города Виктор Рейн объявил о сборе пожертвований и сам подал пример, сделав взнос из личных сбережений. На призыв откликнулись многие предприятия и организации. Вот их, вероятно, не совсем полный список: Комбинат маслосыр «Ишимский» (А.В. Завьялов) — 20000 руб., Тобольско-Тюменская епархия РПЦ МП (архиепископ Димитрий) — 20000 руб., ЗАО «Сибнефть» — 50000 руб., ЧП В.Н. Воронов — 5000 руб., ЧП А.А. Уренюк — 10000 руб., Агропромбанк (В.Д. Полякова) — 10000 руб., Ишимский вино-водочный завод (С.Р. Гелашвили) — 10000 руб., ОАО «Никольская ярмарка» (С.В. Держач) — 4000

руб., Тюменьэнергобанк (В.Н. Филимонова) — 10000 руб., ООО «Моторойл» (Д.В. Смыслов) — 10000 руб., «Гарант-Юг» (В.И. Харченко) — 20000 руб., Ишимский комбинат хлебопродуктов (Ю.М. Рожков) — 5000 руб., ЗАО «Инвестстрой» (В.П. Кузьменко) — 10000 руб., Мостоотряд № 36 (Н.А. Руссу) — 10000 руб., ЗАО «Газпромоптика» (Т.Н. Зарубина) — 10000 руб., ГТРК «Регион-Тюмень» (А.К. Омельчук) — 5000 руб., Племзавод «Юбилейный» (Н.Т. Мамонтов) — 1000 руб., коллектив Центральной городской библиотеки во главе с Н.В.Десятовой — 1000 руб. Заместитель губернатора области С.М. Сарычев перевёл на счёт 90000 руб. Наконец, уже после возведения памятника на просьбу главы города Виктора Рейна откликнулся заместитель губернатора Владимир Якушев, сам побывавший на церемонии открытия. Он оказал ишимцам значительную поддержку, выделив из средств областной администрации недостающую сумму для возмещения расходов на создание монумента.

Наконец, только настойчивость заместителя главы города Владимира Борисовича Белоусова и готовность помочь добром делу начальника СУ-24 Владимира Георгиевича Королёва, взявшегося без предварительной оплаты заместить площадь брусчаткой и залить фундамент под постамент, позволила в срок благоустроить место, назначенное для установки памятника. Работа шла споро: всего за два десятка дней, без перерывов на выходные, территория преобразилась. Начальник строительного управления сам, как простой мастер, руководил работами на площади, выверял уровни нивелиром и с волнением подсчитывал дни, оставшиеся до открытия. Строителям СУ-24 содействовали и добровольные помощники, пришедшие на субботник, и рабочие из Богоявленского собора, благословлённые владыкой Евтихием. Площадь очистилась от сорных акаций и клёнов, раскрыв великолепный вид на белокаменное узорочье Никольского храма.

...И вот наступил волнующий день 6 августа 2004 года. Небо затянуто угрюмыми тучами, дует холодный ветер. Под стать погоде и ситуация, складывающаяся вокруг памятника. Никак не может уместиться на небольшой площади «договялая» фура, привезшая из Москвы

двухтонный памятник вместе с восьми-тонным параллелепипедом гранитного постамента. (Кстати, машина приехала вечером 5 августа, то есть Прасковья символически вернулась в Ишим ровно в тот же день, когда 200 лет назад пришла в Петербург!). Клыков и Мещангин тем временем — в храме. Владислав Иванович поясняет после: «Только с верой, с молитвой можно начинать и завершать такое благое дело как православный памятник. Перед тем, как его отливать, заказали панихиду по Прасковье. Потом ночью отливали. Сломался основной кран — что делать? Бронза стынет. Включили малый и с Божьей помощью отлили всё».

Действительно, ситуация начинает переламываться. Удаётся найти и единственный на весь город двадцатитонный кран (проблема в том, что в этот день строители отмечают свой профессиональный праздник). На площадке появляются заместители главы города Геннадий Григорьевич Останин, Владимир Борисович Белоусов. Неотлучно пребывает здесь же председатель комитета культуры Нина Петровна Кузовкова, помогающая оперативно решать возникающие проблемы. «На подхвате» музейные работники: поят гостей чаем, ищут необходимые вёдра, тряпки, лестницы: так часто в нужный момент не оказывается какой-то важной мелочи! Приехал как бы невзначай соборный водитель, профессиональный стропальщик Николай Марков — его помощь, как и помощь соборных рабочих, в День строителя оказалась как нельзя кстати.

Вячеслав Михайлович Клыков, несмотря на непроницаемое лицо, заметно волнуется. Курит сигарету за сигаретой; не докурив одну, уже тянется за другой. Потом, сославшись на холод, предлагает съездить в какой-нибудь магазин, чтобы купить плащ. Магазинов с плащами не оказывается, покупают на рынке куртку-ветровку. Возвращается. Кран наконец начинает поднимать гранитный блок. Всё проходит благополучно: камень встал на своё место как влитой. Теперь дело за бронзовой статуей, ещё лежащей в кузове на боку. Аккуратно, обмотав материей стальные тросы, её поднимают из грузовика и бережно переправляют на «постоянное место жительства». На площадь вышли все работники музея, жители близлежащих домов, служители Никольско-

го храма. На глазах у бабушек — слёзы. И в самом деле — диво дивное: Прасковья зримо возвращается туда, откуда вышла два века назад.

Но Прасковья не сразу становится на холодную гладь карельского гранита. Сначала снизу закручивают болты для лучшего сцепления с постаментом. Владислав Мещангин сетует, что не догадались приготовить свинцовых пластин для прослойки между камнем и бронзой. Но, уверяет он, и без них статуя будет более чем устойчива. Вячеслав Клыков наблюдает за установкой издалека, потом подходит к монументу, удовлетворённо осматривает его и снова отходит на расстояние. Он доволен. Музейные работники аплодируют в момент установки Прасковьи на постамент. Свершилось!

Скульптор осматривает памятник со всех сторон. Смотрится он хорошо — и с востока, на фоне открытого неба, и с запада, на фоне синекупольного храма, и с юга, на фоне двухэтажного здания музея, и с севера, откуда, после окончательной уборки деревьев, откроется замечательная перспектива улицы со старинными деревянными домиками. «Вот тут бы, в начале аллеи, поставить своеобразные ворота-пропилеи, а на них установить плиты с описанием путешествия Прасковьи, — замечает Клыков. — Чтобы все знали, кому и почему поставлен этот памятник». К сожалению, плиты с надписью и гербами отлить не успели, поэтому приготовлена временная надпись: «Прасковья Луполовой явившей миру подвиг дочерней любви». Небольшой изъян — потерянная запятая — кажется сущей мелочью по сравнению с теми трудностями, которые испытала Прасковья в своём реальном пути в Петербург и в своём символическом возвращении в Ишим.

Вся установка заняла четыре часа. Малая стрелка на циферблате перешагнула за цифру «два». Небо постепенно проясняется. На площадь приезжает с церемонии открытия летней Никольской ярмарки глава города Виктор Рейн. Он беседует с гостями из Москвы; тем временем чеканщик-литейщик того же предприятия «Царский остров» Борис Гузев prepares необычную «похлёбку» из скипидара с воском. Ею предстоит натереть бронзовую статую для лучшей её сохранности и благовидности: ведь

пока на ней ещё виден сизоватый налёт, оставшийся после отливки и отчётливо выделяются сварные швы, показывающие, что скульптура собрана из восьми отлитых раздельно частей. Тут-то и оказываются нужны лестница, ведро и кисть. Тем временем соборяне довершают обмазку основания постамента. Приходит полюбоваться на новый памятник и владыка Евтихий, чуть раньше побывала здесь настоятельница женского монастыря игуменья Александра.

До следующего дня можно не волноваться: четырёхметровый монумент (для любителей подробностей: статуя — 2 м 80 см, постамент — 1 м 35 см) прочно и уверенно занял своё место на площади. Владислав Мещангин едет разыскивать своих родственников, о существовании которых давно знал от бабушки и с которыми давно хотелось встретиться (мир тесен — эти-то «ишимские корни» ещё более несомненны, чем у Вячеслава Михайловича!), а после дружеского ужина тесная компания едет на песчаные увалы, на гору Любви под селом Клепиковым; правда, точнее сказать, что село — под ней. Вячеслав Клыков не возражает, как обычно («Да зачем! Дело надо делать») и покорно, насколько это слово применимо к его непреклонному характеру, соглашается на маленькую авантюру.

Вид, открывающийся на горе, и восхищает его, и шокирует. Восхищает — прекрасная панорама приишимских полей, лесов, озёр, озарённая закатными лучами солнца. Шокирует — то, в какую помойку превратили склоны горы приезжающие сюда отдыхающие и молодёжь. Огорчённый скульптор начинает собирать картонные коробки, пластиковые бутылки и прочий хлам в одну кучу, чтобы устроить из этого безобразия очистительный костёр. Приехавшие с ним присоединяются к этому занятию, и вскоре на бровке обрыва уже пылает огонь. Темнеет. Хорошее настроение распадается к песням. Нина Петровна Кузовкова, чей голос напомнил Владиславу Мещангину голос Анны Герман, выводит из глубин памяти душевные народные — украинские («равнецкие») и русские — песни. Её проникновенный дуэт с Вячеславом Михайловичем (который уверенно, несмотря на простуду, поддерживает Нину Петровну) наводит на

*Возвращение Прасковьи.
6 августа 2004.
Фото С.С.Сафронова.*

то очень русское настроение, которое парадоксально-точно называется: «светлая печаль»...

День 7 августа с самого начала был озарён солнечными лучами. О вчерашнем холоде даже не вспоминалось. Лик Прасковьи в этих лучах был как-то особенно радостен и светел. С самого раннего утра к ней шли люди. О предстоящем открытии первого в Западной Сибири творения выдающегося мастера было известно уже давно, и казалось, что каждый ишимец счёл крайне нужным почтить «Юную Сибирячку» своим вниманием — как когда-то счёл это необходимым петербургский высший свет. Ближе к полудню Прасковью одевают в белоснежный шёлковый покров (безвозмездно предоставленный Ишимской швейной фабрикой во главе с Н.В. Гуляевой).

В половине второго появляется Вячеслав Михайлович Клыков. Его тут же окружают журналисты, и в течение получаса скульптор доброжелательно и обстоятельно отвечает на их вопросы. Ок-

ружающие памятник брусчатые дорожки наполняются людьми. Пришедших на открытие отнюдь не мало. Здесь же — малыши с пышными букетами, волнующиеся молодожены... Они откроют новую традицию — возложения цветов не к монументам вождей, а к памятнику, как отметил чуть позже в своём выступлении депутат Госдумы Юрий Михайлович Конев, «семейному», напоминающему о нравственной обязанности детей по отношению к родителям.

И вот — торжественно ударяют колокола на звоннице Никольской церкви. Небольшой хор певчих этого же храма исполняет православные песнопения. Ведущая, сотрудник краеведческого музея Надежда Лам, провозглашает: «Милостивые государи и милостивые государыни. Сегодня мы присутствуем на замечательном событии: открытии первого в России памятника истинно христианской дочерней любви...»

Первым слово предоставляется главе города Ишима Виктору Александровичу Рейну:

«Дорогие ишимцы, дорогие гости! Я очень рад, что такое светлое событие состоится сегодня на нашей Ишимской земле. И очень рад возможности сказать слова благодарности нашему краеведческому музею, который многое делает для того, чтобы собрать по крупицам нашу богатую историю. Я искренне благодарен Вячеславу Михайловичу Клыкову... Я думаю, что не все ещё ишимцы понимают значимость того, что происходит на этой исторической площади, которой мы полагаю, вернём имя купца-мецената Черняковского, на чьи средства построено и здание нынешнего музея, и прекрасный Никольский храм... На примере этой девушки можно учить нынешних детей тому, как нужно беззаветно любить свою Родину и своих родителей... Рад, что мне представлена честь открыть сейчас этот памятник...»

Ниспадает белое покрывало, до этого полнившееся уверенным северным ветром. Прасковья предстаёт миру. К микрофону выходит епископ Евтихий и, напомнив о том, что «по православному обычаю всякое знаменательное событие благословляется особой молитвой», произносит специально написанное к этому торжеству молитвословие:

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,

сыновнюю любовь и послушание Отцу Небесному миру явивший в лице Своем, пребыв послушлив до смерти крестной! Прими молитву нашу, подвиги дочери ради отца своего прославляющих, освяти умы и сердца наша и обрати сердца сынов и дочерей к родителям их, да заповедь почитания родителей свято чтут и исполняют, и в этом благоденствие да обретут, и домам своим, граду нашему благословение. Освяти, Господи, изображение сей отроковицы с иконой Пречистой и Преблагословенной Владычицы Богородицы, просвети, Господи, всех, взирающих на памятник сей и в ревность подражания возгрей сердца их. Да возлюбит кийждо ближнего своего, яко сам себе, первее же — Отца своего небесного, всем помышлением и крепостию своею. Да будет, Господи, благословение Твое на граде сем и на людях Твоих, памятник сей воздвигших и память творящих благочестивой деви Параскеве, подвиг веры и любви ради отца страждущего совершившей и путь земного странствия иноческим подвигом увенчавшей. Память ея творящи, Тебе славу совершаем и поклонение Тебе единому в Троице приносим, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь».

И со словами: «Благословляется и освящается памятник сей окроплением воды сея священныя, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», — окропил памятник со всех четырёх сторон. После чего также произнёс краткую речь:

«...Я вас всех сердечно поздравляю с этим праздником. Это настоящее событие... Это памятник не покорителю народов. Это памятник не человеку, который купался в лучах славы, а скромной, любящей девушке. Это — пример для многих поколений, как должны относиться дети к своим родителям, как должны их чтить и дорожить ими... Благодарю сердечно администрацию города и коллектив нашего музея, которые ради этого памятника тоже совершили и совершают ещё свой подвиг, собирая на него средства. Благодарю великолепного скульптора, который так чудесно понял душу Ишима и душу этой девушки Прасковьи...»

Теперь — слово автору памятника, Вячеславу Михайловичу Клыкову:

«...Великие даты посылает нам Господь

Бог как бы в последние времена. Помните, вся страна отметила в этом году 250 лет со дня рождения преподобного Серафима Саровского. В прошлом году было 100-летие со дня его прославления. Крестные ходы, связанные с теми святыми и иконами, которые возвращаются в Россию... В этом году — 200 лет со дня похода Прасковьи Луполовой из Ишима в Санкт-Петербург, явившего миру действительно пример любви дочери к отцу и матери. Это — великий пример. Это и есть воплощение той любви, к которой призвал нас Господь Бог и, вслед за Ним, апостол Павел: если ты можешь горы передвигать, но нет в тебе любви, что толку от этого... Дай Бог, чтобы, глядя на этот памятник, все мы, бабушки, дедушки, матери, отцы, дети, внуки, воспитывались на этой любви к своему роду, к своей семье! А от этого, как естественное следствие — любовь к своей малой родине и к нашей великой России...»

Завершающее слово — человеку, открывшему ишимцам имя Прасковьи Луполовой, доценту кафедры литературы ИГПИ им. П.П. Ершова Татьяне Павловне Савченковой:

«...Ровно двести лет назад юная девушка, выйдя из маленького городка, затерянного в степях и перелесках, сделала его известным всему миру. Она же вошла в историю русской культуры, и весь XIX век дышал этим образом. Выдающиеся писатели, драматурги, музыканты сделали Прасковью Луполову своей героиней. Но XX век её забыл. На первом месте оказались какие-то другие ценности. И вот в XXI веке она вновь явилась нам в прекрасном образе, созданном ваятелем Вячеславом Михайловичем Клыковым... За её спиной — та самая деревушка Жилияковка, из которой она отправилась в свой далёкий и такой опасный путь... В XIX веке она была идеологическим символом России — и не сомневаюсь несколько в том, что станет таким символом и в веке XXI-м. И кроме того — она вновь связала нас со всем миром. Вячеслав Михайлович создал много замечательных произведений, которые стоят в итальянском Бари, сербском Белграде, Москве, Петербурге, Пскове, Курске, Липецке... — самых разных городах и весях. И теперь наш Ишим становится своего рода

Борис Гузев наносит на статую защитное покрытие из воска. 6 августа 2004. Фото автора.

побратимом этих городов. И это замечательно!»

Открытие памятника Прасковье Луполовой стало первым в череде важных событий того дня. Прошло первое гулянье по новому асфальтовому покрытию на соседней улице Ленинградской; вводились в строй зал силовой нагрузки и беговая дорожка на городском стадионе; произведена закладка будущего плавательного бассейна... Но высокое по духовной значимости первое событие дня задавало верный тон мыслям тех, кто пришёл на Черняковскую площадь. Событие, уникальность которого придавала особый вес этому Дню города — не даром на него отозвались многие ведущие СМИ, в том числе и Первый канал телевидения: сюжет об открытии в сибирском городке памятника подвигу дочерней любви увидела вся страна.

Вячеслав Клыков с товарищами провёл в Ишиме ещё один день. В воскресенье 8 августа он посетил конные бега на заречном ипподроме. Любовался статью и грациозностью беговых лошадей, просил их для него фотографировать, сде-

*Первое утро Прасковьи на Черняковской площади. 7 августа 2004.
Фото автора.*

дать много снимков: «Буду делать конный памятник Александру Невскому, нужно смотреть...» Дождавшись окончания заездов, отправились в село Тоболово, где московских гостей ожидал в местном ДК хор «Станичники» вместе с руководителем Александром Пахтусовым. Встреча была яркой: загорелые плечистые парни — ни дать ни взять настоящие казаки, в бекешах и сапогах, с плетеными нагайками — так задумчиво и проникновенно исполняли старинные песни, что сам Клыков (кстати, генерал-лейтенант казачьих войск) не удержался, вышел к «станичникам», обнял их и вместе с ними спел «Не для меня...». Ещё — расспрашивал об истории коллектива, рассматривал фотографии, интересовался историей сибирских казаков. Александр Пахтусов, директор ДК, показал небольшой музей села Тоболово и записанные у старожилов тексты песен. Вячеслав Михайлович обещал содействовать в их издании, а самим хористам предложил приехать в Москву и выступить в Центре славянской письменности и культуры.

Прощание было трогательным. Под троекратное «Любо!» и долгое махание руками скромная кавалькада из двух машин двинулась к выезду из села. Улицу перегородило стадо коров, возвращающееся с пастбища. «Не бойся, езжай потихоньку, — говорил Клыков водителю. — Корова — умное животное». А

уже далеко за околицей, увидев хлебные поля, Вячеслав Михайлович попросил остановиться. Вышел в поле, сорвал несколько колосьев, потёр их между ладонями, попробовал зёрна. Задумчиво вглядываясь в закат... Неподдалёку блистала гладь пруда. Тут же возникло предложение подъехать к нему, искупаться. Однако вода в пруде уже «зацвела», и купанье пришлось устроить в мелководной, но чистой речке Карасуль, извиристо пробегавшей в живописной глубокой лощине. После купания в водах ишимской земли процессия двинулась в Синицынский бор, в пансионат, где остановились гости. День близился к закату.

...В столь напряжённом ишимском графике жизни мастера трудно было найти время для финального интервью, завершающего очерк о возведении памятника Прасковье Луполовой. Такое время нашлось лишь в дороге. Под мерный гул мотора и происходил наш разговор:

— Вячеслав Михайлович, чем привлек вас образ Прасковьи, почему решили его издать?

— Когда мне в первый раз позвонили из Ишима, я ответил: «Пришлите хотя бы её краткое житие». Если честно, когда прочитал, до слёз был тронут этой историей. Читали вдвоём с Сашей Бочкарёвым (Александр Михайлович Бочкарёв — директор Центра славянской письменности и культуры. — Прим. Г.К.),

просто слёзы наворачивались: это же надо, какая девушка! Естественно, памятник ей — это святое дело. Поэтому стал думать, как сделать эскиз. А потом на очередных переговорах я сказал о том, что, по-моему, получилось.

Мне в работе хотелось передать не начало или конец, а сам процесс: целый год ходьбы от Ииима до Петербурга. Я представил себе девочку (что уж там: ей всего двадцатый год шёл!), отправившуюся в путь в то время, когда не было ни железных дорог, ни шоссеиных. Можно только догадываться, какие искушения, какие испытания ожидали девушку, которая решилась мужественно пройти этот путь. Я даже попытался представить себя на ее месте: я бы, наверное, не решился пойти пешком. Наверное, только женская сознательность, доведенная уже до какой-то крайности, может вызвать желание вот так пройти этот путь от начала до конца. Какие мотивы были в данном случае? Отец с матерью переживали, любили её, и она их любила. Эти взаимоотношения выплеснулись в желание преодолеть всё и добиться освобождения отца. Это было, может быть, самое главное в её жизни.

Родители не сразу отпустили её. Только когда достигла совершеннолетия, 19-ти лет, тогда уже и благословили. Что было в пути, можно только догадываться, но путь, конечно, не был лёгким. Вот и мне хотелось передать этот процесс — пути. В лице девушки должна быть решимость, на груди — икона; и уверенный шаг. То есть: она дойдёт. Мотив скульптуры: она в пути. Надо, чтобы было видно, что ни испытания, ни лишения не поколебали её решения. А всё остальное — уже чисто профессиональные дела: как вылепить, руки как скомпоновать, движения, распределить массы, чтоб было ощущение не странницы (бывают калитки переходные), а чтобы образ остался значительным, чистым, красивым. Ну и ещё то, о чём я сказать не смогу и выразить не сумею.

— Работа над этим памятником чем-то отличалась от работы над другими?

— Конечно, всё бывает по-разному, к каждой работе нужен разный подход и по срокам, и по усилиям. Не бывает повтора или шаблона. Вот закончил последний памятник — Василию Шукши-

Владыка Евпихий читает молитву на освящение православного памятника. 7 августа 2004.
Фото автора.

ну. Там было действительно самоотречение. Я уехал в начале декабря делать Шукшина в размер: семиметровый памятник. Можно было и в Москве сделать, но в Калуге — увеличительный цех, давнишние связи со скульптурной фабрикой. Там есть комната для рабочих, никаких особенных условий, только железные коврики, пионерские. Вот мы там с двумя помощниками и были. Вначале один делал, потом уже, после Нового года, приехал мой старший сын Андрей, скульптор. А я не выезжал никуда, даже домой, работал с третьего декабря и закончил пятого января, не отрываясь. И режима никакого не было, нельзя сказать, что с шести или восьми утра работал. Как Бог даст, круглосуточно. Устал — поспал час-полтора, перекусил.

Что касается Прасковьи Луцоловой, то я, наоборот, работал на свежий взгляд, по утрам. Поработал часика два — всё. Прошло два-три месяца, поездки вырывали время. Закончить надо было, и то нижнюю часть подола я не смог доделать. А попутно смотрел, вспоминал образы сибирских девушек. Смотрел их

образы у Сурикова, даже у Кустодиева. Но они мне не очень подходили. У Сурикова все как-то похоже на него: ширококостулые.

Никаких трудностей не было. Когда делаешь всё с любовью, с интересом к своему делу, какие могут быть трудности? Если и появляются, то, скорее, как стимул. Работалось легко. Интересно было увидеть образ этой девушки. Одно дело, что о ней говорят, а какая на самом деле была? Вот что хотелось проработать. Вы знаете, что у каждого человека существует генетическая память. Есть не только память на понятия, слова, но ещё существует и память образов. Генетическая память извлекает именно тот образ, который необходим. Как это делается, не знаю, не могу сказать об этом. Но с Шукшиным было проще, это понятно. Когда ты доводишь своё воображение до той степени, когда как будто рядом с тобой человек живой сидит, чувствуешь, что весь предварительный материал (присматривание к людям на улицах, в метро, на фотографиях... — где угодно) настраивает тебя на такой образ, как будто он с тобой рядом, как будто он тебе позирует. Вот если ты доводишь себя до такого состояния, то можно делать относительно верный вариант. Ты его извлекаешь из своей генетической памяти, в которой всё заложено, кажется, ещё до образования Вселенной, до рождения. Присматривался к юным лицам, у храма смотрел, как выглядят девочки в платочках, длинных юбках. Когда чувствуешь, что это созрело, тогда начинаешь делать. Главное — ввести себя в состояние: вот это она! Ни другая, ни третья, ни четвертая. И когда ты уверуешь в этот образ сам, то тогда и другие начинают верить в него. Как в поэзии, когда строка пережита — люди воспринимают её как свою.

— Вы говорили, что наступит время причисления Прасковьи к лику святых. У Вас в этом личная уверенность? Вы это сами почувствовали или только из рассказа о ней?

— Нет, не из рассказа. Знаю, что пройдет время, наши режиссеры снимут о ней фильмы документальные или художественные, наши писатели и драматурги напишут книги о ней на новом, современном уровне. В том, что она будет причислена к лику святых, не сомнева-

Цветы Прасковье —
от двух поколений.
7 августа 2004. Фото автора.

юсь. Только, может быть, в начале её прославят как местночтимую святую. А потом так и пойдёт. Это ведь подвиг, который можно сравнить с подвигом Серафима Саровского, который стоял тысячу дней и ночей на камне, молясь за всех нас, грешных. Прасковья Луполова тоже совершила подвиг. Поэтому уверенность в её святости у меня есть личная. Жалко, что могилы, её следов не осталось, а то возможно было бы пойти к ней на поклонение.

— Для создания образа Вы присматривались к лицам сибирячек. А ведь исторически Прасковья пришла из Европы...

— Скорее всего, судя по фамилии, у неё молдавско-румынские корни, может, из Приднестровья. Дело не в этом. Я присматривался к сибирячкам, потому что кто Сибирь осваивал? Казаки, Центральная Россия. Когда некоторые с гордостью говорят: «Россия будет прирастать Сибирью», они забывают о том, что Сибирь прирастала Центральной Росси-

*«Любо, братцы!» Казачья песня вместе со «Станичниками».
8 августа 2004. Фото автора.*

ей. Здесь есть и курские, и воронежские, и тамбовские...

— Некоторые спрашивают, для чего этот памятник нужен в наши дни. Может, лучше бы людей накормили, напоили на эти деньги...

— Это всё преходяще, а память, запечатлённая в бронзе, останется на века, для многих поколений. Памятник даёт имя городу. Представьте себе, если бы не было в Москве памятников Пушкину, Минину и Пожарскому... Москва бы не была Москвой. Прасковья Луполова даёт имя Ишиму. Не географическое название, а духовное имя. Это очень важно. На вопрос о том, какие это места, будут отвечать: «Это места Параскевы Луполовой». — «А эпоха какая?» — «Параскевы Луполовой». Без конкретного имени километры земли и воды оказываются безымянными. И только духовное имя даёт значение этим гектарам земли, леса, улицам города. Родившийся человек не может жить без имени. Даже Христос имел имя. Поэтому памятники нужны, они подкрепляют

нашу историческую память. Память необходима для нормальной жизни, не только для созидания. Без памяти народ просто превращается в безымянное стадо.

— До недавнего времени у Вас в Сибири был только один памятник — Василию Макаровичу Шукишину в Сростках. А в этом году — второй памятник Шукишину, затем Прасковья, на осень намечено открытие монумента адмиралу Колчаку в Иркутске... С чем связано Ваше частое обращение именно к Сибири?

— Скорее, это обращение к личностям. А то, что они были в Сибири — Сибири повезло. Я говорю и о Шукишине, и о Луполовой, и о Колчаке.

— Чувствуется ли в Сибири духовный подъем, или об этом ещё говорить рано?

— Говорить о том можно по прошедшим определённого времени после открытия этих трёх памятников. Обращение к памяти таких людей — это тоже возрождение самосознания русского че-

ловека. Чтобы жить и выжить на такой земле, на таких пространствах, действительно надо иметь в себе огромный волевой, духовный, стержень. Физическая оболочка — не самое важное у человека. Она крепится только на духовном основании. Тогда человек может быть сильным, выносливым и ответственным.

...Прошло уже три месяца. На плечи бронзовой Прасковьи выпал первый кристально чистый белый снег. А у её подножия, кажется, не увядают живые цве-

ты с самого момента открытия. Сюда приезжают молодожёны, приходят на экскурсии дети, благоговейно кланяются ей прихожане ишимских храмов. Можно теперь уверенно сказать: Ишим — это город Никольской ярмарки, Петра Павловича Ершова и — любящей дочери, Прасковьи Григорьевны Луполовой.

В подготовке материалов для статьи принимала участие А.А. Бучинская.

М.Ф. КАЛИНИНА

Последний тобольский период жизни П.П. Ершова

Петр Павлович Ершов вернулся на родину в 1836 году, через два года после окончания философско-юридического факультета Санкт-Петербургского университета, чтобы всерьез заняться исследованием, просвещением и преобразованием Сибири. И место учителя в тобольской гимназии, о котором так упорно хлопотал молодой, но уже известный автор «Конька-горбунка», казалось лучшим поприщем для начала исполнения его грандиозных планов. И сама гимназия, единственная на всю бескрайнюю Западную Сибирь, была не из худших в России. Открытая на базе тобольского четырехклассного училища на волне «александровских реформ» в 1810 году при личной поддержке главы МНП, «русского магната» графа Разумовского, она замышлялась как питомник просвещенных и культурных «кадров» из коренных сибиряков для нужд управления новой преобразованной Сибирью. Но уже к 1816 году стал очевиден отход от реформ в стране. И в Тобольске образовательные реформы не нашли отклика в обществе, «все его слои отнеслись к любым переменам: или апатично, или враждебно», «считали уже роскошью, если дети их оканчивали курс в уездном училище, в большинстве же случаев оставались довольны, если дети научились читать и писать» [1, с.70].

Однако среди директоров гимназии были выдающиеся личности: Иван Павлович Менделеев, директор гимназиста П.П. Ершова и отец его ученика, впоследствии великого русского ученого Дмитрия Ивановича Менделеева; Алек-

сандр Петрович Протопопов, отец первой жены Ершова С.А. Лещевой и сыновей — Григория Александровича Протопопова, также ставшего директором Тобольской гимназии, и Владимира Александровича, в семье которого долго жили в Петербурге подчерицы поэта Феофана и Александра Лещевы.

Большинство гимназических учителей были люди с университетским образованием, выпускники Казанского, Харьковского, Дерптского, Виленского университетов, Петербургской академии художеств, Московского Главного педагогического института. Многие — выходцы из духовного сословия, прошли через Тобольскую духовную семинарию.

Среди них по 1862 г. было немало близких Ершову друзей, приятелей и добрых товарищей: учитель географии Василий Васильевич Кузьмин, близкий родственник П.П. Ершова по второй жене — Олимпиаде Васильевне Кузьминой (его деверь); учитель русского языка (из дворян, окончил Московский главный педагогический институт) Гаврила Петрович Казанский, тоже родственник (женат на Юлии Александровне Андрониковой, дочери Ольги Васильевны Андрониковой, урожденной Кузьминой); Александр Васильевич Плотников, ставший инспектором после ухода П.П. Ершова, Михаил Иванович Доброхотов, активный последователь методики Ершова и инспектор в годы его директорства, Константин Петрович Бобановский, учитель словесности, Павел Петрович Каталинский, учитель рисования, окончил Петербургскую Академию художеств, как и уни-

*Вид Тобольского кремля и площади у губернаторского дома.
Гравюра Каразина. 1894.*

Из издания «Живописная Россия. Том XI. Западная Сибирь».

тель искусств Генрих Фридрихович Мертич, автор проекта замечательного первого памятника С.А. Лещевой, жене П.П. Ершова, Павел Осипович Леман, учитель латинского языка, «образованнейшая, выдающаяся личность», Петр Карпович Криницын, учитель математики, и другие [1].

Но в начале своего последнего тобольского периода жизни и деятельности П.П. Ершов столкнулся, видимо, с местным учительством, которое в большинстве своем представляло собой достаточно косную и инертную массу в силу своего положения, которое летописец истории тобольской гимназии П.И. Холодный, живой современник и свидетель тех лет, называет «бедственным»: «Люди отличные образованные по тому времени, занесенные волею судьбы или начальства (потому что были большей частью «стипендиаты» или нищие «искатели места»), в Тобольске они терпели нужду, т.к. получали небольшое жалование и плохо были приняты местным обществом, низко ценившим как образование вообще, так и учительскую деятель-

ность» [1, с.74]. П.П. Ершов как учитель русской словесности «отбросил прежнюю схоластическую методу преподавания» и «все сообщаемое сумел сделать настолько интересным, что по классу словесности все шло хорошо, и лекций его ожидали с большим удовольствием» [1, с.87].

Его бывший ученик, а потом учитель Ялуторовского уездного училища Капитон Михайлович Голодников вспоминал: «Ученики любили П.П. Ершова за человеческие качества... Всегда ровное обращение, а иногда и участие в играх наших и прогулках заставляли нас любить его как родного. Малейшее его замечание, строгий взгляд уже были для нас жестоким наказанием...»

Ершов стал исследователем Сибири, но служба учителем, а затем инспектором и Директором гимназий и уездных училищ Тобольской губернии стала формой исполнения высокого гражданского долга — служением Отечеству: «По сибирским моим правилам я службу не считаю одним средством к жизни, а истинным ее элементом... Отстав от лите-

ратуры, я всего себя посвятил службе не в надежде будущих благ..., а в ясном сознании долга»... - писал он в письме к В.А. Треборну от 17 июня 1857 г. [3].

Он стал выдающимся организатором народного просвещения в Западной Сибири, в энергичном широком и быстром развитии «школьного дела» видел спасение края: в Тюмени, Ишиме, Кургане, Березове, Ялуторовске, Туринске, Сургуте и других поднимающихся в середине XIX века малых городах открывал школы, библиотеки, разрабатывал новые прогрессивные методики, программы гимназических курсов. Многие его педагогические идеи далеко опередили время.

Служба выматывала его, особенно многочисленные надзорные, инспекторские (с 1844 г.), а позже (с 1857 г.) директорские поездки по городам Западной Сибири, не оставлявшие времени для творчества. Он жаловался в письме к другу в Петербург: «Муза и служба — две неутомимые соперницы — не могут ужиться и страшно ревнуют друг друга. Муза напоминает о призвании, о первых успехах, об искусительных вызовах приятелей, о таланте, зарытом в землю, и пр., а служба — в полном мундире и шляпе, официально докладывает о присяге, об обязанностях гражданина, о преимуществах официи и пр. Из этого выходит беспрестанная хлопотня и стукотня в голове, которые отзываются и в сердце»... (Письмо от 27 сентября 1844 г.). До последних дней жизни П.П. Ершов продолжал по многу часов в день работать в своем кабинете, но, живя в Сибири безвыездно, за многие тысячи верст от столиц, центров, русской культуры и литературы, почти не печатался.

Из писем поэта нам известно, как мучили его неосуществленные творческие замыслы и жажда творчества: «Холод Сибири не угасил во мне этого пламени... - писал в письме к П.А. Плетневу П.П. Ершов. — Я сохранил и прежнюю свежесть чувств и чистую любовь к поэзии...»

До конца жизни он чувствовал себя поэтом «пушкинского набора»: «Я все еще современник той прекрасной эпохи нашей литературы» («пушкинской поры»).

Не жаловало его гимназическое начальство, обходило чинами и наградами:

уж очень явно «выламывалась» из учительской массы в чиновничьих мундирах его фигура известного столичного поэта и неординарно мыслящего педагога-просветителя. В 1862 году, в середине учебного года, в 47 лет П.П. Ершов вышел в отставку. К этому времени за 25 лет службы в Сибири он дослужился до генеральского чина «действительного статского советника» (по «Табели о рангах» - четвертого класса), но не получил его — все случилось точно по Грибоедову: «Чин следовал ему — он службу вдруг оставил».

В первые годы после возвращения из Петербурга, когда он жил один (до начала «семейной эпопеи»), П. Ершов жил безбедно. Но далее и до самой смерти в 1869 году чем больше росла его семья, тем безнадежнее росли долги и безденежье.

Неожиданно выйдя в отставку, он потерял и казенную директорскую квартиру, а собственного дома за целую жизнь так и не нажил [4]. Хроническая борьба с нуждой и безденежьем, а потом и неизлечимая болезнь — водянка подтачивали силы и дух. Дошедшие до нас письма поэта тех лет содержат откровенные и горькие признания: «Тяжело человеку с немалым семейством жить одними долгами и надеждой (2 января 1863 г.). «Без денег, без здоровья, с порядочной толикой детей... Если я еще не упал духом, то должен благодарить Бога за мой характер, который умеет ко всему приноровиться», - писал он 13 июля 1866 г. В.А. Треборну в Петербург. Тревога за детей, их будущее сокрушала Ершова: «Одна только мысль тяжело лежит на душе — это воспитание детей» (13 июля 1866 г.)...

Традиционно на Руси «кормили» не чины и должностные оклады, они были невелики («штатная сумма» инспектора Ершова составляла 560 рублей 40 копеек годовых, директора — на 140 рублей выше (700 рублей 50 копеек), пенсию ему назначили в 1080 рублей годовых). «Кормило» чиновников «место». Но П. Ершов был русский интеллигент. Отец его частный (земский) комиссар и позже исправник (начальник уездной полиции), похоже, тоже «не брал» и потому после смерти вряд ли оставил еще не оперившемуся сыну наследство.

Власть обстоятельств, тяжесть «телеги

*Тобольская гимназия. Гравюра Каразина. 1894.
Из издания «Живописная Россия. Том XI. Западная Сибирь».*

жизни» слишком часто оказывались непосильны для чувствительной и нежной души поэта. Прирожденное добродушие и мягкость, готовность к прощению и другие добродетели христианина, органичные для глубоко православного человека, лишь усложняли его положение в чиновничьей и обывательской среде провинциального Тобольска, особенно в первые годы жизни (1836-1838 г.г.), до появления ссыльных декабристов.

Уже в конце жизни, как бы подводя итог прожитого, П.П. Ершов написал потрясающие своей искренностью и драматизмом строки:

В житейских заботах труда
Года мой восторг угасили,
А что пощадили года,
То добрые люди убили.

И я как покинутый челн,
Затертый в холодные льдины,
Качаюсь по прихоти волн
Житейской мятежной путины...

Напрасно, как конь под уздой,
Я рвусь под мучительной властью...
И только отрадной звездой
Сияет семейное счастье.
В его жизни исключительно много

значила семья — «отрадная звезда», спасательный круг, его крепость и одновременно его крест. От многолюдья своего — обычного окружения дома, на службе (в гимназии), в дружеском кругу он рвался к уединению, тишине, как и в Петербурге, в студенческие годы.

Одиночество было основой мироощущения П. Ершова, как поэта-романтика, человека замкнутого, погруженного в себя, застенчивого от природы и ранимого в чужой среде, при склонности к шутке, смеху, игре и веселости нрава в узком кругу своих. Выручали способность к самоиронии и, как считал сам поэт, его «легкий характер». Таким он оставался до конца жизни: «Я человек минуты. Чуть полегче, я готов ребячиться, как пятилетний шалун, а при перемене — смотрю, как факир, на кончик своего носа» (Из письма к падчерице Ф.Н. Менделеевой 9 августа 1866 г.).

Его письма можно прочитать в рамках их хронологии и роковых событий личной биографии как историю одной человеческой судьбы и как историю утраты иллюзий.

В письме от 16 октября 1836 г. он пишет: «Пользуюсь совершенным раздольем...» — А в письме от 9 августа 1866 г.:

«Живу по-прежнему, т.е. после понедельника встречаю вторник, там среду и т.д.» Письма содержат и возможные ответы на вопрос, почему П. Ершов вошел в историю русской литературы как «гений одной книги».

Они позволяют установить обстоятельства его жизни, объясняющие нереализованность огромного творческого потенциала и грандиозных планов поэта («Ты просишь моих успехов, но надобно узнать прежде — пишу ли я стихи и даже — можно ли здесь писать их», — пишет он В.А. Треборну в письме от 12 декабря 1836 г. — Проходят годы и те же жалобы: «Два года как не написал ни одного стихотворения... Иван Царевич... Помнишь? Поэма в 10 томах и 100 песнях приходит мне на ум... Но это из области «великодушных мечтаний» (Письмо к В. Треборну от 4 октября 1838 г.). — И через 20 лет то же: «Что касается до создания фантазий..., то у меня их такая куча, что для воплощения их недостало бы и десятка человеческих жизней...» (Письмо к А.К. Ярославцову от 17 июля 1865 г.). Но «...Писать для меня такая комиссия...» (Письмо к В.А. Треборну, от 17 июля 1865 г.); «...холодная квартира, не знаю, как согреть руки, а уж о писании и думать нельзя» (Письмо к Ф.Н. Менделеевой, от 2 января 1863 г.). Ответы на многие вопросы можно найти при внимательном чтении писем поэта и в их последовательном мифотворчестве.

Миф первый связан с повторяющимся из письма в письмо мотивом лени и представлением о себе как «поэтической ленивце», по романтической традиции противопоставляющем мишурным благам — успеху в свете, карьере, богатству — «сладостный покой», открывающий путь к истинным ценностям жизни — дружбе, любви, творчеству. Ершову слишком хорошо знакома «поэтическая лень» как состояние покоя, выключения из жизненной суеты, утомительной погони за блестящими, но пустыми химерами, глубоко чуждыми скромному поэту, — батюшковский идеал: (Блажен сто крат, кто с сельскими богами, / Спокойный домосед, земной вкушает рай.), — унаследованный лирикой П. Ершова с юношеских лет. Конечно, очевидно и определенная эволюция образа «поэта-ленивца» в сторону снижения, освобож-

дения его от поэтического флёра в условиях нарастания вала житейских забот, трудов и драм его сибирской повседневной жизни, о которой мы узнаем из писем поэта. Но нет ничего более консервативного, чем наши собственные представления о себе: 1-е письмо цикла «Изданных писем» П.П. Ершова из Сибири (начало переписки) — как предсказание собственной судьбы, «угаданной» в соответствии с мифологической версией «поэта-ленивца» («выдумываешь занятия и никогда ничем не занимаешься») — в своем двойнике-адресате В.А. Треборне, самом близком на оставшихся в Петербурге друзей молодости (из 38 опубликованных писем — 17 к В.А. Треборну). Портрет двойника Ершова — это образ просвещенного юноши, эпикурейца творческой личности: «Славный малый, беззаботный весельчак, поэт шутки и знакомец целого Петербурга... Живи, шути, влюбляйся в танцах и танцуй от любви. А слава?... — Вот вздор какой? (к В.А. Треборну, от 16 октября 1836 г.). Но проходят месяцы и вновь: «В прошлую субботу... сидел я в ожидании будущих благ под окном и зевал по обыкновению... читать теперь совсем нет охоты, да и нечего...» (Письмо к В.А. Треборну от 12 декабря 1836 г.). Проходят годы, положение поэта резко меняется, он женат на красавице С.А. Лещевой, но «менталитет» и «поза» жизни его не меняются: «Я такой же лентяй, как прежде, так же без причины весел, без причины печален... сижу по-прежнему дома или ребячусь с детьми, которые меня любят» (Письмо к В.А. Треборну от 26 октября 1939 г.)... Вот уже проходят десятки лет, а жалобы те же самые: «Лень, проклятая, лень, Сибирская лень всегда служила мне помехою» (Письмо к А.К. Ярославцову от 28 февраля 1852 г.). Однако теперь мы знаем биографию П.П. Ершова неплохо. И она как бы опровергает его суждения, дезавуирует миф о самом себе как о романтическом «ленивце»: «Я в буквальном смысле слова завален работой...» (Письмо к В.А. Треборну от 17 июня 1857 г.). Так это миф, навеянный романтическим идеалом поэта, «избранника небес»? Или истина в том, что П. Ершов — русский обломовский тип «олимпийца» — сам в силу этого загубил свой редкий дар великого поэта-сказочника? А, может быть,

*Вид на подгорную часть Тобольска
с колокольни Преображенской церкви. 1912.
Фото Н.М.Прокудина-Горского.
Библиотека Конгресса США.*

он был задавлен средой, обстоятельствами и тяжелыми испытаниями?

Миф второй: о Петербурге как о Голиафе-спасителе, который вытянет его из болота жизни на небеса поэзии, возможно, порожденный глубинным сознанием ошибочности возвращения в Сибирь на взлете молодости и славы. Отсюда и постоянный мотив писем П.Ершова о возвращении в Питер, неизбывная мечта и порыв, питаемые очередными жизненными неудачами и душевными депрессиями. После смерти матери он пишет: «Теперь сам не знаю, на что решиться: ехать в Петербург? Но зачем?» (Письмо от 4 октября 1838 г.) — А в дни тяжелых неудач со сватовством к С.А. Лещевой: «Два раза писал о переводе меня туда (в Петербург) и два раза возвращал с почты мои просьбы» (Письмо от 26 октября 1839 г.). Когда наступили трудные времена из-за недостатка средств на содержание быстро растущей семьи, вновь просыпались упования на Петербург, где, как ему кажется, «доро-

же содержание, зато много средств получить все нужное» («Думаю перебраться в Петербург... решено. Я должен быть в Петербурге») (Письмо от 28 декабря 1839 г.). И до самой смерти эта надежда и порыв уехать звучат лейтмотивом в письмах П.П. Ершова. После окончания первого срока службы в Сибири (10-ти лет): «Может быть, надолго, если не навсегда, оставляю мою родину. Но куда? В столицу? (1846 год); «...в прошлом году задумал было переселиться в Питер с мыслью, если там не повезет со службой, то, может, вывезет перо» (Письмо к А.К. Ярославцову от 6 августа 1852 г. — после полосы служебных неудач и обид). И уже будучи на пенсии, бедствующий от «бескарманной жизни», неизлечимо больной, П.Ершов пишет о Петербурге как все о том же «Эльдорадо», «земле обетованной»: «Приходит иногда желание перебраться в Питер..., чтобы к своей пенсии приложить еще лепту литературных трудов» (письмо В.А. Треборну от 25 января 1865 г.). Многократные об-

ращения к проф. П.А. Плетневу, бывшему издателю и другу А.С. Пушкина, с просьбами о помощи в переводе: «Научите, что мне делать?» (Письмо от 5 октября 1850 г.). Почему порывы Ершова и многократные попытки друзей и влиятельных почитателей таланта поэта в Петербурге «вытащить» его из Сибири не имели последствий? О П.П.Ершове как авторе знаменитого «Конька-горбунка» забыли, едва он вернулся навсегда на родину.

В Тобольске в самые трудные первые годы после первых трагических потерь (смерти подряд самых близких и родных ему людей — отца, брата и матери) и первого отрезвления от быстрой «уграты иллюзий» из тяжелого жизненного и духовного кризиса его вывела встреча с Серафимой Александровной Лещевой (1809 — 1845). О своей любви к ней Ершов писал В.Треборну: «...Я был влюблен почти два года, испытал доброе и худое, что делает любовь раем и адом; два раза писал в Петербург о переводе меня туда и два раза возвращал с почты мои просьбы...» (26 октября 1839 г.). А что, если бы он вернулся тогда в Петербург, в большой мир литературы? Там были Пушкин, Жуковский, Плетнев, так обласкавшие его... Ведь прошло лишь два-три года, как он покинул столицу. Как бы тогда сложилась его судьба? Не появился бы на свет, задуманный еще в 1830 году «Иван Царевич», по замыслу посильнее «Конька-горбунка», грандиозная поэма, вобравшая в себя весь русский народный эпос? Любовь к женщине пересилила зов судьбы поэта. И вот, счастливый, бесцельно радуясь «фортуне», он пишет в письме: «Кто моя жена — скажу... С.А.Лещева, а приданое — красота, ангельский характер и четверо милых детей...» Тогда только начиналась его счастливая и горестная семейная эпопея. Ершову было 23, Серафима старше на 6 лет, но она горячо желанна, любима. И поэт создает свой первый цикл любовной лирики, посвященный Лещевой: «К музе», «Праздник сердца», «Желание любви», девять акrostихов с графической монограммой «Серафима» и др.

Детей своей первой жены он сразу принял сердцем, стал им отцом (не отчимом), любил до конца жизни, воспитывал и учил своих пасынков — Алек-

сандра (1827 — 1902) и Николая (1837 — 1913) сначала в гимназии, потом в университете, а падчериц — в институте. Дети Лещевы, покинув дом П.П.Ершова, никогда не забывали его, «роднились» с отчимом и его большой семьей. После окончания института Феозва Никитична приезжала в Тобольск и жила в его еще инспекторской квартире, в небольшом деревянном доме, где у нее была «своя отдельная комната». «Приезжал в это время и жил Александр Никитич (из Омска) с женой Ольгой Августовной, которая, сидя в пролетке, разговаривала по-французски с Лещевой, золовкой», — вспоминала Ю.А.Девятова [5, с.169]. До самой смерти помогал Николай Никитич, проживший большую часть жизни в Петербурге, материально из своих средств (он не был женат) и, занимаясь издательскими делами отчима, гонорарами за «Конька-горбунка» [6].

Все дети, которые окружали П.П.Ершова в его доме и в гимназии, вырастали рядом с ним прекрасными, благородными и талантливыми людьми. А свои дети?

Через год после венчания началась, казалось, нескончаемая череда похорон собственных детей, умиравших один за другим, едва народившись. После шести лет брака Серафима умерла (в 1845 г.), а Ершов еще и в 1847 году в «Формулярном именном списке чиновников и учителей Тобольской гимназии» значился как «бездетный» («Ершов П.П., инспектор, надворный советник из штаб-офицерских детей, 32-х лет, православный, женат, детей не имеет»). Он (с осени 1846 г.) снова женат, но выбор вновь не разумен с точки зрения здравого смысла — по страстной влюбленности. Она — еще большая, чем С.А.Лещева, «красавица и бесприданница» и слишком юна, чтобы быть матерью пасынкам. А мартиролог имен потерянных в младенчестве детей (даты рождения, крещения, смерти указаны в поминальной записной книжке Ершова) продолжался, казалось, бесконечно. Из 16 его собственных детей в живых осталось шестеро, всех же умиравших он хоронил сам. Веселый, искрящийся смех «Конька-горбунка» в душе поэта и солнечный свет в его романтической лирике угасли («Затишье душу мне тревожит / Пою, чтоб слышать звук живой...»),

уступая место нарастающей волне горьких эпиграмм и писем.

По воспоминаниям современников, П.П.Ершов обладал редким обаянием. «Он был среднего роста, полный, красивый и представительный, доброй души... Внушал к себе уважение, не гордый, кроткий... в обращении с людьми добр, ласков и тих. И поступь его тихая и величественная, внушающая почтение...» [7, с.168-172]. «Петр Павлович не любил сниматься. У нас не осталось от него фотографий», - вспоминала Ю.А. Девятова [7]. Немногие портреты художников М. Знаменского, И. Вяткина, П. Чукомина — и позднее фотографии дают искаженное представление о поэте и его внешнем облике. Он был «дюжий сибиряк», по его собственному определению, склонный к вальяжной грузности и барственно-ленивой медлительности. Он носил очки «в золотой оправе» и всю жизнь отчаянно влюблялся в «красавицу». Поэзия и красота исцеляли его от тоски и жизненных невзгод.

Первый год после смерти (25 апреля 1845 года) своей первой красавицы-жены Серафимы Александровны Лещевой он медленно погибал от беды, обрушившейся на него нежданно-негаданно. Вытащила его из пропасти, в которую он безудержно падал, Ольга Васильевна Андроникова, которой П.П. Ершов многим обязан — и в его знакомстве и сближении с декабристами, и в устройстве личного счастья. Она нашла ему невесту, еще большую «писаную красавицу». Ершов был более, чем вдвое старше, еще не кончился срок траура, а он вновь, как мотылек, кинулся в запыхавший костер чувств, торопя со свадьбой. Даже друзья не понимали сумасшедшей гонки событий: 23 октября 1846 года он женится на Олимпиаде Васильевне Кузьминой (перед венчанием юной невесте прибавили, по просьбе жениха, пару лет для приличия (ей было 15) [8]). О.В. Андроникова, родная тетка второй жены поэта, через семь лет после ее смерти (20 октября 1853 г.) станет главным архитектором и третьего брака Ершова — с Е.Н. Черкасовой.

Вторжение в жизнь и судьбу поэта О.В. Кузьминой было неожиданно, мощно и благотворно. Жить под пепелищем рухнувшего недостроенного родного дома он бы не смог. Ей он посвятил лучший в

его жизни цикл стихов любовной лирики. Они зазвучали как восторг и страсть, исповедь и молитва:

«Она твоею быть не может!»
Я знаю сам и не хочу
Покой души ее тревожить...»

«Сдержу желаний пылких волю,
Мятежный жар сомну в крови...»

«Все, все в ней было обольщение,
И мне казалось, что она
Олимпа древнее явление,
Героподобная жена!»

Любовь в стихах поэта выражена языком высокой романтики, отчето, однако, они не перестают быть подлинным документом реальных переживаний автора, вызванных реальной женщиной, — близкие и знакомые безошибочно узнавали в ней Олимпиаду, дочь родного брата Ольги Васильевны Андроникиной Василия Васильевича Кузьмина:

«Как тополь стройный,
Во цвете лет облачена
Красой и гордой, и спокойной,
Стояла царственно она...»
(«Оправдание», 1846 г.)

В зрелые годы П.П. Ершов по своим политическим убеждениям был несомненно монархистом. Он никогда (и став крупным чиновником) не был консерватором и сторонником жандармско-полицейского режима. И, не одобряя планы цареубийства, сочувствовал благородному делу борьбы за свободу для народа и России, преклонялся перед величием подвига самопожертвования ради нее «героев 14 декабря». Он сострадал им в их несчастьях подневольной жизни в глухом забвении сибирского изгнания.

С Иваном Ивановичем Пушциным (1798-1859) Ершов познакомился, видимо, в первый же год его пребывания в Западной Сибири, когда на пути к месту поселения — в Туринск — осенью 1839 года — он провел некоторое время в Тобольске. С того времени между ними завязались особые отношения. У них не было переписки, и встречался он, видимо, с ним не чаще, чем с И.Д. Якушкиным, А.В. Ентальцевым, Н.В. Басаргиным из Ялуторовской группы. Но Пушкин ценил в нем поэта (в письме из Туринска от 29 июня 1841 года он просил Наталью Дмитриевну прислать ему новые стихи «нашего поэта»), доверял ему,

но особенно дорожил возможностями П.П. Ершова свободной (легальной) переписки с Европейской частью России, в частности, с Петром Александровичем Плетневым, редактором и издателем Пушкинского журнала «Современник». Как известно, в 1841 году он передал П.П. Ершову для Плетнева через Наталью Дмитриевну Фонвизину еще неизвестные читателю стихотворения А.С. Пушкина: «Мой первый друг...» (послание поэта к лицейскому другу-декабристу) и стихотворение, написанное в 1817 г. рукой поэта, «В альбом Пушину» («Взглянув когда-нибудь...»). В письме к Наталье Дмитриевне от 12 сентября 1841 г. из Туринска он пишет: «Прошу Вас пригласить к себе соседа Вашего, поэта, и вручить ему посылаемые две писы Пушкина. Они нигде не были напечатаны... Пусть Петр Павлович пошлет их Плетневу...» И интересная приписка: «К Ершову я не пишу сам потому, что не люблю начинать переписки» [9, с.176]. В том же году они были опубликованы в Петербурге.

М.А. Фонвизин в одном из писем И.И. Пушину сообщает: «Поэт Ершов бывает обыкновенным моим спутником. Он мне сказывал, что получил благодарность за Пушкина стихи» (от П.А.Плетнева) [10, с.220]. Так П.П. Ершов выполнил «тайную миссию» посла, соединив «порвавшуюся (было со смертью поэта) цепь времен «между духовными братьями одного героического поколения. А вскоре и другую — «почтового посредника в нелегальной переписке декабристов» [11].

В Тобольске «сборным пунктом», всегда открытым для ссыльных декабристов тобольской колонии, был большой дом Фонвизиных. Обычно собирались здесь: Павел Сергеевич Бобрищев-Пушкин, Иван Александрович Анненков, Александр Михайлович Муравьев, Петр Николаевич Свистунов, Владимир Иванович Штейнгейль, Фердинанд Богданович Вольф, Александр Петрович Барятинский, Флегонт Миронович Башмаков — из тех декабристов, кому дозволено было «обитать» в губернском городе. Бывали и другие. Конечно, в эти годы Тобольск постепенно утрачивал свои функции и облик столицы Западной Сибири. «Большой административный и военный аппарат переместился в Омск», но по-пре-

жнему он оставался одним из самых крупных сибирских городов (с населением в 16 тыс. жителей), административным центром края, с солидным, по тем временам, слоем чиновничества и крупными учебными заведениями: губернской мужской гимназией, женской Мариинской школой, Духовной семинарией, уездными училищами. Сюда поступала вся официальная информация, касающаяся жизни и судьбы политических ссыльных, а в «кружок» Фонвизиных стекались новости со всей декабристской колонии: просьбы, ходатайства, запросы, которые надо было довести до начальства или удовлетворить обходным (неофициальным) путем. П.П. Ершов, постоянно бывая у Фонвизиных, конечно, многое знал о настоящем положении (в том числе и материальном) своих новых друзей, их бесконечных перемещениях по всей Сибири бдящими властями; наверняка, знал и многие из крупных и тем более «роковых» обстоятельств их личной и семейной жизни.

Впечатлительного Ершова должна была потрясти до глубины души трагедия в семье декабриста Василия Петровича Ивашева (1799-1840), случившаяся через полтора года после массового расселения отбывших каторгу декабристов в Тобольской губернии: в Туринске умерла его жена Камила Петровна (урожденная Ледантю) (1808-1839), мать троих детей (одного, трех и пяти лет), простудившись, неокрепшая после последних родов. 12 января 1840 года Пушин сообщает Е.П. Оболенскому, своему самому близкому другу по Сибири, в Ялуторовск из Туринска о «горе бедного Ивашева»: «30 декабря 1839 года он лишился доброй жены... Жестокий удар поразил нас всех — трудно привыкнуть к мысли, что ее уже нет с нами. 10 дней только она была больна — нервическая горячка прекратила существование этой милой женщины... Осиротели мы все без нее — эта ранняя потеря тяготит сердце невольным ропотом...» [12, с. 124]. Пушин не может забыть, «как необыкновенно добра» была она к нему, «встретив как брата», и «первая пригласила на хлеб», когда он приехал на поселение в Туринск, а они с Басаргиным, тоже семейным, уже успели как-то устроиться, обжились. А ровно через год скончался от апоплексического удара, не

смирившийся со смертью жены, В.П. Ивашев. Эта весть настигла Пущина на обратном пути из Тобольска в Ялуторовск, куда он заезжал на пять дней к Якушкину, и заставила его немедленно выехать в Туринск.

В тот последний вечер Ивашев был спокоен, днем распорядился на счет службы (обедни) в кладбищенской церкви в годовщину смерти жены, велел топить церковь всякий день, стояли страшные морозы... «Его похоронили в самый день ее кончины...»

А начиналась история семьи декабриста Ивашева в духе самой высокой романтики: Камилла Петровна Ледантю, проявив беспрецедентную твердость и упорство, добилась разрешения последовать, как и жены декабристов: княгиня К.И. Трубецкая (урожденная графиня Лаваль), М.Н. Волконская (Раевская), А.Г. Муравьева (урожденная графиня Чернышова), баронесса А.В. Розен и др., за своим женихом в Сибирь, чтобы разделить его судьбу... Их венчали в церкви каторжной тюрьмы Петровского завода. Его доставили к аналою в цепях, закованного в кандалы. Декабристы высоко ценили «верность, силу духа и высоту чувств». Понимали, что значил для их жен и невест отказ от семьи, от всех прав на собственных детей, от состояния, от титулов и дворянских привилегий.

На приезд в Сибирь невесты Ивашева поэт-декабрист А.И. Одоевский написал в 1831-1832 гг. известное стихотворение «В дальний путь»:

По дороге столбовой
Колокольчик заливаётся.
Что, не парень удалой
Белым снегом опускается?

<...>

Воплощенная легенда, провидческое стихотворение: это был подвиг любви и самопожертвования. П.П. Ершов не успел лично познакомиться с Камиллой Петровной. В Туринске он бывал не единожды, но позже, с 1844 года, по свежим следам этой драмы, когда декабристов там уже не было.

К своему возлюбленному (в 1831 г.) приехала в Сибирь, в Петровский завод и француженка Полина Гебль (1802-1878), ставшая Прасковьей Егоровной после принятия православия перед венчанием, женой декабриста Ивана Александровича Анненкова (1800-1876). В

Тобольск Анненковы приехали осенью 1841 г. из Туринска — ему, первому из ссыльных декабристов, было разрешено «вступить в гражданскую службу» канцеляристом общего губернского управления. Самым же первым появился в Тобольске поэт-декабрист Николай Алексеевич Чижов, переведенный в 1833 г. из Иркутска солдатом первого линейного батальона Сибирского полка, с которым П.П. Ершова познакомил военный капельмейстер Константин Волицкий, ссыльный поляк. Это знакомство переросло в большую творческую и личную дружбу, прервавшуюся с переводом Чижова в 1839 г. в Омск (в 1843 г. он был освобожден и выехал в Тульскую губернию). Вместе с Анненковым тоже канцеляристами служили П.Н. Свистунов, «отлично образованный и замечательно умный человек» и А.М. Муравьев, до восстания все трое служили в одном полку. В Тобольске И. Анненков купил дом. Приобрел дом («один из лучших в городе») и П. Свистунов. П.П. Ершов был близко знаком с ними, они встречались в доме Фонвизиных и в присутственных местах, учреждениях губернского правления.

Декабристы, ставшие в силу обстоятельств чиновниками, оставались по-прежнему под пристальным вниманием властей. Но и в этих условиях занимались просвещением народа, медициной, наукой, культурой, литературой, используя свое новое положение «приказных» и «стряпчих», насколько это было возможно. В Тобольске сохранились памятные места, к которым так или иначе причастны Ершов и декабристы: здание, где с 1852 г. было открыто сначала «девичье приходское училище» (в районе ул. Туляцкой и Почтовой), а на его базе женская Мариинская гимназия, по инициативе А.М. Муравьева и П.Н. Свистунова, при прямом участии П.П. Ершова, как чиновника департамента «Министерства духовных дел и народного просвещения». Женская гимназия в Тобольске была ершовским «детисцем». По воспоминаниям Ю.А. Девятовой, в день похорон П.П. Ершова «девицы Мариинской школы стояли с цветами у дома на улице в ожидании выноса в церковь Благовещения, где его отпевали...» Провожали его все училища и весь город 21 августа 1869 года, «погода стояла великолепная» [13,

с. 172]. Такие пересечения «дорог» поэта и «тобольских пленников» естественны, реальны, хотя и не достаточно изучены. П.П. Ершов учил в гимназии сыновей И.А. Анненкова: Владимира Ивановича (1835-1876) и Николая Ивановича (1838-1873) Анненковых. Известны похвальные отзывы о П.П. Ершове, как замечательном педагоге, М.А. Фонвизина со ссылкой на их отца, И.А. Анненкова.

Петр Павлович, вероятно, знал и мать своих учеников — Прасковью Егоровну Анненкову, а также и Жозефину Адамовну (урожденную Бракман) — жену декабриста Александра Михайловича Муравьева, родного брата Никиты Михайловича Муравьева, автора проекта республиканской «Конституции» Северного тайного общества декабристов. Знал он хорошо Ольгу Ивановну Менделееву (1815-1866) «простую, добрую женщину» (по словам Е.Н. Басаргина, сына декабриста Н.В. Басаргина), но человека неординарного и яркого, «энергичного и решительного» — родную сестру Дмитрия Ивановича Менделеева. В 1848 году, уже будучи вдовой ялutorовского стекольного заводчика, меценатствовавшего в строительстве «школы декабристов», она вышла замуж за декабриста, к тому времени тоже овдовевшего Николая Васильевича Басаргина (с 1847 г. служившего в Ялutorовском земском суде канцелярским чиновником), породнившегося, таким образом, с семьей Менделеевых, и до конца своих дней принимавшего самое живое участие в делах и судьбе многочисленных братьев и сестер своей жены, в чем ему активно помогали И.И. Пущин и Г.С. Батеньков, сосланный в Сибирь после освобождения из 20-летнего заточения в одиночке Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, единственный среди осужденных декабристов сибиряк, уроженец г. Тобольска. Г.С. Батеньков окончил Тобольскую гимназию и хорошо помнил своего учителя И.П. Менделеева (отца Ольги Ивановны) и знал его жену Марию Дмитриевну (урожденную Корнильеву, из семьи потомственных тоболяков, известных в Сибири предпринимателей-промышленников и деятелей культуры). Через 10 лет (в 1858 г.) за брата Ольги Ивановны Басаргиной, Павла Ивановича Менделеева, который служил в Омске

чиновником (крестника И.И. Пущина) вышла замуж воспитанница Н.В. Басаргина, дочь умершего в Сибири декабриста Н.О. Мозгалевского, Полинья.

Петр Павлович Ершов, бывая в Ялutorовске по делам Дирекции уездных училищ, с интересом и одобрением знакомясь с новаторской системой обучения по ланкастерскому методу в декабристских школах И.Д. Якушкина и других ялutorовских «сидельцев», скорее всего, останавливался у Ольги Ивановны и после смерти (в 1861 г.) Басаргина. Тогда русские люди еще очень «считались» землячеством, старинными дружественными связями, родством во всех обозримых поколениях и по всем генеалогическим линиям. Менделеевы были «своими» для Ершова по гимназии, кружку близкой родственницы О.В. Андрониковой, и, наконец, напомним, дочь (падчерица) поэта Феофана Лещева была замужем за Д.И. Менделеевым почти 20 лет. Как же было не доверять Ершову, при его очевидном родстве с Менделеевыми, а через них с декабристами (Басаргиным и др.).

Среди имен замечательных русских женщин, связанных (по-разному) с декабристами, которые прошли через Сибирь и коснулись (тоже по-разному) судьбы П.П. Ершова, сегодня мы можем назвать Августу Павловну Созонович и Александру (Александрину) Григорьевну Муравьеву.

Августа Павловна Созонович (1833-?) — дочь бывшего офицера Бугского военного поселения, приговоренного к каторге за пощечину полковому командиру, взятая на воспитание М.И. Муравьевым-Апостолом. Своих детей в его семье не было, а когда появилась крошечная Аннушка (дочь И.И. Пущина), уже было две воспитанницы, «Гутяша и Анеточка», Августа и Анна, прозванная близкими «Теткой», девочка неизвестных родителей, которую принес в дом, двухнедельной, местный священник. Как старшая из детей, «Гутинька» (так всегда называл ее в письмах Пущин) помогала «воспитывать» младших, заботливо и нежно, а также оказывала помощь И.Д. Якушкину, организовавшему в Ялutorовске женскую школу. Пущин в письме из Тобольска к М.И. Муравьеву-Апостолу (от 28 июня 1849 г.) пишет: «Много говорил Вольфу об училище и особенно о жен-

ском (тогда первом в Тобольской губернии), которое представляла Гутинька. Я вижу Гутиньку в полном блеске педагоги и восхищаюсь» [14, с. 235]. П.П. Ершов хорошо знал энтузиастов ланкастерских школ Ялуторовска и их ближайших помощников, но в начале 50-х годов, видимо, не был знаком лично с А.П. Созонович, хотя она была, несомненно, «своим» человеком в доме О.В. Андрониковой (близкой родственницы и друга Петра Павловича), о чем свидетельствует случай, рассказанный Ю.А. Девятовой. Однажды, заглянув в дом Андрониковых, еще совсем молодая, Августа Павловна «много говорила в (его) присутствии, а когда он ушел, спросила: «Кто это был у вас?» - «Ершов», - сказала О.В., на что Созонович взволнованно заметила: «Что же вы меня не предупредили, а я тут говорила разную чушь» [15, с. 172]. В этом эпизоде со всей очевидностью чувствуется трепетный пиитет перед авторитетом и известностью П.П. Ершова рядового педагога, читателя и человека из ближайшего декабристского окружения. Через много лет (в 1884 г.) дочь Андрониковой, Юлия Александровна Казанская, вместе с автором воспоминаний, будучи в Москве, часто обедала «в роскошной квартире» М.И. Муравьева-Апостола и каталась в его экипаже. 90-летний Матвей Иванович, похоронив всех своих близких, доживал свой век в одиночестве. 50-летняя А.П. Созонович, воспитанница, «покоила его старость». Оба отлично помнили прошлое и сохранили верность своим старым друзьям: Матвей Иванович «бывало скажет: «Поезжай, Августа, вези сибирячку, показывай ей Москву» [15].

Александру Григорьевну Муравьеву (1804-1832) — жену Никиты Михайловича Муравьева, И.И. Пущин, по его воспоминаниям в письмах, «встречал в свете, потом видел ее за Байкалом», в Петровском заводе. «Незабвенная спутница нашего изгнания», «в делах любви и дружбы она не знала невозможного: все было ей легко, а видеть ее была истинная отрада.. Вслед за мужем она поехала в Сибирь (в 16 суток проскакала из Москвы в Иркутск). Душа крепкая, любящая поддерживала ее слабые силы. В ней было какое-то поэтически возвышенное настроение», хотя в отношениях с людьми она всегда оставалась «не-

обыкновенно простодушна и естественна». «Это составляло главную ее прелесть. Непринужденная веселость с доброй улыбкой на лице не покидала ее в самые тяжелые минуты первых годов нашего исключительного существования... всегда умела успокоить и утешить — придавала бодрость другим. Для мужа была неусыпным ангелом-хранителем и даже нянькою. Она много страдала, но все переносила безропотно», - писал И. Пущин в письме к сестре А.Г. Муравьевой Н.Г. Долгорукой 26 декабря 1854 г. из Ялуторовска [16, с. 293-294].

С памятью об этой замечательной женщине связан эпизод, рассказанный И.И. Пущиным в том же письме к Н.Г. Долгорукой, который еще раз приблизил вплотную два мира - Ершова и декабристов, и связал две судьбы — П.П. Ершова и его жены Е.Н. Ершовой (урожденной Черкасовой), а нам помог найти последнее звено, замкнувшее цепочку поисков ответа на вопрос о происхождении Елены Николаевны Ершовой, о загадке появления ее в жизни поэта. Елена Николаевна Ершова дочь «генерала Черкасова», воспитанница Смольного института благородных девиц. Н.А. Черкасов, генерал, с 1827 по 1838 гг. начальник Омского военного училища кадетов [17, с. 167].

Этот факт подтверждается и тем, что своего старшего сына, первенца Владимира, матерью которого была Елена Николаевна, он не учил в гимназии, а отвез в Омское кадетское училище, тогда как все его дети (свои и приемные) заканчивали тобольскую гимназию. Видимо, предполагалось продолжение в дальнейшем семейной карьерной (военной) традиции, от деда по материнской линии.

Многие обстоятельства жизни П.П. Ершова в последнем браке с Е.Н. Черкасовой обретают логическое объяснение, если признать очевидность того, что отцом ее действительно был «генерал Черкасов», которого молящимся в часовне над могилой А.Г. Муравьевой на кладбищенской горе Петровского завода однажды, гуляя, встретил декабрист Иван Иванович Горбачевский (1800-1869), оставшийся здесь до конца жизни. Генерал Черкасов не был декабристом, но о том, что он глубоко сочувствовал им, говорит сам его поступок и слова, сказанные при

встрече И. Горбачевскому и пересказанные им потом И. Пушину, когда он заезжал в Петровский завод по дороге в Иркутск, в 1849 году. Черкасов сказал Горбачевскому, «что счастлив, что имел возможность преклонить колени перед могилой, где покоится прах женщины, которой он давно в душе поклоняется, слыша о ней столько доброго по всему Забайкалью» [18, с. 294-295].

Все годы ссылки Пушкин переписывался с Горбачевским, который, вероятно, знал о его близком знакомстве с Черкасовыми, поэтому поведал ему о встрече с «генералом Черкасовым» как о человеке, несомненно, хорошо известном Пушкину, не называя его по имени, не поясняя, кто он. Таким образом, справедливо было бы предположить, что упоминаемые Пушкиным в письмах из Туринска в период с 1839 по 1843 гг. «Черкасовы» и «Черкасова» как туринские жители и есть семья «генерала Черкасова», к которой и принадлежала Елена Николаевна Черкасова, третья жена П.П. Ершова. Эти упоминания обставлены такими подробностями, которые вполне доказывают, что Черкасовы были люди близкие, друзья («хорошие знакомые») И. Пушкина, «свои» в декабристской среде, окружающей его. И если не входили в «декабристскую колонию» политических ссыльных, как и Ершов, и Кузьмины (по словам Ю. Девятовой, две из семи дочерей Елены Александровны, тещи Ершова по второй жене, «были замужем за декабристами»), и Андроникивы, и Знаменские, и Балакшины, и другие, пока неизвестные нам тобольчане, то дружили и близко общались с ними. Например, в письмах И.И. Пушкин жалуется на фортепиано, которое «некому настроить», а «завтра, вероятно, приедут Черкасовы», и он «опять их за расстроенный «флигель» посадит» (в письме к И.Д. Якушкину от 2 февраля 1841 года); благодарит влиятельного, с огромными связями в Петербурге М.А. Фонвизина за помощь в определении детей «Померанцевой и Черкасовой», «куда они желали» (в письме к Н.Д. Фонвизину от 3 августа 1842 г.). Не в Смольный ли институт и не будущую ли невесту Ершова?

И когда пришло время спасти овдовевшего второй раз, пропадающего от горя П.П. Ершова, с множеством детей на руках, Ольга Васильевна Андрони-

ва «выписала Е.Н. Черкасову» в Тобольск, как сообщает об этом Ю. Девятова. Откуда? Только из Туринска, где она жила до 1839 года с семьей, а ее муж, Александр Петрович Андроников (1873-?), березовский исправник, позже служил приставом Туринского земского суда.

Елена Николаевна Черкасова «с первого взгляда не понравилась» Петру Павловичу. Но она была «очень любящая и добрая», отлично образованна, прекрасно играла на фортепиано и пела, и его маленькие дочки, «Людмилочка и Юлинька», осиротевшие после смерти матери (второй жены Ершова, Олимпиады Васильевны, урожденной Кузьминой) сказали: «Вот такую бы нам маму...» Очень религиозный Ершов решил, что это перст Божий, судьба — и угадал: первые жены (Серафима и Олимпиада) были редкие красавицы, Е.Н. Черкасова стала его ангелом-хранителем. Он «Когда (еще) женихом Елены Николаевны (был), привел ее к Елене Александровне (матери Олимпиады) и сказал: «Вот, люби ее», — и она всю жизнь звала ее маменькой и любила...» [19, с. 167]. Ольга Васильевна Андроникова знала, что не ошиблась в выборе последней невесты для Петра Павловича. Его третий брак был самым длительным (16 лет), счастливым и гармоничным. Наконец родились сыновья и выросли, правда, уже без него: Владимир (родился в 1856 году — умер в Анапе, в 1917 году, был женат на Анне Михайловне Слащевой, дочери Елизаветы Васильевны, урожденной Кузьминой, одной из семи (или восьми?) дочерей Елены Александровны Кузьминой), Николай (родился в 1860 году — умер в конце 80-х в Петербурге), Александр (родился в 1863 — умер в 1911 году, похоронен в с. Сгибнево, Амурской области) и дочь Надежда (1860-?, умерла в юности в Петербурге) [20]. Но это была лишь половина детей (в браке с Е.Н. у Ершова их родилось восемь), остальные — на погосте, траурный мартиролог новорожденных и похороненных пополнялся до последних лет жизни (он умер в 54 года). После неожиданного, в 47 лет, посреди учебного года выхода на пенсию (9 марта 1862 г.), П.П. Ершов поначалу обрадовался обретенному покою и возможности, наконец, располагать свободно собой и своим временем — и зажил отшельником, проводя боль-

шую часть дня и весь вечер у себя в кабинете. Тишина зависла над домом [21].

Большая семья бережно относилась к долгим часам уединения отца за письменным столом, стараясь не беспокоить его. Но поэт уже был тяжело болен. Последние стихи П.П. Ершова полны горечи и примирения с несбывшимся:

Враги умолкли — слава Богу,
Друзья ушли — счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управлюсь как-нибудь.
Затишье душу мне тревожит,
Пою, чтоб слышать звук живой,
А под него еще, быть может,
Проснется кто-нибудь другой.

(«Одиночество»).

Но являлась к нему «тихая и кроткая» Елена Николаевна — и к нему возвращалось обычное для прежних лет «хорошее расположение духа». Он выходил в зал, она садилась за фортепиано и начинала петь его любимые романсы («В минуту жизни трудную», «Ангел» (на слова Лермонтова)). Ю. Девятова вспоминает: «Любили мы слушать и его игру на органе (так называли в семье клавиш), при этом он открывал крышку органа... А потом танцевали и играли (в доме, как всегда, было полно детей и их друзей). Когда я ночевала у них, то всегда дети шли на молитву в кабинет Петра Павловича перед сном».

Последние годы жизни П.П. Ершов прожил как бы в добровольном изгнании, в стороне от большой русской литературы, вдали от больших культурных центров. Он пережил столько потерь, разочарований, несчастий... «Вся его биография — это бесконечные траурные даты», выбивавшие его из творческого состояния. Погружаясь все более в чиновничью и педагогическую деятельность, в дела своих друзей, житейские заботы и горести, Ершов «писал мало», но по самоощущению и восприятию его окружающими он до последних дней оставался поэтом прежде всего. «Холод Сибири» не погасил в его душе того «пламени», юношеской «свежести чувств» и «чистой любви к поэзии», что заметили в нем на заре его жизни и «одобрили Пушкин и Жуковский» (из письма Ершова П.П. Плетневу). Служение людям, любовь к женщинам, детям и всему живому на земле светили ему на его счастливом и скорбном жизненном пути.

Примечания

1. Замахаяев С.Н., Цветаев Г.А. Историческая записка о Тобольской гимназии за столетнее существование (1789-1889). — Тобольск, 1889.

2. Голодников К.М. Декабристы в Тобольской губернии (Из моих воспоминаний). // Лукнич, Ч.4. — Тюмень, 1998.

3. Здесь и далее письма Ершова цитируются по изданию: Петр Ершов. Сузге. Стихотворения. Драматические произведения. Проза. Письма / Составление тома, комментарии и послесловие В.Г. Уткова. — Иркутск, 1984.

4. Мы придерживаемся точки зрения В.Г. Уткова: «Ершов так и не занял собственного дома», заявленной им в ряде работ. Эта точка зрения А.Г. Беспаловой оспорена (см. книгу «Тюмень из дальних и близких лет». — Тюмень, 2001). Она ссылается на замечание А.И. Мокроусова о том, что «Ершов купил дом», сделанное в его рукописной работе «Петр Павлович Ершов (1815-1969). Его жизнь и творчество», хранящейся в РГАЛИ, и личное впечатление от увиденного ею в Тобольске дома на углу улиц Постовой и Рождественской, переименованных в ул.Ершова и Семакова. Этот дом считается последним домом поэта, где он жил с 1862 по 1869 гг., вынужденный оставить свой большой директорский казенный дом. Суть спора Л.Беспаловой с В. Утковым в том, является ли он домом Токарева, как писал Утков, или это другой дом, купленный Ершовым через год после выхода на пенсию. Ларисе Георгиевне кажется, что это другой дом, слишком он скромнее по сравнению с описанным Утковым домом-усадьбой Токарева. Мы же полагаем, что дом, в котором в советское время размещался детсад, а потом Дворец пионеров, не мал, но «потерял лицо»: сад, возможно, сожгли еще в гражданскую, службы растащили, приусадебную землю захватили под новые постройки... Но главное — не мог П.П. Ершов купить собственный дом, без состояния, живя в основном на малую пенсию (1080 рублей годовых), «без денег, без здоровья, с порядочной толпой детей» (письмо В.А. Треборну от 1865 г.). Не мог он брать деньги и в «долг под проценты» на покупку дома, т.к. именно в эти годы был обременен строительством каменной Петровской церкви на родине, в деревне Безруковой. К тому же ни сам Ершов, ни его родственники и друзья никогда не упоминали в письмах и воспоминаниях о покупке поэтом своего дома.

5. Письма Ю.А. Девятовой о П.П. Ершове. Вступительная статья, публикация и примеч. В.Г. Уткова // Библиография Сибири. — Иркутск, 1988. — Вып. 1.

6. Письма П. Ершова и Лещевых. «Когда любовь связывала всех нас воедино». Вступительная статья, публикация, примечания Т.П. Савченковой // Коркина слобода. Краеведческий альманах. Выпуск 5. — Ишим, 2003.

7. Письма Ю.А. Девятовой...

8. Письма Ю.А. Девятовой о П.П. Ершове // Библиотека Тобольского краеведческого музея-заповедника. — Фонд рукописей, ед. хран. (КП) 13605.

9. Пуштин И.И. Записи о Пушкине. Письма. — М., 1988.

10. Фонвизин М.А. Сочинения и письма в 2 тт. — Иркутск, 1979. — т.1.

11. Голубенко В., Ретунский В. Тайная миссия автора «Конька-горбунка». П.П. Ершов — почтовый посредник в нелегальной переписке декабристов // Тюменская правда, 1990, 25 марта.

12. Пуштин И.И. Записки о Пушкине. Письма. — М., 1988.

13. Письма Ю.А. Девятовой...

14. Пуштин И.И. Записки о Пушкине. Письма. — М., 1988.

15. Письма Ю.А. Девятовой...

16. Пуштин И.И. Записки о Пушкине. Письма. — М., 1988.

17. Комментарии В.Г. Уткова к письмам Ю.А. Девятовой.

18. Пуштин И.И. Записки о Пушкине. Письма. — М., 1988.

19. Письма Ю.А. Девятовой.

20. Винокурова Н.В. В поисках потомков Ершова // Ершовский сборник. Выпуск первый / Редактор-составитель Т.П. Савченкова. — Ишим, 2004.

21. Утков В.Г. Последние годы жизни Ершова (на материале воспоминаний О.Г. Крестьяновой) // Омская область. — 1939. — № 9.

НИКОЛАЙ ДЕНИСОВ

На закате солончаки багряные

(глава из книги)

Книга известного писателя земли сибирской Николая Васильевича Денисова «На закате солончаки багряные» — это лирическое повествование о малой родине — селе Окунове Бердюжского района, тихой красоте озер, степей и увалов, раскинувшихся за его околицей; об односельчанах — коренных сибиряках с «двоеданскими» (старообрядческими) фамилиями: Каргополовы, Денисовы, Сысолятины..., а также не менее «родном» для будущего поэта городе — Ишиме. О нем Николай Васильевич однажды сказал: «Ах, Ишим! Много городов и весей, стран и континентов довелось увидеть мне в жизни — на морских и земных дорогах. Но Ишим — первый! И он навсегда остался городом этой первой моей любви. Разным видел я родной город: и зябким, замороженным, и метельным, и слякотным. А все же главный его облик — ясный, при теплом солнышке, обдуваемый степными ветрами, а зимой — под медленно текущим с небес, невесомым и тоже ласковым, тихим снегопадом...»

Ишим узнаваем в ряде стихотворений и повести Н.В. Денисова «Пожароопасный период», написанной в середине 80-х гг., уже прошлого, века. Он

узнаваем и в ряде эпизодов новой книги прозы, выпущенной Екатеринбургским издательством «Банк культурной информации» в 2003 году, к 60-летию автора. Одна из ее глав, давшая название всему произведению, и предлагается вниманию читателей альманаха «Коркина слобода».

Пахнуло солончаковой прелью, духом молодого камыша, испарениями от нагретой за долгий день воды. Потом обозначились и эти камышинки, они скудноваты ростом, как везде по бережкам горько-соленых степных озер. Потом открылась и сама гладь реликтового водоема с блестками пены по узкой полоске песчаного берега.

По песку бегал хохлатый куличок — одинокий, словно потерявшийся. Он, вероятно, и кричал, как кричат обычно кулички этой породы — «пил-лик, пил-лик» Но за гулом мотора не было слышно — о чем зывала в пространство одинокая, в предвечерье, птица.

Машина, замедлив ход, громынула бортами на спуске-повороте с накатанного грунтового большака и, мягко продавливая колеи, покатила полевой дорогой.

*Николай Васильевич Денисов
на Всероссийском совещании
молодых литераторов в Ишиме.
23 мая 2003. Фото Г.А.Крамора.*

Молодой томон, так и не утомившихся за день парней и девчат, возник с новым напором. Знать, и куличок этот напомнил: въехали в свои родные Палестины. До села оставалось верст двенадцать. Сережа Субботин, азартно жестикулируя, жесты эти сопровождался смехом девчат, принялся рассказывать про известного у нас в селе Сашу Куркова: вот втемяшил себе парень! - решил стать чемпионом области по бегу. Тренируется по ночам, топает круг за кругом по улицам. «Виданое ли дело!» У баб перекуды. Мужики табак смолят в задумчивости. Старухи сходятся на том, что «Шура, проучившись два года в городе, в Тюмени, знать, насадился в этом университете головой, с ума сошел! Чё бы ему бегать-то, с чево!»

Разговоры разговорами, а Курков не сдается. Едва ночь спустится, топает!

Ребята с девчонками понимают, что «у Куркова, у Сашки, и страсть, и цель». А все же!.. Двоеданки вон крестятся: «Господи, оборони!» До утра покою не

дает «жереблячий топот физкультурника». Тяжелое колесо солнца катилось к закату. В небе сочилились еще жаркие остывающие краски, подсветив березы берегового колка, стоямя отражающегося в зеркале воды. Краски эти стекали на камышинки, метелки ковыля, багряня набухшие земной сукровицей былинки солончаковой растительности.

В глазах - картины города, где мы провели этот долгий летний день. Для одних, как, скажем, для нас с Толькой Рыбиным, он прошел в открытиях. Другие, как Сережа, Валя Журавлев, Аганька Семибратова, Валя Васильева, Юра Мишин, Мотя Белова, Валя Кудрявцева, нахлеставшись, как говорят у нас, набегавшись по магазинам, везли теперь городские обновы - в нетерпении поскорей добраться до родной горницы, до зеркала, чтоб вновь надеть-примерить, уже без спешки, пахнущие фабрикой вещи. Сережа вон, не мешкая, еще в городе, как нахлобучил на пшеничный чуб, так и не снял «самую моднячую» у парней кепку - серую, будто сплетенную из мягких ворсистых нитей. Так же и Валя Журавлев поступил. Он в «знатной» курточке: белой да при змейке молнии-замка - от пояса до крепкой шеи. Моднятся ребята окупёвские. Пора - старшеклассники!

Поездка в этот град-Ишим, самый ближний от села настоящий город, выпала нам с Толькой внезапно. Как подарок, который дали не насовсем, а подержать, полюбоваться. И уже не важно, как ранним утром попали мы в кузов «зиска» с набросанной в него соломой, с дружно занявшими удобные места у кабины парнями и девушками, по-молодому самоуверенными. Почти взрослые.

Нам, отрокам, достался закуток возле заднего борта, где вдоволь натряслись и наглотались дорожной пыли. Но экая важность неудобства - пыль и эта тряска на ухабах, что веселила даже, не угнетала во время нечаянного путешествия.

Город начался с тихоструйной речки Карасульки. У нас и таких речушек нет. Через нее, узким мосточком, въехали мы в Ишим. Увидели собранные в одну бучу деревянные дома и домики. Вроде все как у нас в селе. С теми же огнями гераней в окошках, с горками нерасколотых дров у ворот, со знакомым духом щепы и опилок. Ну и ну, подумалось мне, эка невидаль!

Центр города Ишима: улица Советская и госбанк с пожарной каланчой.
Нач. 1950-х. Фото Г.П.Кузурманова. Из фондов ИКМ.

Каменный двухэтажный центр с мостовой, выложенной серым булыжником, «зисок» наш проехал медленно, как бы крадучись, озираясь на красный околыш милиционера, а потом ободрился и опять вонзился в деревянную кипень домов другой окраины. Вырулил на береговую улочку, заросшую травой, уперся радиатором в ворота ограды, за которой склады и казенное жилье. Это - «экспедиция, городское подворье нашего совхоза». Отсюда и отгружают к нам черный каменный уголь для кузниц, запчасти, крупу-пшенику, прочие продукты, нужные в страду на полевых станах с коллективным, артельным котлом.

Нам, пассажирам, чтоб ехать обратно, надлежало собраться здесь к пяти вечера.

- Ребятишки, река Ишим вон там, в переулке! Летите! - махнул рукой в нужном направлении понимающий нас шофер «зиска» Саша Кузьмин. И мы с Толькой полетели.

Знакомая по школьной карте «настоящая река», которая впадала в Иртыш (а тот в Обь, что синей и толстой жилой на карте стремилась в Ледовитый оке-

ан), текла под высоким обрывистым берегом. Нити тропинок змеились вниз, к кустам ивняка, с верхотуры казавшимися зелеными кочками.

- А где пароходы? Корабли где?

Эх, Ишим-река! Конечно, знал я, что пароходы тут не ходят, они дальше - на Иртыше, и все же!

- Подожди, приплывут! - ухмыльнулся дружок мой.

- Да пошел ты!

А потом открылось диво: в сотне метров от нас, между берегами, висел воздушный мост. И гадать не надо - мост! По нему с того берега обыденно шел мужик с удочками, и толстые стальные канаты вздрагивали при каждом шаге мужика. Когда он поднялся тропинкой на кручу берега, мы побежали к мосту, оставить его без нашего внимания просто не могли.

Пружинили под ногой доски... Свистел ветер. И над рекой. И в груди. А под нами, далеко внизу, стремительно закручивались воронки быстрого течения. С середины моста виднелся вдалеке черный паром, тоже невиданный нами прежде, но узнанный сразу - паром...

- Здорово, а!

Заречный простор стелился далеко, к высоким лесам. А что там, за лесами? Скачут на конях казахи? Аулы бронзовеют в степи! И ковыли колышутся, простираются аж до самого Китая. По географическим-то знаниям — я первый в классе...

- Здорово, а?

А потом Толе, с чего бы вдруг, вздумалось раскатать воздушную конструкцию. И он принялся присядать да нажимать на страховочные ограждения, как на веревочные качели в Пасху, отчего конструкция загудела как живая. Застонали, заскрежетали витые тросы. И что было бы потом, не вообразю, если бы с берега не понеслись матерки мужика-рыболова, посулившего, если не прекратим хулиганство, оборвать нам дурные головы!

- Ладно! - хмыкнул Толя и посмотрел на меня. - Напугался??

- Пошел ты...

Вот так всю жизнь - и в детстве-отрочестве, и потом! - обзаводился я, сам «не от мира сего», отчаянными приятелями. Один лез на верхотуру топографической мачты по гнилой лестнице, другой над рекой воздушный мост чуть не угробил. С третьими в торосы Ледовитого океана полезу потом. И далее - в «ревушие соколовые» широты Южного полушария...

Но об этом что толковать: все приключится как приключится. И, конечно ж, не так, как сейчас, не с бухты-баракты, а по разумению взрослой (и к той поре не совсем уж дурной) головушки...

А пока мы - в настоящем городе. Впервые. И я нянчу в груди план наших открытий. - На станцию теперь! Смотреть паровоз! Толя не сопротивляется. А чего упираться: и он впервые! Каким-то чутьем угадывая направление, прошагали мы вдоль палисадников и оград Артиллерийской улицы. Название - что надо! И пара тележных оглобель, вздыбленных над забором одной из оград, нарисовала в нашем воображении стволы артиллерии малого калибра. «Большого калибра» встретятся потом - на главной улице, в настоящем военном городке - ряды гаубиц, зачехленных, а все-таки боевых, настоящих!

Травяной плацдарм улицы с военным названием наконец переклестнулся с булыжной мостовой. И мы заскочили

внутри автобуса с надписью над лобовым стеклом - «Вокзал - Хутор».

- Следующая остановка Болотная! - громко объявила толстая тетка с сумкой на груди. - Рассчитаемся, граждане...

Потом обнаружится, что все кондукторши в Ишиме - толстые, все говорят громко, с придыханием. И сумки у них на груди бренчат мелочью. Забавно. Но надо расплачиваться.

- До вокзала нам! - сказал я вежливо и нащупал в кармане штанов мелочь. С полкилограмма ее оттягивало мой карман. Недавно повезло мне: в «орлянку». Обчистил всю орду деревенскую. «Прожженных» игроков обчистил!

- За две остановки рассчитаемся! - сказала кондукторша. - Не ясно, что ль, по двадцать копеек за остановку! Откуль такие?

Толя надавил мне локтем в бок, а другой рукой сунулся в накладной карман рубахи, вынул сотенную, небрежно помахал «портянкой» этой, выданной недавно в совхозной кассе - за труды на конных граблях:

- За обоих плачу!

- Да что вы, мальчики! Для сдачи я еще и «четверной» не наторговала. Езжайте уж так... Болотная! Следующая - вокзал!

Притиснулся к стеклу в надежде разглядеть если уж не подобие нашего Дворникова или Красулева болота, то хоть лужу с осокой, с метелками камыша. А нарисовалась вывеска железнодорожного универмага, потом возникли кусты сирени, высокие тополя, обогнув их, автобус тормознул на конечной.

Вокзал! Отсюда когда-то и пролягут все мои будущие пути-дороги. Он, вокзал, войдет в мои фантазии со всей своей предметностью — игрушечным уютным видом, с часами на фронтоне крыши, с фонтанчиком-журавлем и шарообразно подстриженными декоративными деревцами. Ими-то, деревцами, и занят сейчас садовник с большими ножницами, на длинных ручках. Я спросил его:

- Дяденька, а где тут паровозы стоят?

А дяденька даже не обернулся, занятый кропотливым «искусством».

- Он глухой и немой! - отреагировал Толя. Мы пошли за чемоданным народом в гулкое помещение вокзала. Посмотрели на потолки, на стены, ни на чем не задерживались взглядом, с тем

*Мощённая бульжником улица Карла Маркса. 1950-е.
Из фондов ИКМ.*

же народом вылутились - уже на перрон. Здесь было лучше и просторней. Да, уже потом, в будущих моих фантазиях, влюбленные герои повести «Пожароопасный период» станут встречаться именно на этом самом перроне. Здесь к той поре поставят фанерные ларьки с жареным минтаем и скумбрией, а сейчас вдоль открытого под небом дощатого прилавка-базарчика цвели бабьи платки, а на самом прилавке багрянели пучки влажной редиски. Возле пучков зеленого лука парили миски молодой картошки, выпячивались бутылки с молоком, заткнутые газетными пробками.

Мы догадались, что торговки ожидают проходящий поезд. Но поезда не было. И вообще все рельсовое пространство перед вокзалом пустовало. Рельсы и шпалы со следами мазута лежали в одиночестве. Зато - ого! - вдалеке громоздился на путях настоящий черный паровоз. Он выставил перед собой сочного цвета красную звезду и временами испускал облачка пара. Мы двинулись к паровозу. Как не подойти? Это ж - паровоз! Все остальное - не столь важнецкое.

Тут, читатель, надо уточнить ситуацию. Как лучше в нашем положении ориентироваться в незнакомой городской буче? Надежней - спрашивать! Да. Но больше,

соображал я, настроясь на лад дружка, больше нас выручит уверенность, этакая Толина наглость! На двоих эти понятия хорошо делятся и выглядят даже пристойно.

И мы уверенно поднялись на переходной - над рельсами - мост. Черный паровоз оказался как раз под нами - внизу.

- Твой братан на таком работает? - спросил Толя.

А в тот момент из будки паровоза высунулась голова, что-то крикнула, а вслед за криком этим раздался такой заполошный рев, что мне показалось - проваливаюсь в преисподню. Дребезжащий железный рев вибрировал и клинился под сатином рубахи, проникал в каждую клеточку тела.

- А ну-у его! - спекшимся голосом выдохнул Толя...

Он и сейчас, в кузове «зиска», железный этот горячий обвал, стоит в груди, все еще обволакивая сердце кипятковым тугим духом. Уже вроде давно отъехали от города, шестьдесят верст за бортом - через деревни, пашни, березовые леса, степь. «Зисою» пылит уже через большое село Пеганово. И парни стучат в кабину кулаками. Ого, столовая! Шофер тормозит у крылечка. И все ринулись тратить

последнюю мелочь. Набрали компота и принялись со смехом уминать хлеб с тарелок, нарезанный аккуратными кусочками. Да, конечно, здесь, как и в нашей чайной, хлеб бесплатный, дармовой.

- И тут коммунизм! Айда, ребяташки! — зовет нас шофер.

Толя пытается что-то вымолвить, но болезненно морщится, машет рукой - обойдемся! Смех и грех с Толей! Так навалился в городе на мороженки мой дружок, «съел аж двадцать четыре штуки» Хвастался мне, а вот теперь осип, потерял голос.

Началось все в железнодорожном саду. Туда, на трубы играющего оркестра, двинули мы с вокзала. Дивился я: столько отдыхающего народа гуляет в саду! И все в хорошей одежде. А меня все смущало, томило как-то: вот народ - ходит, разговаривает, смеется, а мы, как чужие?! В деревне у нас принято здороваться и с чужим народом! И я пробую поделиться размышлениями своими с Толей. Он иронично хмыкает. У него на сей счет свое мнение? Конечно, Толя хоть и грубоват, а начитан побольше меня, имеет свое понятие! Он влечет меня от фонтана, где под струями важно плавают два лебедя, к примеченному киоску с мороженым. Мороженое, конечно, вещь замечательная, но мне хватило и пары вафельных стаканчиков. А Толя пристал к киоску, как к варенью муха, и отставать не собирался.

Хорошо, наверно, быть городским!

- Ну будет, будет! - почти силком увлек я дружка из этого нарядного парка с фонтаном, гипсовыми скульптурами, хорошо играющими трубачами и с мороженым этим.

Дошли до автобусной остановки. И тут заспорили. Куда теперь? Паровоз посмотрели! Мороженого налопались! Куда?

- Не знаю! - валял дурака Толя. - Буду кататься на автобусе, мне понравилось...

Автобус дотряс нас до центра с каменными домами.

- Госбанк! - объявила кондукторша. Вышли почти все пассажиры. Спрыгнули на тротуар и мы. А тут уж я заупрямился:

- Мне надо попроведовать бабушку Розалью! Мама наказала. Улица - рядом с церковью. Пошли вместе? Во-он купола с крестами...

Толя уперся:

- Вон видишь вывеска - «Колхозный рынок»! Еще пару мороженок возьмем, а потом на автобусе покатаемся, двинуты!

Ломать друг друга - дело бесполезное. Сошлись на одном: улица Артиллерийская - главный ориентир, придем к пяти вечера в «экспедицию». Все! Стало быть, надо привыкать к самостоятельности. Побренчал я мелочью и встал в очередь к киоску «газвода». Да, конечно, шипучая водица эта повкусней рабкооповского морса. И вообще столько праздничного вокруг. Одни афиши кинотеатра чего стоят! Автобусы тоже праздничные. Даже телега и запряженный в нее коняга забавно стучат и звякают по бульжнику!

Хорошо в городе. Вон пушки из-за забора дыбятся! Настоящие! Присел на скамейку - веселей на душе! Офицер идет, сапоги поскрипывают. Погоны в золоте.

- Здравствуйте! - говорю офицеру.

- Здравия желаю! - улыбается офицер и подмигивает мне.

Девчонки в коротких сарафанах. Смеются, глазами стреляют по сторонам. Эти пусть себе идут своей дорогой.

Устало, сразу видно, что находилась по жаре, на каменные ступеньки кинотеатра поднимается женщина. Со мной поравнялась. Так похожа на нашу учительницу Анастасию Феофановну, так похожа...

- Здравствуйте!

Остановилась, пристально смотрит на меня. Лучше сказать - уставилась в недоумении. А я, будто к школьной доске вызван с невыгученным правилом по грамматике. Некуда деться. Сиди уж, коль выпятился со своей вежливостью, со своей воспитанностью. А сидеть уж не хочется: нарвался!..

- А ты из какой школы, мальчик? А что не в лагере?..

- В каком лагере? Ничего я не знаю...

- А-а, понятно, нездешний. Из деревни приехал?

- А вам-то что? Ну, приехал... Провалиться бы! Кровь прихлынула из глубины. Щеки, чувствую, пылают! Такое со мной, сколько не борюсь, приключается...

Как со стороны себя вижу. Уставился на свои тапочки в смущении. А куда еще уставиться оставалось?!

*Железнодорожный вокзал. 1950-е.
Фото А.И.Холмова. Из фондов ИКМ.*

Поднял глаза, а тетенька уже топает к углу кинотеатра, пучок укропа торчит из авоськи. Зелененький...

Бабушку Розалью, ту - из загадочной для меня польской родни, нашел самостоятельно и быстро. А сначала был ориентир - церковь! С закрытыми воротами, пустым двором и одиноко бродившей по двору пестрой курицей. Картина! И церковь вот так близко впервые вижу. Но - помани, кто угодно сейчас в эту ограду, хоть чем завлекай, никогда не войду. Не пионерское дело!

Жил-был поп,
Толоконный лоб,
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару,

Прошел поп... А перед моими глазами Балда этот пушкинский веревкой чертей мутит-пугает...

Батя наш ироничный такой: «Дай, Катерина, топор, иконы твои на щепы колоть буду...»

Церковь. Кресты на куполах. Жаркий полдень в городе. Срединка пятидесятых годов. Одинокая курица, порывшись в пыли, не отыскав и зернышка-крошки, отправилась в заросли лебеды, что влялыми метелками тулились возле цер-

ковного штакетника. Пошел поп по базару...

А я пошел к бабушке Розалье.

- Из Окунёва? - открыла она на стук в дверь. И я сразу узнал - она! В цветном халате, хорошо причесанная, завитая, вся - городская. В квартирке чисто, прибрано. Комод с кружевными салфетками. Глянцевые фигурки-слоники. Еще какие-то чудные безделушки, флаконы с духами. Цветы в вазе. И неживые цветы - в простенке. Яркие картинки на обоях. И часы-ходики с гирькой на цепочке. Обрадовался: у нас такие же! И качают языкастым маятником...

- Катеринин, говоришь, паренек... Я ведь гостила у вас, помнишь, конечно... Подрос! В каком классе учишься?

- Пять закончил нынче! - отвечаю, а тем временем уже усажен к столу, на котором появились яблоки, конфеты, сдобные булочки, а на керосинке, в кухонном уголке, что-то уже зашкворчало на сковородке. Бабушка Розалья, сестра моей деревенской бабушки Настасьи, все выпрашивает, выпрашивает. Я же, впервые попав в городскую «фатеру», как мама говорит, думаю о том, что живетесь городским - «не то, что у нас...»

Миновали деревню Карьково. «Зисок», натужно завывая мотором, поднялся на

высокий увал, с которого открылась низинная солончаковая степь - без единого дерева и кустика. Никого. Лишь ближе к деревне Песьяново, что осталась справа, паслась отара овец и темнели два бескрылых ветряка. Самое труднопроходимое для машин место - эта солончаковая низина. Не дай бог, говорят, оказаться здесь в распутицу иль застигнутым ливнем. Набуксуешься, насидишься по кюветам.

Но сейчас сухо, привольно. Девчата, прикинув к друг дружке, спохватились вдруг, завели песню, но на просторную про казака, что скакал через долину, уже

не остается времечка. Скоро, скоро поднимемся на последний Крутинский увал, с которого откроется ближняя деревенская степь, такая ж солончаковая, с чудной растительностью. Под закатным солнышком простерта сейчас эта степь во всех своих красно-багряных тонах, в которые добавляли огня лучи заката. Толя что-то безголово промышчал мне в ухо, показывая на огненные степные краски. Я понял, что и он счастливо захвачен этим неожиданным видением, происходящим, наверное, во всякий ясный летний вечер. Да вот приметить его, полюбоваться им не всегда достаёт случая.

Т.П. САВЧЕНКОВА

Мотив двуглавой птицы и рожаницы в домовой резьбе Ишимского края

Ишим, а также разные селения бывшего Ишимского уезда по сегодняшней день сохраняют старинные дома из сосны и даже лиственницы. Не всегда известно точное время их постройки, поэтому чаще всего на вопрос о дате возникновения дома слышишь лишь приблизительный ответ: «очень давно», «наши бабушки и дедушки были молодыми, а дом уже тогда был старым», «строился прадедом». Но в ряде случаев о своём возрасте свидетельствуют сами дома. Так, в деревне Клепиково, возникшей ещё в середине XVIII столетия в двадцати верстах к юго-западу от Коркиной слободы, на улице Береговой стоит дом с железной табличкой под карнизом — «1858 год. С-Петербургское общество страхования». А рядом, на улице Зеленой, возвышается добротная изба из лиственницы, хозяйка которой во время ремонта обнаружили под «матицей» двадцатирублевую денежную купюру 1918 года.

Но есть и иные признаки давней постройки дома и это, прежде всего, резной декор наличников с архаическими узорами: двуглавой птицей и рожаницей. Парноголовую птицу, напоминающую лебедя, можно видеть на наличниках дома в Гагарино, соседнем с Клепиковым селе. Её головы обращены друг к другу, а два крыла даны во фронтальном развороте. По правую и левую сторону от крыльев находятся солярные знаки, трансформи-

ровавшиеся уже в советскую эпоху в пятиконечные звездочки [илл. 1].

Другой мотив двуглавой птицы, встречающейся в Приишимье, это геральдический орел с характерным для данного символа Российской империи поворотом голов в противоположные стороны. В народной резьбе, как и в крестьянской вышивке, он представлен обобщенно и, чаще всего, без атрибутов царской власти: скипетра, державы, короны. Тем не менее, он сразу узнается на наличниках домов в сёлах Савино, Ларихе, Равнеце, Плешково.

Интересно решён этот мотив на наличниках дома № 57 по улице Советской в селе Плешково. Сам дом был перевезён, что является не редкостью на юге Западной Сибири, из соседней деревни Доновой, в настоящее время исчезнувшей с карты Ишимского района. Фронтон наличника, разделённый по вертикали точёной балясинкой на два поля, украшен парой двуглавых орлов. Туловище птиц решено в виде накладных ромбов, поднятые вверх крылья напоминают язычки пламени на ветру, а ноги словно «прорастают», превращаясь в растительные побеги. Побеги создают красивый «ломкий» узор в нижней части наличника и, поднимаясь выше, «замыкают» птиц в некую раму. Изысканность такой композиции подчёркивается также крутыми дугами волют верхней части налич-

Илл. 1.

ника, окаймлённых бордюром из мелких полукружий [илл.2].

Для народного искусства весьма характерно слияние орнитоморфных и фитоморфных элементов. В европейской России подобное явление наблюдается в крестьянской вышивке и тканых изделиях. Искусствоведами отмечалось, что «в результате творческой переработки мотива геральдического орла вышивальщицы создавали своеобразные узоры растительно-орнитоморфного характера, где крылья у птиц состояли из ветвей, птицы сливались с растениями. Возмож-

Илл. 2.

но, происходила контаминация изображения геральдического орла с древним образом парноголовой птицы. Слияние узора с другими мотивами (с деревом и пр.) иногда заходило настолько далеко, что узор приобретал неопределённые контуры, зато усиливалась его декоративная сторона»¹. Это наблюдение подтверждается также примерами резного деревянного декора Западной Сибири, один из которых рассмотрен нами на примере «плешковских» орлов.

Композиция из двуглавого орла с растительными побегими есть и в Ишиме. Так, в тимпане наличника дома № 4 на

Илл. 3.

Соборной площади представлена птица с поднятыми почти вертикально крыльями и хвостом в виде пальметты. Она держит в лапах схематично изображённые державу и скипетр. Прямоугольное отверстие на груди птицы — знак щита. К сожалению, это изображение на всех наличниках было сознательно повреждено в годы советской власти, борющейся с эмблематикой царской России: здесь оказались срезанными головы с клювами [илл.3].

Илл. 4.

В городе встречаются также другие вариации мотива парноголовой птицы. К примеру, на наличнике дома № 62 по улице Суворова, построенного ещё в начале XX века в селе Лариха и перевезённого в 1948 г. в Ишим, орёл словно «сидит» на нижней кромке лобовой доски, а конструкция самого наличника подчинена данному орнаментальному изображению: «разорванный» фронто́н организован в виде двух виньеток, повторяющих рисунок голов птицы, а дуга сдвинутых лап орла соответствует лучковой форме окна [илл.4].

Орёл на сандрике наличника дома № 111 по улице 30-летия ВЛКСМ имеет отчётливо «прорисованные» головы с

Илл. 5.

острыми клювами и силуэт короны. Крылья круто поднимаются вверх от шеи птицы, а затем плавно «стекают» вниз. Ноги и хвост в данном случае не показаны. Тип подобного орла, в соответствии с классификацией П.П. фон Винклера, называется «возникающим»². В композиции наличника орёл выполняет функцию своеобразного кокошника [илл.5].

Двулабая птица на наличниках дома № 57 по улице Красноярская как будто идёт по земле, стараясь сохранить рав-

Илл. 6.

новесие с помощью серповидных, горизонтально расположенных крыльев. У неё короткий раздвоенный хвост и мощные лапы. По выражению краеведа, знатока народной культуры А.Д. Пилюгина, орёл этот — «забуддыга, гуляка, давно потерявший свою корону» [илл.6].

Свидетельством широкого распространения данного мотива по всей ишимской земле является одна из последних находок автора этой статьи — двулабая птица на наличниках давно заброшенного дома в селе Окунёве Бердюжского

Илл. 7.

района. Изображение орла экспрессивно и динамично благодаря длинным, разбросанным в разные стороны конечностям, упругим веерообразным крыльям, а также «звериным» головам с заострёнными ушами и хищно раскрытой пастью [илл.7]. Известны также налични-

Илл. 8.

ки с таким же мотивом в сёлах Казанское и Афонькино (Казанский район) [илл.8,9].

В резьбе Ишимского края отражён и ещё один интереснейший мотив — рожаницы, или женщины-«лягушки», олицетворяющей плодоносные силы природы. Он также входит в число древнейших изображений русского декоративного искусства. Изображение рожаницы поливариативно. Известный исследователь культуры древних славян Б.А. Рыбаков, рассматривавший изображение рожаниц в русской вышивке, писал: «если составить сводную таблицу этих сложных и замысловатых фигур, то мы увидим, что основными признаками являются следующие: вписываемость всей вен-

зелеобразной фигуры в квадрат, вертикальный стержень посередине, изогнутые в разных направлениях ноги, часто превращаются в завитушки, раскинутые руки или руки-завитки, опускающиеся книзу, сильно стилизованная голова, нередко украшенная рогами или возвышающаяся над рогами, как бы закинутыми за спину. Очень часто изображается выпуклое чрево (обычно в виде ромба). <...> Для всех рожаниц характерна распластанность, широкая раскинутость конечностей...»³.

Следует сказать, что в деревянном декоре этот мотив значительно упрощается и степень его стилизации усиливается. Примеры этого: лгушкообразная фигура рожаницы с отростками на голове в тимпане наличника дома № 22 по улице Чкалова в Ишиме или рожаница на наличнике избы в деревне Большое Удалово с головой в виде ромба, треугольным чревом и конечностями-завитками. Данные фигуры выполнены в технике пропильной накладной резьбы [илл.10,11].

Учеными было установлено, что образ рожаницы мог трансформироваться и «сложную распластannую фигуру с большим количеством разных отростков и завитков стали заменять изображением царского («кабацкого») двуглавого орла»⁴, высказывалось предположение,

что московский орёл явился заменой древнего антропоморфного образа⁵.

В русской народной вышивке можно также видеть совмещение этих двух образов. Рожаница предстаёт здесь в окружении растений, коней, птиц и двуглавых орлов. Описание подобных композиций есть в исследованиях ученых Л.А. Динцеса, И.Я. Богуславской, Г.С. Масловой, Б.А. Рыбакова и др. Но автору данной статьи не приходилось встречать в литературе по народному искусству рас-

смотрение аналогичных изображений в деревянной резьбе, и тем интереснее сделать это, обратившись к выявленному в 1998 году наличнику с рожаницей и орлами на доме в центре деревни Кош-Карагай [илл.12].

Антропоморфная фигура представлена здесь как важнейший элемент целостной композиции. Она необычайно причудлива: туловище, ветвящееся в разных направлениях, голова с отчётливо обозначенными отверстиями глаз и рта. Над

рожаницей справа и слева «парят» двуглавые орлы, рядом с птицами — две солярные розетки. Боковые части наличника оформлены S-образными завитками. Древняя магическая сила исходит от этой картины воистину космогонического звучания. Подобное изображение (с небольшой разницей — одна солярная розетка над головой рожаницы между орлами) было увидено на наличниках другого дома, расположенного на окраине этой же деревни. Эти наличники, снятые с ветхой избы, принадлежавшей давно умершей бабушке хозяев, предназначались для растопки печи.

Следует сказать, что подобное изображение в данном месте не кажется случайным. Деревня Кош-Карагай необычна во многих отношениях. Это одно из самых старых русских поселений в Сибири, возникло в реликтовом сосновом бору, неподалёку от реки Ишим. Некогда в этих краях проживали татары (топоним Кош-Карагай — тюркского происхождения, означает «кошара», то есть овчарня, у чёрного леса), а ещё раньше — другие древние обитатели, оставившие после себя курганы и черепки глиняной утвари. Кош-Карагай овеян легендами, одна из которых рассказывает о появлении в сосновом бору на пне срубленного дерева иконы Великомученицы Екатерины. Деревня существует как бы на стыке разных границ: суши и воды, дорог и

лесов, язычества и христианства, реальности и сказки.

Внимательное отношение к узорам деревянной резьбы, этому ценному национальному наследию, тяготеющему и в сибирской сельской «глубинке», раскроет перед нами, по справедливейшему утверждению Б.А. Рыбакова, «тот богатый мир исчезнувших представлений, который так бережно сохранён многообразным, устойчивым и глубоким по своему содержанию народным искусством»⁶.

Примечания

1. Маслова Г.С. Орнамент русской народной вышивки. — М., 1978. — с.70.
2. Винклер П.П. фон. — Гербы городов, областей и посадов Российской империи, внесённые в полное собрание законов с 1649 по 1900 г. — СПб., 1899. — с.21.
3. Рыбаков Б.А. — Язычество древних славян. — М., 1994. — с.483-484.
4. Там же. — с.484.
5. Динцес Л.А. Мотив московского герба в народном искусстве // Сообщения Государственного Русского музея. — Л., 1947. — Вып. 2-й. — с.31.
6. Рыбаков Б. Макрокосм в микрокосме народного искусства // Декоративное искусство, 1975. - № 1.

Использованные в данной статье фотографии Т.П. Савченковой и Г.А. Крамора относятся к 1996-2000 гг. и находятся в личном архиве автора.

Лики прошлого и настоящего

О.В. УТКОВА-УСТИНОВА

Подвижник

Писатель и литературовед В.Г. Утков

«Есть хорошее русское слово — «подвижник». В нём как бы заключены два понятия — движение и подвиг... Он шёл по избранной им дороге, преодолевая препятствия, которые ставила перед ним жизнь, борясь со своими слабостями и ошибками, отбрасывая прочь соблазны благополучного, но бездумного существования чиновника-исполнителя, пусть даже высокого ранга. Светильник, негасимо горевший перед ним, — истина и служение Отчизне».

О ком эти слова? О Ершове? О Радищеве? О Драверте?... Как много людей, о которых можно так сказать! И не только о тех, кто жил в давние времена. Всегда находится, иногда через много лет, человек, которому передаётся страсть познания и желание служить Отечеству! О таких людях и писал мой отец, Виктор Григорьевич Утков, да и сам он принадлежал к этому племени. А цитата, приведённая выше, о просветителе и вольнодумце П.А. Словцове¹.

Сколько себя помню, в нашем доме в Москве всегда присутствовал Ершов, рядом жили Словцов, Алябьев, Корнильевы, Менделеевы, ссыльные декабристы... Как будто кусочек Сибири прежних времён... Города — Тобольск, Ишим, Берёзов, Курган, Омск имели волшебное звучание, манили и пробуждали фантазию. Да и первой услышанной мной сказкой был «Конёк-горбунок». Больше всего в этой сказке мне нравился рассказ о Рыбе-ките и подводном царстве. Может, с этого и началось моё увлечение подводным плаванием, исследованием Океана, подводной техникой, увлечение, которое

Виктор Григорьевич Утков. 1987.
Из архива О.В. Утковой.

стало впоследствии моей работой на всю жизнь.

Исследованием жизни и творчества П.П. Ершова Виктор Григорьевич начал заниматься ещё в середине 30-х годов. Первая запись в дневнике 24 декабря 1938 года: Леонид (Мартынов. — О.У.) сегодня делился замыслом поэмы о Ершове. Много спорили... А начиная с 1939 года имя Ершова упоминается в дневниках В.Г. Уткова все чаще и чаще.

8 июня 1939 г.

Вчера беседовал со старой женщиной,

которая помнит Ершова. Странное жуткое впечатление от этой беседы. Словно с покойником. Называет Ершова Петром Павловичем, говорит о нём, как о живом. Это, вероятно, единственный человек, который помнит Ершова (О.Г. Крестьянова, дочь смотрителя уездного училища. — О.У.).

3 октября 1939 г.

Закончил статью о Ершове на основании писем Девятовой (Ю.А. Девятова — племянница второй жены Ершова, О.В. Кузьминой. — О.У.). Около пол. печ. листа... Замыслов сейчас горы — нужно писать статью о Ершове к юбилею... Если ничего не случится серьёзного — эта тема будет очень плодотворной...

Начав изучение жизни и творчества П.П. Ершова, Виктор Григорьевич Утков уже не мог остановиться, пошёл вширь и вглубь. Литература о нём была скудной, архивы не разобраны. Основным источником для всех, кто писал о Ершове, являлась книга воспоминаний его университетского товарища А.К. Ярославцова². Утков вёл поиски сведений о Ершове в архивах Москвы, Ленинграда, Тобольска, Омска; знакомился с книгами, журналами, местными газетами, редкими изданиями, работами советских исследователей — Л. и М. Азадовских, Б. Бухштаба, Д. Климовой, И. Лупановой и др., переписывался с потомками поэта. В итоге узнал о многих фактах биографии П.П. Ершова, судьбе его сочинений, написанных после «Конька-горбунка», о его связях с декабристами, педагогической деятельности. Изучал обстановку, в которой жил и работал поэт, его окружение.

Этот материал охватывал практически весь XIX век, а территориально — Ишим, Петропавловск, Омск, Тобольск, Березов, Петербург, Курган, Ялуторовск, Тюмень, Туринск. Выявились весьма обширные связи Ершова с литературной средой в период учения в Петербургском университете, круг его знакомств в Тобольске — с П. А. Словоцовым, И. П. Менделеевым и его сыном, великим учёным Д. И. Менделеевым, с декабристами М. А. Фонвизиным, В. К. Кюхельбекером, И. И. Пуцуиным и др.

Виктору Григорьевичу Уткову удалось почти полностью восстановить биографию поэта, найти, собрать и опублико-

вать забытые и вновь найденные произведения и письма П. П. Ершова. Результатом многолетних поисков и трудов были статьи и книги, посвященные жизни и творчеству автора «Конька-горбунка». Две биографические повести о детстве и юности П. П. Ершова: «Рожденный в недрах непогоды» и «В поисках Беловодья», сопровождаемые большим справочным аппаратом («Заметки на полях»), стали вершиной этих поисков и трудов. В планах Виктора Григорьевича была еще третья книга, завершающая биографию Ершова, но жизни не хватило...

Все время, свободное от житейских забот, он посвящал исследованиям, поискам, литературному труду. Днем ходя на службу, работал ночами, в выходные, отпуска проводил в архивах и библиотеках по всей России, вел колоссальную переписку с такими же энтузиастами-исследователями, с писателями и учеными. Круг исследований так разрастался, факты проверялись и перепроверялись при малейшем сомнении, уточнялись детали, появлялись новые герои, и каждая линия вводила к таким интересным событиям и людям и новым литературным замыслам, что даже при великом желании и трудолюбии охватить все было невозможно, хотя и сделано было очень много. Радищев и Словоцов, Нижегородцев и Милькеев, Латкин и Кушелевский, Корнильевы и Менделеевы, Юдин и Макушин, Батеньков и Чижов, Сибиряков и Драверт — это только малая часть героев книг Уткова.

И всегда главной темой, главным увлечением Виктора Григорьевича была Сибирь. Здесь его интересовало все: и прошлое, и настоящее, и будущее. Практически вся его литературная деятельность связана с Сибирью, Дальним Востоком, Казахстаном. «Издавна меня влекли люди, которые были своеобразными катализаторами прогресса в этих громадных краях: не только сами стремились к свету, но и увлекали за собой окружающих», — писал Утков.

А как же все это начиналось?

Одна из книг В. Г. Уткова называется «Книги и судьбы». Как часто, особенно в юности, книги влияют на судьбы людей. В нашей библиотеке есть книги, которые служат уже четвертому поколению. Отец Виктора Григорьевича — Григорий Григорьевич, родившийся в глухой си-

ДВИН

627403

Тюменская область

Ишимский район

с. Ершово

школа, музей А.Ф.Ершова

МОСКВА

105523 Москва,
16 ч Перервад, 55, кут.-1, кв. 20
Титков БТ

Письмо В.Г.Уткова в Ершово. 1982.

Из фондов музея П.П.Ершова в Ершовской средней школе.

бирской деревне к югу от Кургана, научился самостоятельно грамоте только в 16 лет. Позднее, уже став волостным писарем и создав семью, он выписывал столичный журнал «Вестник знания», в котором появились статьи о самообразовании. Не все в них, видимо, было понятно. И вот, в начале февраля 1914 года Григорий Григорьевич отправляет письмо в Швейцарию известному книговеду и писателю Н. А. Рубакину. И получает ответ, где Рубакин рекомендует молодому сибиряку свои книги — «Письма к читателям о самообразовании» и «Практика самообразования». Тогда в нашей семье и появились эти книги, ставшие «волшебным ключиком», открывающим сокровища книжного мира для всех последующих поколений семьи Утковых. И библиотека, которую начал собирать еще Григорий Григорьевич Утков по рекомендациям Н. А. Рубакина, живет, дышит, пополняется, приносит радость и пользу.

Виктор Григорьевич Утков родился 11 апреля (н. ст.) 1912 года в селе Сычево Курганской области. Потом семья переехала в Омск. Ко времени революции отец Виктора Григорьевича работал писарем в госпитале, который постоянно перемещался, переходя то к белым, то к красным. Поздней осенью 1919 года при эвакуации из Петропавловска повозка, в которой находился маленький Виктор с

братом, перевернулась, и дети потерялись. После этого Виктор начал очень сильно заикаться, и при всей жажде знаний, а читать он научился рано — четырех лет, о школе не могло быть и речи. И тут в Омске появился то ли лекарь, то ли знахарь, к которому и отвели мальчика. Лекарь сказал, что для излечения от заикания тот должен молчать в течение месяца, а то и дольше. «Ты согласен, мальчику»? Но мальчик только кивнул. Он уже замолчал. Вот здесь, возможно, впервые проявился характер Виктора Григорьевича, который не дал ему свернуть с выбранного пути до конца жизни. А потом лекарь начал заново учить мальчика говорить. И успешно — осталась только легкая прерывистость речи в минуты сильного волнения.

Поначалу, казалось бы, ничто не предвещало будущую литературную деятельность юного сибиряка. Разве что хорошая библиотека в семье и любовь к чтению. Да еще дневники, которые он вел с 1925 года.

После окончания школы Виктор Григорьевич работал слесарем, библиотекарем, техником-полеводом. В 1931 году он поступает в Омский зооветеринарный институт на отделение северного оленеводства. Во время учебы много путешествует по глухим местам Сибири. Страсть к путешествиям у Виктора Григорьевича сохранилась на

всю жизнь и передалась нам, его потомкам.

Но вот в марте 1935 года его исключают из института за исполнение «контрреволюционной песни о челюскинцах» и связь с контрреволюционной группой, которой, кстати, уже несколько лет как не существовало. Виктор Григорьевич был молод, наивен, верил в справедливость и без оглядки, судя по документам, кинулся защищаться. Это тяжелое время подробно описано в дневнике, и вот такая запись: «...я, конечно, добьюсь справедливости и восстановлюсь в институте, но учиться дальше не буду - это хороший повод бросить институт и заняться литературной работой, историей Омска, фольклором Севера».

Во всяком случае, то ли потому, что обвинения тогда еще надо было доказывать, то ли репрессивная машина дала сбой, но в том же году Виктора Григорьевича в институте восстанавливают, а ученые он оставляет. Поступает работать в издательство корректором, затем в газету, всерьез начинает заниматься литературным трудом, печататься в газетах и журналах. В 1939 году выходит его первая книга «Чудесная пшеница» о сибирском селекционере Н. В. Цицине.

Потом была война, на которую Виктор Григорьевич ушел добровольцем, женитьба и переезд в Москву. До 1953 года он работал в журнале «Физкультура и спорт», знал многих спортсменов, дружил с альпинистами и сам занимался альпинизмом. Затем была работа в «Союзкните», многочисленные командировки по стране.

В. Г. Утков был членом Союза писателей, заслуженным деятелем культуры, членом редколлегии и одним из основателей «Альманаха библиофилов», членом редколлегии и одним из авторов научно-го труда «История русской литературы Сибири» и т. д.

Живя в Москве, Виктор Григорьевич никогда не прерывал связи с Сибирью и сибиряками, да и сам оставался сибиряком, человеком очень стойким и выносливым как физически, так и психологически; до последних дней ходил на лыжах, очень любил лес. Он был удивительно добрым, деликатным, чутким человеком, не говоря уж об уме и эрудиции, и глубоко порядочным. Переписка его огромна. Отец всегда за кого-то хлопотал,

В.Г.Утков и А.Н.Мартынов. 1965.
Из архива О.В.Утковой.

выполнял чьи-то просьбы, доставал и отсылал книги и другую информацию, беспокоился за друзей и за почти незнакомых людей. Друзьями были сибирские писатели Сергей Залыгин и Сергей Марков. Через всю свою жизнь Виктор Григорьевич пронес дружбу с поэтом Леонидом Мартыновым. Общаясь почти ежедневно, ведя дневники, собрав огромный материал о жизни и творчестве друга, отец так и не успел написать книгу о нем. Когда Леонид Николаевич умер, Виктор Григорьевич оставил все свои дела и занялся вместе с вдовой и ее дочерью наследием Мартынова, изданием его стихов, воспоминаний о поэте.

Много творческих планов было у Виктора Григорьевича, которые он не успел осуществить. Не дописал он книгу о П. А. Словоцове — «Повесть о сыне двух веков»; в замыслах и материалах было продолжение линии от Ершова к Менделееву, а дальше к Блоку; книга «Друзья мои книжники» и многое, многое еще... Болезнь нанесла свой смертельный удар во время работы в Ленинской библиотеке 2-го февраля 1988 года, но, будучи в тяжелейшем состоянии, непослушной рукой он писал, чтобы ему в больницу принесли пишущую машинку, т. к. не все задуманное сделано, а времени мало... Времени уже не было. 8-го февраля 1988 года наш дорогой Виктор Григорьевич Утков покинул нас навсегда.

Одна из последних книг Уткова называется «Предвестники. Связь времен».

В очень тяжелое время после ухода Виктора Григорьевича меня поддерживали и помогали замечательные люди, знавшие и любившие отца. Но, несмотря на это, в какой-то момент у меня появилось чувство, что я осталась одна, наеди-

не с неоконченными книгами, большим архивом, что до истории, тем более — далекой Сибири, никому и дела нет. И тут пришло письмо от И. Л. Егоровой из тобольской школы, где был создан музей Конька-горбунка и где хорошо знают книги отца. Потом к нам заехал тобольский писатель В. Ю. Софронов, творческие интересы и поиски которого были близки творчеству Виктора Григорьевича. Позже мы с сыном побывали в родных городах Уткова — Омске и Тобольске, хотя в Тобольске он никогда не жил, но любил и знал досконально, и познакомились с музеями и замечательными людьми, хранящими нашу историю, настоящими подвижниками.

И я успокоилась: связь времен не порвется никогда, всегда найдутся герои, взвалившие на свои плечи груз и счастье просветительства!

Экслибрис В.Г.Уткова.
Из архива О.В.Утковой.

Примечания

1. Утков В.Г. Предвестники. Связь времен. — М.: Мысль, 1982. — с.44.
2. Ярославцов А.К. П.П. Ершов, автор сказки «Конек-горбунок»: Биографические воспоминания университетского товарища. — СПб., 1872.

О.Н. МАРАКУЛИНА

Семья Столяровых

Однажды в наш музей пришел запрос из города Березова Тюменской области на Петра Андреевича Столярова, который в начале XX века заведовал там высшим начальным училищем, а в 1920 году был назначен первым заведующим Березовским уездным отделом народного образования. Я вспомнила, что, собирая материал о Герое Советского Союза Иване Ивановиче Копеце, часто обращалась за помощью к краеведу Николаю Петровичу Столярову и, посещая его квартиру на улице Путиловской, видела на стене комнаты портрет седовласого человека, одетого в китель, украшенный орденом и медалью. На портрете был изображен отец хозяина дома — Петр Андреевич Столяров. Николай Петрович бережно хранил не только портрет отца, но и семейные фотографии, документы, и поэтому просьбу Березовского музея я передала именно ему. Но с этого момента и сама была заинтересована личностью Петра Андреевича. Возникла мысль написать статью о нем и всей семье Столяровых. Я начала работу с личным архивом Столяровых и вновь стала частым гостем Николая Петровича. А кроме этого общалась с бывшими учениками Петра Андреевича, делала запросы в российские архивы, работала с документа-

ми Ишимского архива, просматривала материалы музея школы № 31 г. Ишима, и все это помогло мне представить судьбу не только Петра Андреевича, но и других представителей славного рода Столяровых.

Петр Андреевич Столяров родился 21 сентября 1880 года в Ишиме в деревянном доме на улице Базарной (ныне улица Советская). Сейчас на месте этого дома, снесенного в середине 90-х гг., построен дом под номером «4». Позднее семья Столяровых переехала в деревянный двухэтажный дом с флигелем по улице Малой Никольской (ныне ул. Луначарского, 22). Отец Петра Андреевича — Андрей Иванович Столяров был сослан из Санкт-Петербурга в Ишим в семидесятых годах XIX века. По семейной легенде он пострадал за то, что отдал свой паспорт молодому человеку, чтобы тот смог перейти границу. Андрей Иванович был образованным человеком, в Ишиме он стал частным адвокатом. Мать — Наталья Ивановна Никифорова, родилась в Ишиме. Она умерла, когда Петру было три года, а его брату Александру — четыре. Второй брак отца с учительницей Марией Степановной Шацкило, дочерью ссыльного, продлился всего два года. Она умерла от туберкулеза легких. В тре-

тый раз отец женился в 1894 году на дочери мещанина Татьяне Помпеевне Ершовой. У них родились четыре дочери: Валентина, Таисья, Софья, Феоктиста.

Семья жила дружно. Для Татьяны Помпеевны все дети были родными. Отец приучил их к труду, привил любовь к природе, у мальчиков развил интерес к рыбалке и охоте. В семейном архиве сохранилась единственная фотография Андрея Ивановича Столярова. На ней он запечатлен вместе с сыном Петром после удачной охоты на кроншнепов. У мальчика в руках одностволка-шомполка, а у отца в руке двуствольное курковое ружье. Благодаря отцу Петр изучил все окрестности Ишима, знал и любил природу.

Андрей Иванович заботился и о том, чтобы все его дети получили образование. Петр Андреевич в 1893 году успешно окончил приходское, а в 1896 году - уездное училище. Самостоятельно готовился поступить в Казанский университет, но из-за недостатка средств поехал в Омск и поступил в учительскую семинарию - первое специальное педагогическое учебное заведение Западной Сибири. Курс обучения в ней был рассчитан на три года. Семинаристы изучали Закон Божий, педагогику, русский язык и словесность, арифметику и геометрию, физику, историю, географию, чистописание и черчение, ремесла, гимнастику, садоводство и огородничество. Кроме того, Петр Андреевич много занимался самообразованием. Читал книги по биологии, антропологии, геологии, социологии, астрономии, истории. Одновременно с учебой приходилось зарабатывать, обучая грамоте детей богатых татар. Петр Андреевич окончил семинарию в 1902 году, у него была мечта продолжить образование, но этому помешала смерть отца. И молодому человеку пришлось поступить на службу.

Свою педагогическую деятельность Петр Андреевич начал в селе Куликовском Тобольской губернии, где два года заведовал двухклассным сельским училищем. В сентябре 1904 года он был переведен в Ишимское трехклассное городское училище, которое находилось в деревянном, одноэтажном здании на Соборной площади (сейчас на этом месте находится корпус пединститута). И хотя

Андрей Иванович Столяров и его сын Пётр после охоты на кроншнепов. Ишим. 1890-е. Из архива Н.П.Столярова.

проработал он здесь недолго, воспитанники училища его полюбили. Спустя много лет один из учеников Петра Андреевича подарил ему свою фотографию с надписью: «Дорогому Петру Андреевичу Столярову от бывшего ученика (городское училище г. Ишима 1903-1904 гг.). Заслуженный учитель школы РСФСР А.Лимахин¹. В дальнейшем Петр Андреевич работал в городском училище города Туринска (ныне Свердловская область). В 1908-м году он вновь переведен в Ишим в городское четырехклассное училище, находящееся в том же здании на Соборной площади. В училище он работал 4 года. В то время на 105 учеников приходилось только два учителя, имевших специальное педагогическое образование. Петр Андреевич, преподававший русский язык и словесность, входил в это число. Кроме этого он работал в городах Тюкаинске и Таре (ныне Омская область), где заведовал городскими училищами, для которых под его руководством были построены здания. После февральской революции Петр Андреевич, переведенный в Березов, был членом Совета рабочих и красноармей-

Дом А.И.Столярова на улице Мало-Никольской (ныне дом № 22 по улице Луначарского). Октябрь 1993. Фото Г.А.Крамора.

ских депутатов, председателем союза работников просвещения, заведующим отделом народного образования. В 1925 году он окончательно переехал жить и работать в Ишим. Здесь он был заведующим семилетней школой имени Луначарского, преподавал русский язык и литературу, а также географию в школе № 1, работал преподавателем в школах ФЗУ, ФЗД, в конце жизни преподавал математику, русский и литературу в школе № 113. Его педагогический стаж насчитывал 49 лет.

Петр Андреевич Столяров был незаурядным человеком и прекрасным педагогом. Его заслуги в народном просвещении были отмечены орденом Святого Станислава первой степени, а в советское время - орденом Ленина. За многолетнюю педагогическую деятельность он воспитал очень много достойных людей. Среди его бывших учеников были учителя, доктора наук, рабочие, и они всегда с благодарностью вспоминают своего учителя. Михаил Ефимович Бударин, доктор исторических наук, профессор Омского

педагогического института, писал: «Я сохранил яркую и благодарную память о Петре Андреевиче как о преподавателе географии. Петр Андреевич был замечательным педагогом, мастером своего дела. Особенно я ценю его чувство юмора и самоиронии, этим он отличался от своих коллег. А обширность знаний и уважительно-дружеское отношение Петра Андреевича к нам были также его замечательными чертами»².

Петр Андреевич творчески подходил к подготовке каждого урока. Он не только насыщал его разнообразными сведениями, но и проводил очень интересно, используя примеры из жизни. Бывший его ученик Анатолий Петрович Гладышев (1918 г. р.) рассказывал, что на уроках географии Петр Андреевич закреплял теорию практикой. Например, изучая тему «Реки», он вместе с учениками проходил от истока реки Карасуль до места ее впадения в Ишим. Другие путешествия происходили по берегам рек Мергень и Таловка. Он водил своих учеников в Синицынский бор, поднимался с ними на гору Кучум. По мнению учеников, именно такие уроки, познавательные и увлекательные, запоминались на всю жизнь.

Петр Андреевич был доброжелательным человеком, уважительно относился к ученикам, но в то же время знал, когда нужно быть требовательным и строгим. На уроках он не терпел невнимательности, шума и умел поддерживать дисциплину. В одной из статей, обращаясь к коллегам, он писал: «...От урока во многом зависит и дисциплина учеников. Нужно вовлекать в урок весь класс, а не делать так, когда один ученик отвечает на вопрос, а все остальные в это время могут заниматься, чем хотят»³. И в отношении воспитательного процесса он имел свое особое мнение. Петр Андреевич считал, что главную роль в воспитании ребенка играет семья. «Воспитание детей на дому имеет исключительно важное значение», - писал он. «Нарушение дисциплины, школьного порядка происходит даже среди таких детей, родители которых имеют образование. Однажды к одному из таких учеников я сходил на дом и побеседовал с ним. Он сказал, что хулиганит потому, что ему нечего делать. Я предложил читать, оказалось, что ему нечего и читать. В следующий раз я при-

Семья Столяровых. Слева направо, в верхнем ряду: Николай, Александр, Нина; в нижнем: Олимпиада Николаевна, Пётр Андреевич и Андрей. Ишим. 1930-е. Из архива Н.П.Столярова.

нес ему специально подобранные книги. После этого он заметно изменился. Но неправильно думать, что ребенка надо приучать сидеть за книгой, дело не в этом. Надо уметь организовать у того или иного ученика его досуг, его свободное время»⁴.

Примером прекрасного воспитания могут служить его собственные дети. Дочь Петра Андреевича - Нина Петровна Столярова, подтверждала это своими воспоминаниями: «Родители наши были учителями с очень прогрессивными взглядами. В семье мы чувствовали любовь, доброту, уважительное отношение друг к другу, к окружающим и большое трудолюбие. Родители были требовательными к себе и к нам, а когда надо и строги. Трудовой день отца начинался в 5-6 часов утра, а иногда и раньше. Я не помню его праздно сидящим, всегда он был в действии, даже читая, мог одновременно вязать сеть. И вот так всегда до последних дней своей жизни. И все мы четверо детей имели свои обязанности и своевременно их выполняли. Если Шура отвечал за обеспечение водой, так напо-

минать ему, что нет воды, не приходилось. Родители много читали и приучали к этому нас. Телевидения не было, и длинными зимними вечерами все собирались в столовой и читали вслух по очереди. Особенно запомнились «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. Когда мы стали старше, каждый читал сам, но отец следил за тем, что мы читаем»⁵.

Петр Андреевич был прекрасным, любящим отцом и мужем. Со своей будущей супругой Олимпиадой Николаевной Мануйловой он встретился в Тюкалинске. Она работала учительницей математики в женском приходском училище. Ее отец - Мануйлов Николай Андреевич - бухгалтер городского сиротского банка, и мать - Мануйлова Аполлинария Петровна - домохозяйка, были очень рады отдать замуж за уважаемого в городе человека свою дочь. В 1913-м году Петр Андреевич и Олимпиада Николаевна обвенчались. В 1915-м году у них родился первенец - сын Андрей. Второй сын - Николай рождается в 1916 году в городе Таре. В июне 1917 года Петра Андреевича вновь переводят

на новое место работы в город Березов Тобольской губернии. Назначают заведующим мужским высшим начальным училищем. Вместе с семьей он селится в казенный дом по улице Кладбищенской, 1, состоящий из пяти больших комнат и кухни. Здесь в 1918 году родилась дочь Нина, а в 1920-м — сын Александр.

В 1921-м году семья Столяровых переезжает в город Тюкалинск. Петр Андреевич пишет: «...Из Березова, богатого охотой и рыбной ловлей, выехал только по настоянию семьи...»⁶. В Тюкалинске он заведует семилетней школой, Олимпиада Николаевна преподает, а старшие дети успешно учатся в этой школе. Через четыре года главу семьи переводят в Ишим, и все Столяровы располагаются в родном доме Петра Андреевича на улице Луначарского, 22, полностью занимая второй этаж. На первом этаже живет вдова старшего брата Александра. Она сдает комнаты. А во флигеле в саду размещается мать Петра Андреевича — Татьяна Помпеевна. Родственники вновь собираются вместе в родном городе.

Последующий пятнадцатилетний период жизни в Ишиме для семьи Столяровых стал самым счастливым. В доме царил атмосфера доброжелательности и праздника, родители уважали детей, дети дружили между собой. «Родители всегда называли нас ласковыми именами, а мы (друг друга), кроме того, еще и ласковыми прозвищами. Младшего из нас, Александра, мы звали Санчо или Саничка, старшего Андрея — Андрэ, Дюша, меня Нанса. И так пристало ко мне это имя, что и в школе, и дома я была Нанса. Во всех последних письмах Шура обращался ко мне: «Дорогая Нансочка» До сих пор близкие друзья из Ишима называют меня этим именем»⁷. Одноклассники детей были частыми гостями в семье Столяровых. Они выполняли вместе домашнее задание в специально отведенной для этого комнате с классной доской. А после занятий вместе с семьей участвовали в диспутах по прочитанным книгам, просмотренным фильмам и вообще на житейские темы.

Братья и сестра Столяровы отличались по характеру и увлечениям. «Мы учились в разных классах, а последние годы и в разных школах. У каждого были свои друзья, но как-то все тянулось в наш дом. Часто наш двор превращался то в

Аттестат на звание учителя средней школы, выданный П.А.Столярову. 1938. Из фондов ИКМ.

баскетбольную, то в волейбольную площадку, то в поле для крокета. Все мы хорошо плавали (в этом тоже заслуга отца) и летом много времени проводили на реке. Очень любили мы шутить друг над другом, в особенности над Андрюшей. Он был доверчивый и бесхитростный, и придумать какую-нибудь небылицу, чтобы разыграть его, не составляло труда. Все мы любили спорт, в особенности Шурик. Трудно назвать какой-нибудь вид спорта, где он бы не преуспевал — гимнастика, плавание, лыжи, коньки, футбол — все было ему по плечу, и везде он был среди первых. Мы с Андрюшей были большими общественниками, особенно он, а я, кроме того, «артисткой», играла и читала стихи на школьной сцене, в Горкино, в военном городке. Мой средний брат — Коля, любил животных, а поэтому жили у нас кролики, собаки, какие-то полевые

Александр, Андрей и Николай Столяровы. Три брата — последний год вместе. Ленинград. 1939. Фото из архива Н.П.Столярова.

мышы. Любил он столярничать, что-то мастерил, строгал, пилил, строил⁸.

Родители вложили в детей самые лучшие качества. Сыновья и дочь выросли увлеченными, влюбленными в жизнь людьми. Они жили и трудились на высоком подъеме. А когда пришло трудное для страны время, двое из них погибли, защищая Родину. Это были старший — Андрей и младший — Александр.

Александр был любимцем всей семьи. Дома его всегда называли ласково — Сашенька. В школе он учился отлично. Был очень общительным, имел много друзей. Был сильным и смелым. Сестра Нина вспоминает случай: «Ему было не более десяти лет, когда он, в короткий зимний день, после занятий в школе, отправился на лыжах в деревню Симаново. Тогда в бору не было ни дома отдыха, ни санатория, ни автобусов. На следующий день знакомый отца из этой деревни привез «путешественника» домой, а Шура рассказывал, как подходил к деревне в темноте и под вой волков»⁹. После школы Александр поступил в Ленинградский институт инженеров воздушного граж-

данского флота. Учился отлично, продолжал заниматься гимнастикой, лыжами, боксом. Очень любил музыку, играл на мандолине, балалайке и пел. В 1939 году был призван с первого курса в армию. Участвовал в финской войне. Был всегда первым в бою, не прятался за спины товарищей. Все его письма родным были полны оптимизма, верой в возвращение и дальнейшую учебу. Но он не вернулся, погиб при артобстреле в марте 1940 года на Выборгском направлении в местечке Нейтсютниemi. Ему было всего 19 лет. И случилось это всего за восемь дней до подписания перемирия. Сашу похоронили там же, где он погиб. Тяжело переживали это горе родители. Мать после известия находилась несколько дней в обморочном состоянии. Петр Андреевич переживал горе по-мужски, но его плач без слез был не менее ужасен. Он обхватывал голову руками и сидел, глядя на письмо в бурых пятнах крови, извлеченное однополчанами из заднего кармана брюк Сашы. Письмо для родителей. И много позже Петр Андреевич в каждом своем послании детям в последних стро-

Депутатский билет А.П.Столярова. 1940. Из фондов ИКМ.

ках будет напоминать им о количестве дней, прошедших со дня гибели младшего сына.

Андрей еще в школе был секретарем бюро первичной организации. Он неплохо учился и действительно был вожаком ребят. Его бывшая одноклассница И.И.Попова писала: «Андрей активно участвовал в общественной жизни и ответственно относился ко всем многочисленным поручениям, но самой любимой для него была спортивная работа, он был хорошим помощником нашему уважаемому учителю физкультуры В.А. Порфирьеву¹⁰. Окончив школу в 1937 году, Андрей поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта (ЛИИЖТ). Здесь он отлично учился, его выбрали освобожденным секретарем комитета комсомола института. А перед войной избрали депутатом Ленинского районного Совета депутатов трудящихся города Ленинграда. С этим ответственным делом Андрей справлялся блестяще. В семейном архиве сохранилась тетрадка записей депутата Андрея Петровича Столярова. Среди них есть следующие: «Зайти в домохозяйство № 20 по жалобе жильцов». «Бойцов Иван Михайлович, дворник, живет в сырой комнате. Есть возможность обмена...». «Тенешева Анна Константиновна, д.20, кв.5. Муж в армии. Нет дров». «Антонов К.И., д. 20, кв.50, плохая квартира. Есть ли скидки в квартплате? Узнать!»¹¹. И это целая тетрадь записей дел, которые нужно было выполнить студенту-депутату. Но Андрей Столяров находил время, иногда в ущерб себе, чтобы выполнить поручения тех, кто его избрал. Мирному течению жизни помешала война. В институте, где учился Андрей, был

создан штаб трудовых работ, который возглавил комитет комсомола, во главе с секретарем Андреем Столяровым. Уже на следующий день после объявления войны студенты рыли укрытия и траншеи. Одновременно создавалось народное ополчение, и Андрей одним из первых вступил туда добровольцем. 4 июля 1941 года он, политрук роты 265-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, в составе Октябрьской дивизии народного ополчения, отправился на защиту Ленинграда. Андрей Петрович Столяров погиб в первых числах сентября 1941 года в районе села Русско-Высоцкое при отражении вражеской атаки. В последнем письме отцу (оно датировано 18-м августа 1941 года) Андрей писал, что находится на главном рубеже, защищающем дорогу к Ленинграду, что со дня на день предстоят жаркие бои с «двуногими зверями», как он называл фашистов. Сообщает, что чувствует себя хорошо, что полностью втянулся в полевую, армейскую жизнь... Письмо дышит оптимизмом, верой в победу. С этой верой Андрей шел и в свой последний бой. Семья потеряла второго сына.

Обо всех Столяровых можно с гордостью говорить, что они наши земляки. Нина Петровна Столярова окончила Московский институт инженеров железнодорожного транспорта (МИИТ). В 1951 году начала работать в проектной организации министерства путей сообщения, а затем транспортного строительства. Почти 20 лет была начальником производственно-планового отдела института Гипропромтрансстрой. Кроме основной работы Нина Петровна выполняла разные общественные поручения. Была членом парткома, главным редак-

*Пётр Андреевич Столяров. Ишим.
1950-е. Из фондов ИКМ.*

тором и диктором институтского радиопузла. Ее имя неоднократно заносилось на доску почета и отмечалась в приказах руководства института и Министерства транспортного строительства. В 1971 году вышла на пенсию. Умерла Нина Петровна в Москве в 1996 году. Сейчас из детей Петра Андреевича остался в живых только средний сын — Николай Петрович. После окончания семилетней школы № 1 имени К. Маркса он закончил ФЗУ на станции Ишим и работал слесарем на железнодорожных путях, затем в цехе депо — токарем. В 1935 году поступил на рабфак, а в 1938 году — в ЛИИЖТ, где уже учился старший брат. Во время войны был на фронте и институт закончил в 1948 году с квалификацией «инженер путей сообщения — строитель». Участвовал в строительстве

дорог: Абакан — Новокузнецк, Краскино — Хасан и Абакан — Тайшет. Перед пенсией работал в строительном тресте в поселке Белоярском. После выхода на пенсию поселился в родном городе, где активно занимался краеведческой работой: проводил беседы, читал лекции по истории страны, истории города Ишима, которой он интересовался еще с молодых лет. Его слушателями были школьники, студенты, работники различных организаций города. Благодаря Николаю Петровичу, многие ишимцы узнали о нашем земляке, герое летчике И.И. Копеце. В настоящее время Николай Петрович живет у дочери в городе Сарапуле. В нашем городе сохраняется память о замечательной семье Столяровых. Множество документов, собранных, прежде всего, Николаем Петровичем, хранится в музее школы №31, которую закончили братья Столяровы, и в фондах Ишимского краеведческого музея.

Примечания

1. Архив семьи Столяровых. ИКМ.
2. Письмо М.Е. Бударина из Омска Н.П. Столярову от 7.11.90. - Архив семьи Столяровых. ИКМ.
3. П.А. Столяров «Воспитание детей на дому имеет важное значение» // «Серп и молот» (газета) от 20.12.39.
4. Там же.
5. Письмо Н.П. Столяровой из Москвы М.И. Васильевой от 16.04.80. - Музей школы № 31 г. Ишима.
6. ГАОО. Фонд 318. Оп. 2. Д. 1723. Автобиография Петра Андреевича Столярова. Составлена 23 марта 1924 года.
7. Письмо Н.П. Столяровой от 16.04.80.
8. Там же.
9. Там же.
10. Письмо И.И. Поповой из Перми Н.П. Столярову от 15.08.88. - Архив семьи Столяровых. ИКМ.
11. «Тетрадь приема избирателей по 170-му избирательному округу депутатом Столяровым». - Архив семьи Столяровых. ИКМ.

Л.А. САРАФАННИКОВА

Доктор Прокудаев

В июле 1918 года в составе частей Белой Армии прибыл в Ишим военный врач Прокудаев. Трудно сказать, что заставило этого человека остановиться в маленьком городке. В столице его ждали жена, два сына и дочь. Может быть, он и не собирался жить в провинции до конца своих дней...

Михаил Михайлович снял комнату у мещан Филатовых в двухэтажном бревенчатом доме недалеко от Никольской церкви и стал работать в больнице. Сразу проявил себя как незаурядный хирург, однако вскоре выяснилось, что новый доктор имеет разностороннюю подготовку и успешно лечит самые разные недуги. И больные, и коллеги ощутили, какова эрудиция этого врача, как часто проявляет он то, что зовем мы Божьим даром, - какую-то странную интуицию, всегда приводящую его к верному результату.

В доме, где поселился приезжий доктор, жила дочка хозяев. Молодая учительница безоглядно влюбилась в постыльца. Он был намного старше, но это в глазах Анны Сергеевны было не недостатком, а одним из многих достоинств доктора. Да и можно ли было не влюбиться? Доктор был хорош собой, чем дальше, тем больше почитаем окружающими и не походила на ишимских кавалеров, отличаясь великолепными манерами. Скромная дочка хозяев не блистала красотой. Привлекали разве только стройная фигурка да прекрасные пепельного цвета волосы. Но она проявила и волю, и самоотверженность, и преданность. Ради Михаила Михайловича в его больнице мыла полы, стирала белье, ухаживала за больными, навсегда забыв о своей прежней профессии.

Она стала «невенчанной женой» Прокудаева. На Соборной площади по его личному проекту был построен четырехкомнатный дом с «черным» и парадным входами. Этот дом сохранился (Соборная площадь, 3), но, к сожалению, его фасад давно потерял первоначальный вид.

На Соборную площадь смотрели окна кабинета доктора и «приемного покоя» -комнаты, в которую прямо с улицы через парадный вход в любое время мог

*М.М.Прокудаев во время военной службы. Варшава. 1900-10-е.
Фото Бронислава Мешковского.
Из фондов ИКМ.*

зайти любой страждущий. Доктора побаивались, но верили ему беспредельно. Лечение было платным, но с неимущих врач деньги не брал. Не глядя бросал в ящик стола то, что дают. Он был человеком бескорыстным и далеким от мелочей быта.

Когда в морозный день 1964 года из этого дома провожали доктора в последний путь, шествие было похоже на демонстрацию. Множество людей пришли проститься с тем, кто вернул им здоровье, спас от смерти. Прокудаев работал до восьмидесяти двух лет, умер, когда ему было девяносто.

Эта прекрасная длинная жизнь началась в 1874 году. В Калужской губернии, в семье учителя и портнихи, родился мальчик. В 1903 году Михаил Прокуда-

Северный (дворовый) фасад дома М.М.Прокудаева на Соборной площади. 1929. Из фондов ИКМ.

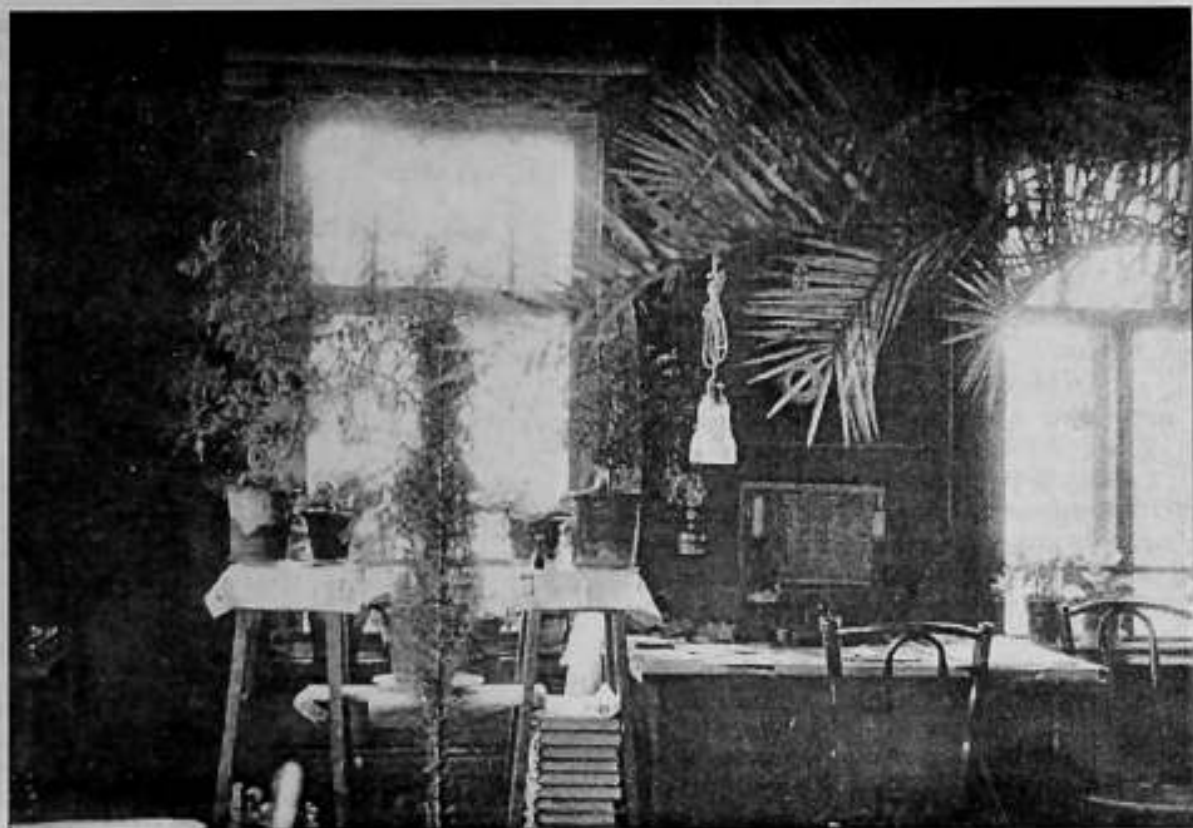
ев окончил медицинский факультет Московского университета. Наставниками будущего врача были К.А. Тимирязев, Г. Н. Сперанский, Н.Д.Зелинский, В.И. Вернадский — ученые с мировым именем. При заполнении анкет, в автобиографии М.М. Прокудаев, даже в самые опасные тридцатые годы, неизменно писал, что он — анархист-индивидуалист. К Советской власти он относился весьма «прохладно», с начальством держался независимо, но, как ни странно, его не трогали. Прокудаев не интересовался политикой. Главным в его жизни было — лечить людей.

Он входил в состав специальной комиссии по борьбе с сыпным тифом, созданной в 1920 году. В этом же году стал возглавлять лечебный отдел ишимского уездного отдела здравоохранения, весьма успешно налаживал в Ишиме медицинскую службу. Благодаря его стараниям в городе были открыты две больницы. Второй Советской больницей он стал заведовать сам. В Ишиме открылось медицинское училище, и доктор Прокудаев стал одним из лучших его преподавателей. В 1935 году А.Ф. Калинин и М.М. Прокудаев создали научное медицин-

ское общество, на заседаниях которого врачи обсуждали самые разные вопросы.

Прокудаев больше был известен в городе как гинеколог и судмедэксперт. Его рабочий день продолжался бесконечно. То он спешил домой к тяжелобольному, то вел прием в поликлинике, то оперировал женщин, бережно унося потом пациенток на руках в палату, то вызывали его среди ночи «поднимать» труп. И так без выходных, в любое время года.

Михаил Михайлович, человек скромный, не требующий роскоши, равнодушный к наградам, давал больным деньги на лекарства, помогал материально родственникам, знакомым, регулярно отправлял переводы бывшей жене и детям. А сам тратил оставшийся «капитал» только на книги, пластинки и путешествия. В его домашнем кабинете стоял большой стол, перед ним деревянное кресло, спал он на простой железной кровати. Еще тумбочка, два стула и шкаф с книгами — вот и вся обстановка. Атласы, буклеты, тома редких книг по географии и медицине, путеводители, энциклопедия Брокгауза и Ефрона — его небольшая библиотека. Он видел побе-

*Рабочий кабинет М.М.Прокудаева в доме на Соборной площади. 1929.
Из фондов ИКМ.*

режье Белого моря и Кавказ, Урал и Памир, объехал всю Россию. Последнее свое путешествие вместе с женой и двумя девушками, «приставленными» к туристам «для страховки», он совершил по Волге до Ростова-на-Дону и далее по побережью Черного моря до Сухуми, будучи уже очень старым человеком. А незадолго до смерти попросил свозить его на Абатский увал.

Он любил музыку. В кабинете стоял патефон. Рядом с ним - множество пластинок: вальсы, арии из опер и романсы в исполнении Козловского, Лемешева, Шаляпина, Обуховой. И ещё доктор любил женщин. В его отношении к женщине не было мужского баловства и корысти. Михаил Михайлович смотрел на нее, как на произведение искусства, и щадил женщину как существо необыкновенно слабое. И то, что он уходил «попить чай у подружек», объяснялось нередко тяжелой домашней обстановкой. Супруга, окружив себя кошками, собаками и постоянно меняющимися фаворитками, с возрастом все больше забывала, что дому нужен уют.

С годами Михаил Михайлович, вообще немногословный, становился все молчаливее. «Бедный, бедный дядя Мих, он уныл и очень тих», - написал кто-то в дружеской эпиграмме. Но задумчивое молчание дяди Миха не было преградой для веселых вечеринок в его доме. Приходили друг Юлий Оскарович Отт, соседи Соколовы. И звучали застольные песни: «Вечерний звон», «Из страны, страны далекой», старинный студенческий гимн... «Коперник целый век трудился, чтоб доказать Земли вращенье. Дурак, зачем он не напился, тогда бы не было сомненья!» - с озорством запевали гости, и на лице хозяина появлялась светлая улыбка.

По обочине главной улицы идет старик с массивной тростью в черном сюртуке и глубоких резиновых калошах. Обгоняющие его машины останавливаются, водители почтительно ждут, открыв дверку: «Садитесь, Михал Михалыч!» - «Нет, я только пешком», - отвечает Прокудаев и упрямо шагает дальше. Это идет он к больному. Есть молодые врачи, но к старому Прокудаеву

ву по-прежнему доверчиво обращаются люди. Зовут, чтобы снова услышать его «грозный» голос: «Блины, шаньги, пироги, оладьи - не есть!», чтобы поверить, что болезнь непременно отступит.

На центральной аллее кладбища - могила со скромным памятником. На

небольшом портрете — прекрасное лицо русского интеллигента. Умерли родственники и друзья, состарились благодарные пациенты - прийти сюда уже некому. Положите цветы на могилу доктора Прокудаева.

О.Н. САМСОНОВА

Русский литератор Михаил Лесной

Имя Михаила Лесного было хорошо известно всем читателям Ишима в 1950-е - 1960-е годы. Писатель любил природу и рассказывал о лесах и озерах Приишимья в своих книгах. Михаила Лесного приглашали на встречи с детьми в школы и читальные залы города, где, с появлением гостя, стихали детские голоса, и неспешная речь рассказчика переносила ребят в волшебный мир природы. Писательское имя «Лесной» выбрал для себя школьный учитель Михаил Андреевич Зверев. В Ишиме Михаил Андреевич проживал с 1937 по 1967 годы и преподавал в городской школе № 1 химию и биологию. Интересна история его псевдонима. Казалось бы, его настоящая фамилия - Зверев, как нельзя лучше подчеркивала приверженность автора лесной теме. Однако, за подписью «М. Зверев» в 50-60-е годы XX века в Уральском книжном издательстве вышли в свет книги о природе Максима Дмитриевича Зверева - известного ученого-зоолога, изучавшего животный мир Сибири и Казахстана. И поэтому Михаил Андреевич выбрал для себя псевдоним «Лесной». Его первые рассказы появились на «Литературной странице» ишимской газеты «Серп и молот» в 1948 году и были подписаны еще настоящей фамилией автора. Впервые же именем «Лесной» Михаил Зверев подписался в альманахе «Детям», выпущенном государственным издательством детской литературы в 1951 году. В альманахе вошли произведения «молодых и начинающих, а также впервые выступающих в детской литературе писателей из различных областей, краев и союзных республик»¹.

Михаил Андреевич родился 22 мая 1892 года в глухой деревушке Немоево, недалеко от города Острова, что на Псковщине. В предисловии к одной из своих книг он писал: «Мое детство про-

шло в глухой деревне, вокруг которой много рощ, лесов и озер. С детских лет я полюбил природу родного края как самого близкого друга. Мне хотелось все знать, все увидеть собственными глазами, (...) когда мне удавалось найти что-нибудь новое, необычное или раскрыть какую-нибудь «загадку» природы, хотя бы самую маленькую, я чувствовал себя счастливым»². На родине будущий писатель попробовал себя во многих профессиях: от рабочего железной дороги Псков-Полоцк до учителя начальных классов. До 1927 года учительствовал в г. Острове, позже в Кокчетаве Северо-Казахстанской области.

В Ишим Михаил Андреевич приехал в 1937 году будучи студентом-заочником факультета естествознания Омского педагогического института. Ему было тогда 45 лет, и он проработал в школе уже больше десятилетия. Коллегой Михаила Андреевича и его сокурсницей по учебе в Омске стала замечательный педагог, преподаватель биологии в ишимской школе № 1 Дарья Ивановна Шикина. Зверев и Шикина подружились, и первые два года в Ишиме Михаил Андреевич с супругой Антониной Алексеевной Шелковой жили на квартире у Дарьи Ивановны по ул. Максима Горького, 13, где занимали две комнаты. Долгое время М.А. Зверев проживал в доме на углу ул. Литвинова и Советской, напротив швейной фабрики. Многие горожане помнят этот покосившийся, побеленный, вросший в землю домик (снесен в конце 1990-х годов). Последним ишимским адресом писателя был дом по ул. Пономарева, 20.

В Ишимском краеведческом музее хранится копия личного дела студента М.А. Зверева, окончившего Омский педагогический институт в 1941 году. Его заявление о приеме, зачетная книжка с фотографией, отзывы преподавателей на

М.А.Зверев (Лесной) с собакой Примочкой. Ишим. 1939.
Из фондов ИКМ.

Титульный лист альманаха «Детям» (Москва, 1951) с автографом Михаила Лесного. Из фондов ИКМ.

письменные работы студента. Все рецензии с отличными оценками. В одной из них, по дисциплине «Систематика растений» написано: «Очень хорошая, глубокая и содержательная работа, вполне исчерпывающая по объему. Ясное хорошее изложение, прекрасные рисунки». В приложении к диплому из 22-х предметов отметками «удовлетворительно» и «посредственно» были оценены знания Зверева по двум предметам: «основы марксизма-ленинизма» и «политэкономия с экономполитикой», по остальным дисциплинам «хорошо» и «отлично». Институт Михаила Андреевич окончил в возрасте 49 лет. В это время он уже являлся членом литературного объединения при редакции газеты «Серп и молот» (с 1951 года «Ишимская правда»). Часто на страницах газеты появляются рассказы Михаила Лесного, в 1959 году - «невыдуманная история» об экскурсии в Михайловское, в 1960-е годы он представляет новые книги Тюменского издательства местных авторов. У каждого члена литобъединения был плотный график работы - беседы с читателя-

ми, лекции для учащихся, встречи с рабочими - не менее пятнадцати в год. И это при том, что каждый был занят на своей основной работе и имел семейные обязанности, а также нуждался в необходимом для творчества времени. Литобъединение вело «Литературную страницу» в «Ишимке», где наряду с начинающими поэтами и писателями печатались уже известные: Георгий Первышин, Александр Шамаков, Александр Плотников, Иван Ермаков и, конечно, Михаил Лесной. К тому же бюро литературного объединения выделяло несколько отделов: поэзии, прозы, детский, критики, публицистики. В начале 1960-х годов Михаил Андреевич Зверев (Лесной) был избран в члены бюро ишимского литобъединения и заведовал отделом природы. К его мнению прислушивались, с ним советовались, приглашали на встречи. Михаил Андреевич говорил, что только с 1940 года, много лет проработав школьным учителем, накопив за долгие годы охоты много впечатлений и наблюдений за жизнью природы, он начал писать рассказы для детей.

Ученики Михаила Андреевича вспоминают, как их веселила некоторая рассеянность учителя, когда он пачкался мелом или чернилами. Валентин Ефимович и Галина Анатольевна Лемешевы рассказывают, что М.А. Зверев был невысокого роста, и порой, чтобы написать что-нибудь в верхней части доски, тянулся, а на его одежде оставались следы мела. Во время урока учащиеся не знали, какие оценки ставит им учитель, так как журнал он всегда держал перед глазами или у груди, закрыв от ребят. Михаил Андреевич (дети дали ему прозвище «Михря», «Михрюта») слушал ответы учеников, склонив голову к груди и глядя на отвечающего поверх спавших на нос круглых очков. Небольшое время М.А. Зверев преподавал химию Нелли Валентиновне Деевой, окончившей школу в 1954 году: «Внешне Михаил Андреевич напоминал баснописца Крылова - небольшого роста, весь какой-то кругленький. Он очень быстро двигался, широко расставляя носки в стороны, поворачивался как-то сразу всем корпусом. Короткая стрижка полуседеых волос делала его похожим на доброго ежика»³. По субботам в школе проводили вечера художественной самодеятельности и танцы. Танцевали краковяк, польку, фокстроты, вальс и танго - их можно было исполнять только в паре, «а мальчишки, - вспоминает Нелли Валентиновна, - не любили танцевать, и девчонки вальсировали друг с другом или с Михаилом Андреевичем Зверевым, который очень хорошо исполнял любой танец и приглашал нас»⁴.

По воскресным и праздничным дням горожане встречали писателя в походном снаряжении, отправляющимся за город с ружьем и собакой. Охотничьи двустволки были в то время почти в каждой семье и являлись одним из средств к существованию. Ружья заряжали дробью и стреляли уток и зайцев. Дробь варили сами, на огородах. У отца Г.А. Лемешевой была специальная дощечка с полозьями: «Бывало, найдет любой кусочек свинца, тут же его растопит, залет в желобки. Когда свинец остынет, - вспоминает Галина Анатольевна, - отец его рубил, потом обрубки катал на сковороде до шарика - дробь готова»⁵. Почти все ученики знали, что Михаил Андреевич любит охоту, но никто не видел, что-

М.А.Зверев (Лесной). 1930-40-е.
Из фондов ИКМ.

бы он возвращался с добычей. Он уходил в окрестности Ишима наблюдать за пестрой и разноголосой жизнью озер, лесов, степей и их обитателей, возможно, обдумывая сюжеты своих будущих рассказов. Писатель Михаил Лесной описывал природу своего родного края, вспоминая впечатления детства, а также охотничьи истории Ишимской земли. Когда в 1952 году вышел первый сборник Михаила Лесного - «Рассказы натуралиста», автору исполнилось 60 лет, а через пять лет Михаил Андреевич Зверев (Лесной) был принят в члены Союза писателей РСФСР Средне-Уральского отделения, и сведения о нем вошли в библиографический справочник «Писатели Среднего Урала». В то время еще не было Тюменского регионального отделения Союза писателей, оно возникло лишь 16 января 1963 года, причем появилось при активном участии Михаила Андреевича. В своей документальной книге к 40-летию Тюменского отделения Союза писателей России Артур Васильевич Чернышов подчеркивает, что первое учредительное собрание тюменского отделения провела группа «профессиональных писателей, объединивших шесть энтузиастов (И.М. Ермакова, И.Г. Истомина, К.Я.

Литературный кружок редакции газеты «Серп и молот».

Слева направо: Александр Петрович Смирнов (корреспондент «Тюменской правды»), Иван Николаевич Белов (редактор «Серпа и молота»), Михаил Феофанович Дегтярёв (литсотрудник), Георгий Первышин (учитель школы № 1, баснописец), Геннадий Николаевич Лимахин (ответственный секретарь «Серпа и молота»), Михаил Андреевич Зверев (Лесной), Пётр Назарович Белов (поэт, сотрудник «Серпа и молота»).

Июнь 1949. Из фондов ИКМ.

Лагунова, В.И. Еловских, В.Н. Николаева и М.А. Зверева)»⁶.

1957 год стал самым плодотворным для М.А. Зверева (Лесного): Тюменское издательство выпустило сборник его рассказов «Мои встречи» 30 000-м тиражом; в «Ишимской правде» каждая «Литературная страница» начиналась с рассказа Михаила Лесного; а 29 августа этого года Михаил Андреевич Зверев (Лесной) был принят в члены Союза писателей РСФСР. Правление Союза писателей не забыло об ишимском авторе и в 1962 году, когда Михаилу Андреевичу исполнилось 70 лет. Сохранился текст телеграммы из Москвы на имя юбиляра: «Сердечно поздравляем Вас, дорогой Михаил Андреевич, старейшего русского литератора, желаем доброго здоровья, полного благополучия во всех Ваших делах»⁷.

В 1967 году Михаил Андреевич вернулся на родину в Псковскую область, через год в издательстве «Малыш» вы-

Перекрёсток улиц Советской и Ленинградской. Слева — дом, в котором жил М.А.Зверев (Лесной). 1959.

*Фото В.В.Ипполитова.
Из фондов ИКМ.*

Обложка книги Михаила Лесного
«Мои встречи». Тюмень, 1957.
Из фондов ИКМ.

шел в свет его последний сборник «Андрейкины тропки», а 3 декабря 1968 года писатель и педагог Михаил Андреевич Зверев (Лесной) ушел из жизни.

В некрологе было сказано, что Михаил Андреевич писал не только рассказы о природе для детей, но и очерки, и сатирические стихи. Однако в ишимский период писатель публиковал только рассказы, и лишь однажды, к юбилею А.С. Пушкина, на «Литературной странице» появился его очерк «У могилы Пушкина», где писатель вспоминает, как 13-летним мальчишкой побывал в имении Михайловское, что недалеко от г. Острова. В Островском уезде Михаил Андреевич родился, здесь он впервые прочел Пушкина и здесь он закончил свой путь.

У писателя Михаила Лесного вышло восемь сборников рассказов в краевых и центральных издательствах в 50-60-е годы XX века достаточно большими тиражами. Сегодня же школьные библиотеки города не располагают его книгами. Это и не удивительно - прошло больше сорока лет, а рассказы интереснейшего человека, нашего земляка, признанного русского писателя, так и не были

переизданы. Только в хрестоматии «Литература тюменского края» для 5-7 классов за 1996 год опубликованы три рассказа Михаила Лесного: «Яшка», «Хищный цветою», «Памятная осень». И лишь в читальных залах детских библиотек по ул. Просвещения, 25, и ул. Чехова, 15, можно найти уже ветхие, но неизменно пользующиеся читательским спросом сборники: «Одноухий», «Рассказы натуралиста», «Чирвик», «В родном краю», «Весенние голоса», «Блуждающие огоньки». Последний сборник «Андрейкины тропки» вышел в свет, когда Михаил Андреевич уже уехал из Ишима, возможно, поэтому «Андрейкиных тропок» нет ни в частных, ни в публичных библиотеках города.

Примечания

1. Детям: Альманах — М.: Детгиз, 1951. — с.2.
2. Лесной М. Одноухий — М.: Детгиз, 1960. — с.2.
3. Воспоминания Н.В. Деевой — 24.03.02 — ИКМ.
4. Там же.
5. Воспоминания Г.А. Лемешевой — 03.04.02 — ИКМ.
6. Чернышов А.В. Тюменскому региональному отделению Союза писателей России — 40 лет (1963-2003) — Тюмень: изд-во «Вектор Буя», 2003, с.3.
7. «Ишимская правда» - 1962 г. — 26 мая.

Издания произведений Михаила Лесного

1. Рассказы натуралиста - Тюменское кн. изд-во, 1952. - 15 000 экземпляров.
2. В родном краю - Тюменское кн. изд-во, 1955. - 15 000 экземпляров;
3. Мои встречи - Тюменское кн. изд-во, 1957. - 30 000 экземпляров;
4. Одноухий - Москва: Детгиз, 1960. - 130 000 экземпляров;
5. Блуждающие огоньки - Новосибирское кн. изд-во, 1960. - 30 000 экземпляров;
6. Весенние голоса - Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1964. — 15 000 экземпляров;
7. Чирвик - Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1966. - 50 000 экземпляров;
8. Андрейкины тропки - Москва: Малыш, 1968. - 150 000 экземпляров.

Пытливый посох странника

О.А.ОЖГИБЕСОВА

Один день в Казанском районе

Наша поездка называлась громко: этнографическая экспедиция по Казанскому району. Её финансовым помощником стала редакция газеты «Комсомольская правда», а идейным вдохновителем — Ишимский краеведческий музей в лице старшего научного сотрудника Надежды Проскуряковой и краеведа Геннадия Крамора, исполнявшего должность фотографа. Транспорт же и оч-чень колоритного водителя, потомственного сибирского казака Николая Маркова предоставил владыка Евтихий, управляющий Ишимско-Сибирской епархией Русской Православной Церкви Заграницей.

Утро 9 октября 2003 года выдалось хмурым и ветреным. Погода, долгое время радовавшая солнцем и теплом, именно в этот день испортилась. И всё-таки жаль, что я не Пришвин и не умею описывать красоты природы, — было бы что рассказать. Такое впечатление, что в мире господствуют две краски — жёлтая и серо-голубая: цвет листвы и неба. Золотая стерня убранных полей убегает вдаль и сливается с жёлтым лесом. Берёзы, словно девочки-близняшки в одинаковых пёстрых колготках и шитых золотой нитью платьях. Изредка ало вспыхивают на их фоне рябинки и осинки.

Водитель Коля — монархист и диссидент

Ехать было бы скучно, если бы не водитель Коля, который развлекал нас всю дорогу без перерыва. Он и сам признаёт, что любит поговорить, но в пути такой человек — находка.

Коля Марков — самородок. По специальности он, как сам высокопарно выражается — «водитель крана», а по призванию — историк. Знаний у него — дай Бог каждому кандидату наук. А «столпы» его знаний — монархия, правосла-

вие и казачество. О последнем Коля может рассказывать безостановочно.

— Я свои корни всегда знал. У нас же как говорят: чалдоны и чалдоны. Но это не «человек с Дона» и не «на челнах с Дона». Это ругательство такое: плохой вооружённый человек. А чо ж хорошего? Татары да киргизы набеги делали, а казаки пришли — и всё, успокоили.. Мне, маленькому, бабка один только раз про казачьи корни сказала.. Помню, шангы ем, а она говорит: «Ой, внучек, мы ведь не просты крестьяне были». — «А кто, спрашиваю, кулаки?..» Дед мой, Елизар Константиныч, с тысяча восемьдесят четвёртого года рождения. Бабушка — с семьдесят шестого. Она, как нормальна женщина, рожала лет двадцать с гаком. А в живых осталось вроде шестнадцать. Война ещё унесла много. Мы, Марковы здесь, в Пришимье примерно с 1820-х годов. Мой пращур — единственный в роду офицер, он получил за храбрость чин хорунжего. А бабка — урождённая Каратаева. Это тоже очень древний казачий род и покруче Марковых будет. В 1921 году один из Каратаевых был руководителем крестьянского восстания. И дедушко мой Елизар, конечно, тоже там был: краснопузых-то порезали, дай Боже!

— Варвары!..

— Нет, не варвары.. Восстание-то это пшеничное. Стали забирать семенное зерно.. А что такое сибирская пшеница? Хоть ты золотую потом привези, она здесь расти не будет. Пшеница такая ни в какой Италии не растёт. И всё стали забирать. Надо же было защищаться.

Казаков он называет «верными царскими псами».

— А чего ж, — пытаюсь я его поддеть, — «верные псы» не спасли царя?

— Так команды не было, — сразу отве-

*Старинная купеческая лавка
на центральной площади
села Ильинского.*

Фото Г.А.Крамора.

чает Коля, не удивляясь вопросу. — Царь-батюшка от престола отрёкся, он крови не хотел. Не дал распоряжения брать в пашки — не то казаки всех на куски бы порвали. Они и в гражданской войне не участвовали, потому что не за кого было: что те предатели, что те предатели... Нравы у казаков были строгие. Как-то раз бабка несла ведро с молоком, а по двору мотался конь. И сунул морду в ведро. Бабка его оттолкнула. Елизар Константиныч, дед, в окно увидал, выбежал и давай жену охаживать плетью. Соседи еле отняли. А то бы убил, сердешный! Но не было такого, чтобы, напившись, казак гонял жену и детей. За это могли и на круг вызвать да лишить казацкого звания. А это означало не только позор. Земли у казаков своей не было, земля принадлежала войску, и, лишившись казацкого звания, человек оставался без земли.

Взгляды на историю у Коли сильно своеобразные. Он и сам это признаёт:

— Учиться мне было нельзя. Потому что я с двенадцати лет начал заниматься историей. И учительнице сказал, что Будённый не командовал Первой конной армией. А учительница моя, хоть и секретарь парторганизации, была очень умной женщиной и очень любила историю. Она меня и снабжала разными книжками. Но я со своими взглядами не мог идти дальше учиться. Потому что в лучшем случае оказался бы в психушке...

— В общем, вы — диссидент!

— Ну, да... Не столько диссидент... просто я люблю правду. Очень много неправды о России...

Ильинские раритеты

Казанку проскочили, почти не оста-

навливаясь. Разве что заехали в магазин местного рыбного хозяйства, что стоит на самом тракте, почти на выезде из села. Здесь продают отменные копчёности собственного производства — сырка, пелядь. А в аквариуме в торговом зале плавает живая рыба.

Первый пункт нашего назначения — село Ильинка. Когда-то, во времена до-революционные, оно было самым богатым в округе, центром волости. Первое упоминание о нём встречается в середине XVIII века. Часть села называется Епанчино. Поселение с таким же названием до сих пор есть под Вагаем; отсюда, как предполагают, и пришли переселенцы, основавшие нынешнюю Ильинку.

Неподалёку от села есть озеро с жутким названием Убиённое. Говорят, первые поселенцы убивали там пришлых людей. А вот водитель наш Коля высказал совсем другую версию: мол, когда-то в давние времена казаками был пресечён набег кочевников, и многих они поубивали на этом озере. Отсюда и пошло название — Убиённое. Представители же старшего поколения ильинцев рассказывают, что в 21-м году, во время крестьянского восстания, прокатившегося по этим местам, мятежники свозили коммунаров и всех сочувствовавших коммунистам на озеро, прорубали полыньи и живыми спускали свои жертвы под лёд, подтверждая делами страшное название водоёма.

В одной только Ильинке тогда погибло более ста коммунаров. Все они известны поимённо — письма с фотографиями и краткими биографическими данными хранятся в местном музее. Вот только отношение к памяти погибших было странным в советские времена. Огромную братскую могилу, где хоронили расстрелянных и замученных коммунаров... закатали под асфальт, а памятник поставили чуть в стороне. Теперь по могиле ходят, а цветы кладут на пустое место. Но это ещё что! Убитых повстанцев, а всего их, по неполным данным, было около шести тысяч — цвет сибирского крестьянства! — вообще хоронили, как бродячих собак: ни могил, ни крестов, ни надгробий.

Уже упомянутый мной музей — гордость Ильинки. Он находится в центре села, в уютном домике с резным крыльцом. Табличка у входной двери привела в восторг: «Россия. Ильинский сель-

ский музей». Но ветры оптимизации сферы культуры долетели и до этой сельской глубинки. Теперь в Ильинке всего-навсего филиал Казанского краеведческого музея.

Вообще-то таким людям, как его заведующая Галина Викторовна Копотилова, нужно ставить памятники. Именно они — та самая первая ступенька, тот первый кирпичик, из которых складывается храм Истории. Сельские учителя, они поощряют в детях интерес к прошлому, любознательность, тянут на себе, невзирая на более чем скромную зарплату, воз сохранения народной памяти.

Ильинский музей начинался со школьной комнаты Боевой славы. Постепенно стенды с фотографиями храбрых дедушек-орденоносцев стали теснить прялки, иконы и прочая домашняя утварь, — её приносили в школу дети. Потом музей открыли в отреставрированном ильинском храме, и экспонаты переехали туда. И вот что удивительно: люди понесли в музей спасённые от гибели иконы, десятилетиями хранившиеся в их домах! А когда в храме начались службы, Галина Викторовна передала иконы церкви. Музей же перебрался в домик, в котором находится и по сей день.

Небольшие его фонды продолжают пополняться. К примеру, из села Благодатное дети привезли необычный образ святого Нила Столобенского: самодельное резное изображение вроде небольшой статуэтки помещено в киот под стекло. А вот икону Знамения Божьей Матери ребята принесли с берега реки. Как она туда попала и сколько лет пролежала в иле и в мусоре? Икона недорогая, на сучковатой доске, явно из крестьянской избы и написана в наивной манере.

Ещё одна достопримечательность Ильинки — пограничная застава (до границы с Казахстаном здесь уже рукой подать). Правда, она находится не на окраине, как можно было бы предположить, а прямо в центре села, напротив церкви. Рядом — старинная каменная купеческая лавка.

Кстати, о церкви. Называется она также Ильинской, но не по названию села, а по имени святого пророка Божия Илии. А уж село потом по ней и назвали. Сначала церковь была деревянной, а в 1797-1803 годах здесь появился каменный храм — один из первых каменных хра-

мов на юге Тобольской губернии. Причём — в сельской глубинке, а не в городе. Это ещё раз подтверждает былую значимость Ильинки.

Журавлей в Афонькино считают

После Ильинки мы отправились в Афонькино. Для этого нужно было переехать через реку Ишим, на которой и стоит Ильинка, по необычно узкому мосту, а потом аккуратно ехать по избитой асфальтовой дороге по широкой пойменной долине.

В Афонькино также есть пограничная застава, а ещё клуб и библиотека. Вот и все очаги культуры. Если, конечно, школу не считать. Приехали мы не в самый подходящий момент, — пустые классы, гулкие коридоры: холода наступили, а тепло в школу ещё не дали. Вот и распустили ребятню по домам. Только будущие выпускники-старшеклассники, как оловянные солдатики, стойко грызли гранит науки.

Школа в Афонькино удивительная даже по городским меркам: если краеведческим музеем сегодня удивить трудно, то экологическим.. Только руками остаётся развести от изумления. А в этом маленьком селе есть экологический музей с тёплым и мягким названием «Можжевательник».

Человека скромнее, чем его руководитель Валентина Николаевна Ивченко, я ещё не встречала. Надо было видеть, с каким трудом нам удалось уговорить её показать нам свои владения. Нет, я Валентину Николаевну понимаю: музей — слово громкое, внушающее священный трепет, а здесь.. доски пола колышутся под ногами, словно идёшь по топкому болоту; шиты, которыми обшит потолок, того и гляди обвалятся. И весь музей — две крохотные, тёмные и холодные комнатухи, заполненные гербариями, чулками, букетами сухих цветов.

Впрочем, разве евроремонт — это главное? Россия жива, пока есть такие деревеньки и такие школы, и такие учителя, и такие дети. Только представьте себе: ученики Валентины Николаевны выполняют научные работы, которые занимают первые места на международных конкурсах! Василий Водопьянов, теперь студент биофака ТюмГУ, написал работу «Привлечение пустыльги степной на искусственное гнездовье». Редкая, занесённая в Красную

Книгу птица пустельга, оказывается, своё гнездо не вьёт, а занимает чужие. И то, что пустельга села на гнездовье, изготовленное по чертежам, полученным юным биологом из Москвы — большая удача!

А что мы, городские жители, знаем о журавлях? Мы, неспособные отличить гуся от лебедя, а журавля от цапли?.. А вот афонский ученик Толя Аксёнов наблюдал за ними в течение пяти лет! Причём использовал для этого метод, удививший даже московских учёных. Ведь журавль — очень умная и пугливая птица. Близко к себе человека не подпускает, поэтому и наблюдение за ним, как правило, ведётся из укрытия. Но афонские мальчишки обратили внимание на то, что журавли привыкли к гулу тракторов, убирающих гороховые поля. Этим и воспользовались: ездили на плывущих дымом и вонью машинах и считали птиц. А результатом стала научная работа Толи Аксёнова «Предотлётные скопления журавлей». Теперь её автор тоже студент биофака ТюмГУ.

Наконец, на конкурсе в американском штате Монтана, в котором принимали участие 35 регионов России, ребята из деревни Афонькино в двух номинациях заняли 1 и 2 места.

А места вокруг просто удивительные! За деревней на многие километры тянется высокая гряда — местные жители называют её Афонской горой. Кстати, поэтому и себя называют «афонцами», а не «афонькинцами», как должно быть по всем правилам русского языка. Есть в этом имени, напоминающем о греческой святой горе Афон, известной своими монастырями, что-то возвышенное. Эта гряда, говорят — бывший берег древнего моря. Может, благодаря особому «морскому» климату в Афонском заказнике, что находится за горой, сохранились растения, которых нет больше нигде в России, в том числе и под Тюменью. Школьный гербарий, отправленный в Москву в адрес Русского ботанического общества, произвёл настоящий фурор. Московские учёные, так же как их коллеги из тюменского Института проблем освоения Севера специально приезжали в Афонькино, чтобы своими глазами увидеть, как растут редкие растения: скабиоза исетская, рябчик малый и шахматный, остролодочник волосистый...

Между прочим, школьные кружки в

*«Афонская легенда» Дмитрий Яковлевич Шорохов. 1950-е.
Из архива С.И.Неживых.*

деревнях закрывают. Дескать, экономия средств, оптимизация сферы образования... Говорят, в этих кружках занимается слишком мало детей. Но даже если в «Можокевельнике» останется только два человека, разве оно того не стоит? Ведь они, может быть, станут учёными, гордостью страны!

Афонские легенды

Это в Англии в каждом шкафу — свой скелет. А в России — в каждой деревне свои легенды. Иной раз такие невероятные, что только диву даёшься. Хоть сейчас книгу пиши или фильм снимай.

Одно такое семейное предание мы услышали от Светланы Ивановны Неживых, учителя истории всё той же афонской школы. Её дед, Дмитрий Яковлевич Шорохов, родился в последнее десятилетие XIX века. Год никто сейчас не вспомнит, но в военном 1914 году новобранца Шорохова оторвали от родной земли, дали в руки винтовку и отправили через всю страну на германский фронт. Дома, в Сибири, у него остались жена и ребёнок.

Провожая сына на войну, мать Дмитрия Яковлевича сшила ему ладанку с материнским благословением. Не оно ли спасло ему жизнь, когда в первой газо-

вой атаке погибли почти все находившиеся рядом с ним солдаты: стараясь укрыться от напавшего ядовитого тумана, они ложились на дно окопов, а Дмитрий, повинуясь какому-то непонятному чувству, решил забраться на дерево. Вслед за газом в атаку пошли немцы. Уцелевшего русского солдата взяли в плен.

Какими неведомыми путями-дорогами пришлось ему пройти — Бог весть, но в конце концов судьба забросила его в Болгарию, где афонский крестьянин стал работником в богатой семье.

Было бы странно, если бы в этой истории не появилась любовная линия. Как водится, у хозяина дома была красавица-дочь. И, как полагается по законам жанра, она влюбилась в русского работника, а он — в неё. Как звали болгарскую девушку, на которой женился жеманый сибиряк Дмитрий Шорохов, навсегда осталось тайной. Он об этом никому не говорил; известно лишь, что маленькую дочку назвали Тамарой.

В Болгарии Дмитрий Яковлевич прожил пять лет. И всё это время мечтал вернуться на родину, где уже бушевала братоубийственная война. Ни солнце, ни море, ни спокойная жизнь в мирной стране не могли вытеснить из памяти родное Афонькино на берегу древнего моря. «Голова болит — это не боль, — говаривал после Дмитрий Яковлевич, — тоска по Родине — вот это боль!» Не знал он, что семья не ждёт солдата с войны: ребёнок умер, а жена от горя сошла с ума.

...Спрятавшись в трюме грузового судна, Дмитрий Шорохов покинул болгарскую землю, так и не ставшую родной, и отправился в Россию. А теперь подумайте: высадившись в Одессе, он прошёл пешком от Чёрного моря до Сибири! Шёл по стране, расколотой на части, ежедневно рискуя попасть в руки красных, белых, зелёных и прочих цветных, деливших власть в России, рискуя не дойти, не увидеть старую мать, дом на пыльной деревенской улице, церковь на холме над тихо журчащей речкой. Но вот что интересно: вернувшись домой, Дмитрий Яковлевич всю жизнь каялся, что оставил в Болгарии жену и дочь. А в Афонькино он женился в третий раз.

Дмитрий Шорохов чудом уцелел в тридцатые: брак с иностранкой и пять лет пребывания за границей, тем более в стране, воевавшей против России, — бо-

*Наиболее распространённый узор афонских наличников.
Фото Г.А.Крамора.*

лее чем достаточный повод, чтобы обвинить человека в предательстве и шпионаже. Говорят, спасла профессия: Дмитрий Яковлевич чеботарил и в зубах всегда держал нитку и иголку. А потому был неразговорчив, лишнего не болтал. Может, потому и выжил. И жил долго — едва не разменял девятый десяток.

В храме живут только голуби

Афонская Христорожественская церковь — не самая старая на юге Тюменской области. Её строили в 70-х годах XIX столетия. В отличие от церквей, отданных на поругание и разграбленных сразу после революции, в Афонском храме службы продолжались до середины тридцатых годов. Но перед войной здание церкви передали под зерносклад, а после войны оборудовали в нём пекарню. Печь стояла в алтаре. А потом... потом церковь отдали на растерзание вандалам, ветрам и времени. Снесли уникальную колокольню, крышу, выломали окна и двери. Лишь четыре колонны толщиной не менее полутора метров ещё держат церковные своды. В храме жи-

вут только голуби — пол усыпан пухом и птичьим помётом. А молодёжь, отдыхая на берегу реки, разжигает костры прямо в церковных стенах.

Когда-то рядом с храмом стояла часовня — в ней отпевали усопших. Когда церковь разорили, часовню трактором спихнули прямо в реку. Была она каменная, и кирпичи до сих пор лежат на дне недалеко от берега. А иконы, стоявшие у входа, в притворе храма, ребяташки использовали... в качестве плотов. И сколько уплыло их вниз по течению? Единственную сохранившуюся, особо чтимую икону Христа-Вседержителя, на которой Он изображён в полный рост с Евангелием в руке, передали в Ильинскую церковь с условием: когда храм восстановят, икона вернётся в Афонькино.

История её спасения покрыта мраком тайны. Жительница села Афонькино Екатерина Томилова, или баба Катя, купила маленький домик, часто переходивший от одних хозяев к другим. Вместе с домом переходила из рук в руки и икона, стоявшая в углу комнаты. Так что установить, кто же спас её из церкви, сегодня уже невозможно. От бабы Кати услышали мы и обычную легенду об ушедших в землю крестах и колоколах: дескать, пять колоколов сбросили, а шестой по самые ушки в землю ушёл. Так и не достали.

Афонькино, кстати, оказалось настоящим музеем деревянной резьбы. Столько разнообразных наличников с глухой сибирской резьбой, сколько на афонькинских избах, мы не встречали нигде. Оставалось только щёлкать фотоаппаратом, чтобы запечатлеть эту красоту.

Зато Надежде Проскуряковой в другом «свезло»: у самой же Надежды Ивановны она разыскала «орудие крестьянских повстанцев образца 21-го года», принадлежавшее тому самому Дмитрию Яковлевичу. Если кто думает, что это винтовка или хотя бы пулемёт, то он глубоко ошибается. Это всего-навсего пешня — железный лом с деревянной рукояткой и острым концом. Пешню используют во время зимней рыбалки — пробивают полынью. У повстанцев была своя рыбалка: они тоже пробивали лёд. А потом этой же пешней убивали коммунаров и спускали их под воду.

Надежда Леонидовна — специалист по крестьянскому восстанию, так что старинная пешня для неё — подарок. Те-

Церковь в селе Ново-Александровском, перевезённая на телегах из Воронежского края. 1950-е. Из фондов Казанского краеведческого музея.

перь это беспощадное оружие обманутого крестьянства займёт достойное место в экспозиции Ишимского краеведческого музея.

Церковь везли на телегах четыре года...

В Ново-Александровку, последний пункт нашего путешествия, пробирались уже почти в сумерках. Дорога пустынна. Солнце ещё не погасло, огненно-красный шар висит в потускневшем предвечернем небе, и жёлтые леса от этого приобретают яркий медный оттенок.

Проскакиваем щит с надписью «Контрольно-пропускной пункт», но пугающего знака «Стоить» не наблюдаем, и доблестные «зелёные фуражки» не выскакивают нам наперерез из придорожного лесочка. Так что, вздохнув с облегчением, высматриваем, когда же покажется среди полей место нашего назначения.

По словам Надежды Леонидовны, местные жители называли Ново-Александровку прежде Артамоново — по озеру, величаво-спокойному, несмотря на ветреный день, со стального цвета холодной водой. Потом отчего-то озеро стали называть Домашним, а деревню уже в советские времена переименовали в Ново-Александровку. Наш музейный гид едва скрывает своё волнение — здесь она уже не в первый раз. Экспедиция ишимского музея сюда состоялась в 1992 году, и мы, подготовленные рассказом Надежды Леонидовны, надеемся увидеть нечто чудесное...

*Новоалександровский храм,
приготовленный для устройства
в нём бани. 1992.
Фото С.А.Глухих.*

Проезжаем по центральной улице, протянувшейся вдоль берега. Меж заборов, в проулках, ведущих к озеру, угрожающе белеют щиты с чёрными буквами: «Стоять! Проход запрещён!» Неудивительно — село находится в пограничной зоне. Только неужели местным жителям из-за политиков, разделивших когда-то огромную страну, отчего и призрачная граница с Казахстаном вдруг стала государственной, теперь и рыбку в родном озере Артамоново не половить?!

Среди деревянных, не первой свежести домов диссонансом выделяются два каменных здания: клуб, сложенный из белого кирпича, и рядом новенькая, нарядная, краснокирпичная школа. Время ещё не позднее, но на улице — ни души. Единственная старушка в платке и телогрейке, подпоясанная верёвкой, не торопясь и не больно-то обращая внимание на нашу «газельку», перед самым её носом трусит через дорогу.

Водитель Коля тормозит и, приоткрыв дверцу машины, обращается к ней: «Уважаемая, здравствуйте!» В ту минуту мы ещё не подозреваем, что именно эта бабушка — старейшая жительница деревни, единственная, которая сможет рассказать обо всём, что нас интересует. А пока... пока мы вытряхиваемся из машины и, поднимая ногами чёрную перегнойную пыль на обочине, кучкуемся вокруг опешившей от внезапно обрушившегося на неё внимания селянки.

Здесь нужно рассказать предысторию нашего десанта в Ново-Александровку. В том самом 1992 году, когда в Ишиме только-только открылся музей, дошло до краеведов известие об уникальной деревянной церкви, сто пятьдесят лет назад

привезённой в Сибирь — на телегах из-под Воронежа! Где Ишим, а где Казанка, но старший научный сотрудник музея Надежда Проскурякова до Ново-Александровки тогда добралась. История, казавшаяся невероятной, подтвердилась.

В первой половине XIX века жители одного из сёл Воронежской губернии решили перебраться на вольные плодородные сибирские земли. Что стало причиной этого переселения — теперь уже и не скажешь. Но сначала в Сибирь отправились ходоки. Обосновались они в деревне Рошixa, ныне Клепиково, да говорят, не поладили с местными жителями и отправились дальше. Остановились было у озера Горькое — места там и сейчас красоты удивительной, но вот вода... Горькое оно и есть горькое. Двинулись снова в путь. Добрались до деревни Дубынки (она и сейчас соседствует с Ново-Александровкой), поставили дома на берегу озера Артамоново, но сильные ветры, дующие с юга, вынудили их перебраться на другой берег. И только тогда, когда ходоки нашли, наконец, удобное для жизни место, вслед за ними двинулись односельчане.

Легенда о переселении, как и полагается, расходится в деталях. Во всяком случае, более десяти лет назад Надежда Проскурякова услышала такую версию. Снялись, мол, воронежцы с места всей деревней, разобрали даже избы — сложили в телеги. И встал тогда вопрос: как оставить в разорённой деревне церковь? Как бросить, сердешную? Покумекали мужики, почесали в затылках, да и раскатали её по брёвнышкам. Таким вот обозом — с семьями, с избами и с церковью двинулись в дальний путь на телегах, запряжённых волами. И добирались до места аж четыре года. Точнее, четыре лета, потому что ехали только по теплу. Рассказал эту историю Надежде Леонидовне некто Василий Сорокин по прозвищу Крынка. А он услышал от своего деда, тоже Крынки: тот прожил 115 лет, а приехал в Сибирь в том самом обозе.

Другую версию мы слышали уже в нынешний приезд от Степана Николаевича Фомина, жителя Ново-Александровки, разменившего девятый десяток. Если придерживаться её, то не всей деревней воронежцы снялись с места. Были, видно, и противники переезда. Потому что церковь «наши мужики (именно так

*Старейшая жительница
Ново-Александровки
Анна Павловна Резникина.
Фото Г.А.Крамора.*

выразился Степан Николаевич: «наши») украли. Сперва увезли иконы, а потом её самой».

Как бы то ни было, но в 1850 году церковь перевезли из Рошихи в Ново-Александровку, и в 1852 году она уже стояла на берегу озера.

...А сломали её за один день

В 1992 году храм уже стоял без колокольни и куполов. В нём собирались устроить баню, и ишимские музейщики как могли увещевали местных жителей не делать этого. С тех пор отсюда до Ишима не доходило никаких вестей, и именно это так волновало Надежду Леонидовну. Мы ожидали самого худшего. И всё же сообщение о том, что деревянный храм, простоявший только здесь, в Сибири, на берегу озера Артамоново сто пятьдесят лет, снесли, повергло в шок.

И вот мы стоим посреди деревни, у новенькой школы, и слушаем рассказ Анны Павловны Резникиной об участии, постигшей маленькую церквушку: сначала забыли, как она называется, теперь забудут, какой она была. У старейшей жительницы села, несмотря на 84 года,

с памятью всё хорошо, хотя она и машет рукой, смеясь и демонстрируя нам два желтых зуба, по какому-то недоразумению задержавшиеся во рту: «Кака уж память! Забыла всё давно...»

Церковь, как выяснилось, снесли год назад. Приехал отец Евгений из Ильинки, обошёл вокруг храма и... благословил разрушителей. «И никто, — продолжает Анна Павловна, — не вышел, не вступился, не защитил». Да и сами работники не сразу взялись ломать: «торопь брала», — говорит Анна Павловна. Её дом — рядом, и лишь она попыталась остановить окончательное разрушение памятника. Не получилось. Раскатали и увезли в райцентр, в Казанку. А на этом месте построили «храм знаний» — школу.

(Как выяснилось впоследствии, брёвна, якобы из-за гнилости, собирались торжественно сжечь, а на пепелище поставить крест. Об этом рассказал по телефону глава Казанского района Илья Васильевич Денисов. Он и понятия не имел об исторической ценности разрушенного храма, но заверил, что уцелевшие брёвна не тронут, примут меры к их сохранности и в будущем из них можно будет поставить часовенку в память об утраченной церкви-путешественнице. Увы, в октябре 2004 года начальное намерение отца Евгения было исполнено — раскатанный храм сожгли. Не оставив даже брёвнышка на памятный крест...)

Тут же выяснилось, что в Ново-Александровку мы приехали, сами того не подозревая, очень даже символично — в престольный праздник, в день святого «Ивана Буслова» — так адаптировали местные жители имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Случайное ли совпадение? Впрочем, мы с Анной Павловной, похоже, были единственными, кто в этот закатный час вспомнил о небесном покровителе этого места. Деревенский люд в большинстве своём об этом празднике и не подозревал. А раньше...

«Эх, как мы гуляли, пили, веселились, бляха-муха! — баба Аня чуть в пляс не пустилась. — Пирогги пекли с морковью, с капустой. Кулагу делали, мясо жарили, холодец варили... И блины. И кашу, и супы! Но раньше не пили. Самогонки выпьют грамм по сто — и всё! Не то, что сейчас...»

Когда-то в Ново-Александровке было 500 домов. А сколько народу — наша

рассказчица и сосчитать не берётся. Только у них, у Капустиных (это её девичья фамилия) в семье было 24 ребёнка: восемь братьев, остальные девки. Дом свой, сосновый, вековой прадеды Капустины тоже привезли из-под Воронежа. И стоял он когда-то на краю села. Потом отдали дом в совхоз (отдали?), а сами перебрались в другой, поменьше. Интересный факт: «Прапрадеды не знали, как печи кладут, избы топили по чёрному. А потом один сложил печь, и все к нему пошли учиться».

Сосновых, «воронежских», домов когда-то в деревне было много. Остался лишь один. До последнего времени в нём располагалась библиотека. Теперь библиотеку перевели в клуб. Дом опустел. А пустые дома, как известно, долго не живут, — умирают.

Солище давно село. Прохладный день незаметно для нас сменился холодным вечером. Мы подъезжаем к бывшей библиотеке. Из соседних ворот несмело выглядывает женщина в годах.

— Как вас зовут? — спрашиваю я.

— Ой, — пугается женщина, — а вы меня не арястуете?!

Удивительное, совсем не сибирское «яканье» отличает ново-александровских жителей: «привязли», «арястуете»...

Выяснилось, что женщину зовут Евдокия Александровна Плотникова, а заинтересовавший нас дом принадлежал когда-то её матери, Плотниковой Наталье. Затем в нём разместилась школа, после — библиотека. За последние полтора года дом изменил свой первоначальный облик, но брёвна, из которых он сложен, «родные», сосновые, таких в деревне больше нет. И даже наличники на окнах сохранились с позапрошлого века: узор на них совсем не похож на сибирскую резьбу.

У музейщиков к дому свой, «шкурный» интерес: они облизываются на эти наличники. Чувствую, дай им волю, — они дом по брёвнышку раскатают и в Ишим увезут. Но — нельзя, дом «совхозный». Так хоть наличник снять, — всё равно ведь пропадут, если с домом что случится.

Плотниковы всей семьёй вышли. Стоим и в наступающих сумерках вместе решаем: отрывать эту красоту от заколоченного окна или оставить. Откуда-то появляется лом. И мужчины, подбадриваемые Надеждой Проскуряковой, идут в палисадник с торца дома, — если там

Наличник на доме Плотниковых в Ново-Александровке, перевезённом из-под Воронежа. Фото Г.А.Крамора.

наличник снять, так хоть в глаза бросаться не будет. Через пару минут сияющая Надежда Леонидовна появляется на улице с огромным, чуть не с неё ростом наличником в руках и, довольная, грузит его в кузов «Газели». Теперь можно смело уезжать...

— Может, у вас ещё есть что своровать? — интересуюсь я у Плотниковых. Они смеются — кажется, весьма довольны, что сумели нам помочь.

Быстро темнеет. Пора в обратный путь. Мы долго едем по замершей до утра деревенской улице, поворачиваем на Дубынку и проваливаемся в черноту полей. На сегодня всё. Много ли можно увидеть и узнать, если на поездку тебе отведён лишь день? Оказывается, не так уж и мало. Жаль только, что рассказы об истории родного края так же грустны, как старинные русские песни, которые вдруг, неожиданно для нас, затягивает в наступившей темноте наш неутомимый водитель, потомственный сибирский казак Коля Марков...

Страницы мемуаров

М.Е.БУДАРИН

Ишимская юность: время интересное, но жестокое...

Михаил Ефимович Бударин, известный сибирский журналист, историк, драматург и писатель, родился 21 ноября 1920 года. В течение десяти лет, с 1944 года, являлся собственным корреспондентом всесоюзной газеты «Известия» по Омской и Тюменской областям. С 1954 года преподавал историю в Омском государственном педагогическом университете. В 1952 году вышла его книга «Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири» — по словам коллеги и земляка, доктора исторических наук А.Д. Колесникова, «одно из первых исследований по истории народов Севера СССР». По этим же материалам была написана кандидатская диссертация, которую Михаил Ефимович защитил в 1957 году в Московском университете. В 1971 году он, один из первых омских историков, защищает диссертацию на степень доктора исторических наук. Профессор Бударин подготовил немало достойных учёных-историков, стал редактором более десятка опубликованных монографий по исторической тематике, автором более двухсот научных публикаций, в том числе пяти монографий.

Его перу принадлежит также более десятка книг беллетристики и драматургии. Он — автор пьес «Ермаю», «Живой ключ», «По зову сердца», «Ущелье шаманов», «Сказание о Таре», первые три из которых с успехом поставлены в пятнадцати театрах Сибири, Казахстана, Урала, Поволжья, Северного Кавказа, Вологды. Известны его повести «Сын племени ненянгов», «Тайна забытого леса», «Боец с душой поэта», три книги документально-публицистических очерков о чекистах Сибири, рассказы. А за «Путеводитель по Иртышу и Нижней

Оби (от Зайсака до Карского моря)» ему в 1989 году присуждена премия Географического общества. По сценариям Бударина сняты документальные кинофильмы «Золотой запас республики», «Человек, о котором сложили песню», «Поезд особого назначения», которые демонстрировались по Центральному телевидению.

Свою научную, преподавательскую, писательскую работу Михаил Ефимович продолжал до последнего дня. 13 октября 2003 года его не стало. Незадолго до смерти он рассказал специально для читателей «Коркиной слободы» о детстве и юности, которые прошли на ишимской земле.

Первый год моей жизни пришёлся на трагическую пору в истории земли Ишимской. Я родился в селе Ларихе. Оттуда происходил род моего отца; мама же — из села Второе Песьяное. У деда по матери была большая патриархальная семья, 25-27 человек; только у мамы было восемь братьев. Жили они, можно сказать, коммуной — не хватало помещений, поэтому к дедовскому дому время от времени «притаптывали» новое помещение из самана.

Дядя мой по матери были солдаты Первой мировой войны, а когда вернулись, то многие после победы над Колчаком пошли в коммуны. Особенно примечательны два старших брата моей матери, Трофим Николаевич и Фёдор Николаевич Первышины. Они были коммунистами, один с 1916, другой — с 1917-го года. Дядя Фёдор в своё время ушёл от отца из деревни и работал в Ишиме на мельнице Кузнецова, потом в паровозном депо кочегаром, после — помощником машиниста. И одновремен-

*Миша Бударин с матерью
и двоюродной сестрой. 1924.
Из архива М.Е.Бударина.*

но он учился в высшем начальном училище — это деревянное синей покраски здание стояло там, где сейчас новый корпус пединститута. За курсы этого училища мой дядя накануне Первой мировой войны сдал экстерном экзамены. Поэтому при призыве в армию его, как грамотного, направили в школу прапорщиков-артиллеристов в Томск. Оттуда он был выпущен прапорщиком, то есть с офицерским званием, попал на Румынский фронт и там вступил в партию большевиков.

А в феврале 1921 года в Ишимском уезде вспыхнуло крестьянское восстание, в котором погибло десять моих родичей со стороны матери. Пятерых её братьев (Кузьму, Егора, Панфила, Анисима, Трифона Первышинных) мятежники убили в коммунах «Заря» (Дубынка) и «Светлый путь» (Второе Песьяново и Смирновка). Моему деду Николаю Фёдоровичу Первышину в селе Песьяново 11 февраля нанесли двадцать ран пиками, а потом в одном нижнем белье привязали

к саням, возили по деревне с криками: «Вот отец коммуняков!» А потом добились ломом. В избе бабушки 26 февраля остановились мобилизованные мужики-мятежники вместе с белым офицером, её двоих сыновей-коммунаров Егора и Анисима зарубили топорами и бросили в бане на огороде. Один дядя оказался ещё живым, и он приполз ночью домой, оставляя кровавый след. Открыл дверь и позвал мать, чтобы она перевязала его раны. Бабушка лежала на печке, а на полу, подстелив солому и тулупы, лежали мятежники. И когда потянуло холодом из открытой двери, они проснулись, и офицер добил моего дядю, пристрелил. А бабушку, Екатерину Георгиевну Первышину, за то, что она кричала: «Что вы делаете!» — сдернули с печки, прямо на раскалённую печурку. Она упала на неё и обожгла себе бок; от этих ожогов и умерла ровно через четыре года, 26 февраля 1925 года. Мамину младшую сестру Анфису Николаевну Камышеву за то, что была прачкой в коммуне «Заря» в Дубынке, живую обложили куделью и сожгли в бане.

А отец мой, Ефим Бударин, бывший с первых дней изгнания Колчака милиционером Ларихинской волости, в феврале 1921-го вместе с другими милиционерами искал и ликвидировал банды, заболел воспалением лёгких и лежал в горячечном бреду. Когда ларихинские кулаки явились убивать его, моя бабка Аксинья Бударина, взяв на руки трёхмесячного внука, то есть меня, загородила дверь горницы и бесстрашно закричала: «Антихристы, ироды, пришли убивать моего сына и осиротить мальчонку — а сын мой и так от тифа-сыпняка помирает!» Бандиты, которые как огня боялись этой заразной болезни, шарахнулись из дома с возгласом: «Сам подохнет!» Так бабка, солгав, спасла моего отца.

Другие дядья тоже сражались: Трофим — против врангелевцев, Фёдор — против мятежников в томском ЧОНовском отряде под Павлодаром, а самый младший Марк Первышин, 18-ти лет ушедший добровольцем на Туркестанский фронт, в плену у басмачей подвергся изуверской азиатской пытке. Его с другими раздетыми догола красноармейцами бросили в яму, кишевшую ядовитыми змеями и тарантулами. Из бойцов он выжил один, но тронулся умом и даже

после долгого лечения до конца дней оставался душевнобольным.

О том, насколько ожесточённой была эта борьба и классовая ненависть, можно судить по тому, что отец Георгия Первышина, известного ишимского баснописца, бывший унтер-офицер царской, а потом и колчаковской армий, добил моего деда, своего дядю, воткнув ему пешню в горло. Но я никогда не ставил это Георгию в укор: сын за отца не отвечает.

В 1925 году мой отец был переведён в Ишимскую окружную милицию. И поскольку он работал там не рядовым милиционером, а в уголовном розыске, то нас поселили в здании окружной милиции, в так называемом доме Черняковского у церкви (на нынешней улице Чайковского, там сейчас городской суд). Мы имели квартиру на первом этаже, с выходом во двор, с западной стороны. Жили там потому, что отца с сотрудниками постоянно вызывали в срочные командировки в округ. А он был огромный: население четырёхсот с лишним тысяч, одиннадцать волостей. Автомашин не было, ездили на тройках с бубенцами. В деревянных конюшнях из крепкого соснового леса во дворе стояли купеческие фазтоны, упряжки, висели хомуты с красными суконными подкладами, шаркунцы, медные бубенцы и прочая дорогая упряжь, которая меня, мальчика, очень интересовала.

В 1928 году я пошёл учиться в первый класс школы, которая находилась в деревянном здании бывшего училища со световым «фонарём»-надстройкой, напротив бывшей тюрьмы (на углу нынешних улиц Советской и Просвещения). Помню, как в том же году ломали кирпичную стену вокруг тюрьмы, которую превратили в жилое помещение. Там устроили квартиры, потом — гостиницу, а когда в 30-х годах в Ишиме расквартировали артиллерийский полк во главе с полковником Бандовским, и позднее, во время войны, когда сюда эвакуировали авиационное училище, там жили военные.

В 1929 году отца послали в Петухово, в крайний южный район Ишимского округа. Он там работал в райотделе милиции, и мы жили во флигеле во дворе милиции: две комнаты и кухня. Но там мы прожили недолго. В феврале 1930

года, когда я учился уже во втором классе средней школы, началось выселение раскулаченных. Помню, как мы всей школой убежали на вокзал, где стоял эшелон, в который загоняли раскулаченных казаков с Горькой линии для отправки на север. Я никогда не видел людей, столь богато одетых. На мужиках были романовские полушубки (вроде нынешних дублёнок), меховые собачьи дохи, расписные казанские гарусные пимы, на бабах — бархатные шубы с воротниками из степной лисицы. Им сказали: двенадцать часов на сборы, берите только то, что сможете унести. У многих за пазухой грудные дети. Мороз — тридцать градусов. Охраняли эти тысячные толпы чекисты, милиционеры, мобилизованные комсомольцы и коммунисты с дробовиками. И мой отец тоже был в цепи у состава. Такой рёв стоял, когда их загоняли в промёрзшие телячьи вагоны, где дверь — красное полотнище, в углу — желобок для малой надобности, и зарешеченные окна.

Когда мы вернулись домой, мать зарыдала: «Сволочи вы, а не коммунисты! Моих братьев, сестру, отца, мать погубили мятежники-кулаки, так то ж ведь были бандиты! А вы что же делаете? С грудными детьми — в холодные телячьи вагоны!» А у отца самого слёзы на глазах. Он не спал всю ночь. Но восстать против вопиющей несправедливости не мог — иначе смерть всей семье. И он принял решение: выйти из игры. Позвонил начальнику окружной милиции в Ишим, с заявлением о том, что желает ехать в Туркестан, сражаться с басмачами. И дал телеграмму в Свердловск, в Уральское областное управление. Тогда два батальона чекистов, милиционеров и огеппушников с Урала и Сибири были посланы на борьбу с бандами басмачей. Один формировался в Уральской области, другой — в Новосибирске. И по свежестроенному Турксибу батальон отца поехал в город Чарджоу. Там на окраине, у каадибица, в основанном уральскими казаками посёлке Уралка, батальон разбил палаточный городок. Потом построили из камыша домики, мы с матерью остались, а отец ушёл с бойцами под Кушку.

Там он был тяжело ранен в ногу, лежал в госпитале Среднеазиатского военного округа в Ташкенте. Выздоровев, вернулся в Чарджоу. Его вызвали в Моск-

*Здание городского суда
по улице Чайковского,
где в 1920-е годы располагалась
уездная милиция.
Июль 2003. Фото Г.А.Крамора.*

ву, в НКВД, где как отличившегося в боях наградили именованным оружием. И спросили, где он хочет работать. Он не захотел возвращаться в Ишим, где остались тяжёлые воспоминания от раскулачивания. Тогда ему предложили поехать в Башкирию, в город Бирск.

А потом мы всё же вернулись оттуда в родные края, в 1933 году. Всё-таки здесь оставалось множество родственников — 32 человека племянников, детей убитых коммунаров. Надо было им помогать. Доплыли пароходом до Уфы, а там не продавали билет на Ишим, потому что район был на карантине — эпидемия болезни, которую называли септической ангиной. Из-за неурожая начался сильный голод, и крестьяне собирали и поедали зимовавшие под снегом колосья, раскапывали скотомогильники; потом распухал зоб, и люди умирали. Мы две недели прожили в Уфе, пока нам наконец не продали билеты. В Ишиме нас встречать было некому, мы оставили вещи на вокзале в камере хранения и пешком пошли до наших родственников. Город был как запустелый и весь зарос травой. На окраинах стояли войска и никого не впускали в Ишим и не выпускали из него. Вымирали целые деревни, например, Красная горка.

В этот год из Петропавловска через Казанку по тракту в Ишим шли толпами казахи — живые скелеты. Они зарезали и съели весь скот, а хлеб и не сеяли, потому шли к железной дороге в российские города, колоски собирали, чтобы не умереть с голода. Они приходили

на вокзалы, ждали поезда. И мы тоже прибегали — из любопытства. Я тогда учился уже в шестом классе. Был сентябрь, как раз начало учёбы, тёплый день. Подошёл поезд, который следовал от польской границы до Забайкалья. Остановился. Из вагона с широкими зеркальными стёклами вышел толстый пузатый японец, за ним слуга со складным бамбуковым стулом. Господин уселся на него, а слуга, чтобы солнце сильно не припекало, держал над ним бамбуковый зонтик из раскрашенной шёлковой ткани. Мы стояли и молча смотрели на него. Японец что-то крикнул. Вышел повар в белом колпаке и подал ему колбасу. Я никогда не видел такой колбасы, с толстыми прожилками сала. Господин под зонтиком аккуратно отрезал шмат и, взглянув на нас, швырнул его нам под ноги. В это время шёл по перрону осматривщик вагонов, худой пожилой человек в замасленной кацавейке, наверное, коммунист, — он увидел эту сцену и враз оценил её. Потому что в тот же момент из вагона выбежал другой японец с кинокамерой и приготовился снимать сцену: как голодные дети страны Советов бросятся за куском колбасы. Рабочий понял, что это провокация, заматерился, замахнулся на японца молотком с длинной ручкой, но не ударил, а только крикнул нам: «Идите отсюда, дураки!» — и пнул ногой колбасу под колёса вагона. Так он спасал честь советского гражданина. Японец же, конечно, сразу перестал снимать.

Помню, кстати, как в том же 1933 году смотрел фильм «Путёвка в жизнь» в только что открывшемся кинотеатре (ныне — имени 30-летия ВЛКСМ); его, видимо, строили три года.

Жили мы тогда в двухэтажном доме «коленцем» на перекрёстке улиц Луначарского и Московской (теперь снесён), у дяди Фёдора. В начале 1920-х годов он окончил многомесячные курсы в Коммунистическом университете Сибири в Омске. И Иван Никитич Смирнов, председатель Сибревкома, главный большевик Сибири, подписал ему документ о назначении прокурором Ишимского уезда (впоследствии округа). Им он оставался почти десять лет. Этот дом дядя после гражданской войны взял в аренду у горкомхоза. Сам он с семьёй, в которую взял на воспитание пятерых пле-

*Михаил Бударин (крайний справа) с одноклассниками. 6 класс.
Школа № 1. 1933-34 учебный год. Из архива М.Е.Бударина.*

мянников-сирот, жил на втором этаже, а на первом — наша семья.

Дядя Фёдор работал окружным прокурором до 1929 года. А потом началось избиение партийных и советских кадров. К тому времени в стране сложилась сложная обстановка. На восточных границах пошаливали японцы — они захватывали северный Китай, там — полмиллиона белоэмигрантов, начинались бои на КВЖД. А внутри страны коллективизация, и крестьяне порезали 25 миллионов голов скота, не желая сдавать в колхозы. Накануне ещё был большой неурожай на Украине, — а в Сибири хороший урожай. И тогда, в 1928 году, приехал в Западную Сибирь заготавливать хлеб сам генсек Сталин. Он решил показать партии и правительству, как надо это делать. Приехав в Омск, не занимаясь агитацией и пропагандой, сразу собрал партийный актив и сказал: «Вам что, 107-ой статьи УК о саботажниках мало? Если мало, мы скажем товарищу Калинин, он вам новых статей наделает». И, как Мао Цзэдун, нанёс удар «по штабам» — по прокурорам, партийным и советским работникам, чтобы заста-

вить их заготавливать хлеб как следует. А хлеб у крестьян был, только вот Сталин, как и Троцкий, враждебно был настроен к крестьянству: дескать, оно не союзник пролетариата, а мелкая буржуазия. И генсек показал пример: при нём в Западной Сибири за два месяца репрессировано около тысячи партийных и советских работников «за слабую заготовку хлеба».

А в Уральскую область, к которой относился Ишим, был послан второй секретарь партии Молотов. И он, встречая Сталина на обратном пути в Свердловске, доложил, что арестовал более тысячи партийных и советских работников. В их числе был и мой дядя. Его обвинили в троцкизме и в пособничестве кулакам — очевидная глупость, ведь у него отец, мать и братья с сестрой погибли от кулаков. Но он знал, что отнимать у крестьян последний хлеб нельзя. Его исключили из партии, он стал адвокатом, уезжал на Кавказ, потом вернулся в Ишим.

Через некоторое время мой отец уехал на лечение, заболел, был снят с поезда и вскоре умер. А мать была

портняжной и никогда другой профессией не имела.

Я учился в школе № 1 — это бывшая женская гимназия, деревянное здание между тогдашними библиотекой и дежурным магазином. Школа эта считалась «элитной», там учились дети руководящих работников. Помню, со мною вместе учились Юрка и Аня, дети ссыльного профессора Смолича, из Белоруссии. И его самого хорошо помню как учителя. Был ещё один профессор из Минска, Антон Антонович Березинский, филолог. Это были, можно сказать, декабристы «советского призыва», жертвы сталинской волны репрессий после убийства Кирова. Смолич преподавал у нас географию, Березинский — литературу и русский язык, и ещё один, Михаил Андреевич (увы, забыл фамилию) — биологию; он работал в Ленинграде у известного исследователя Николая Ивановича Вавилова. Я тогда увлекался чтением, и Березинский подказывал мне, что надо читать. В библиотеке (она была на углу Ленина и Советской; потом там устроили столовую, а библиотеку перевели в кинотеатр) я был свой человек, помогал на выдаче книг и мог читать любую литературу.

Березинский иногда приглашал меня домой, давал почитать свои книги. И как-то он сказал: «Миша, ты только особенно не распространяйся никому, но я хочу, чтобы ты имел собственное представление о мироздании, чтобы была своя точка зрения. Поэтому тебе надо прочитать, кроме Маркса и Энгельса, ещё три великие книги, в которых много мудрости — православную Библию, католический Катехизис и мусульманский Коран». Но этих книг у него не было, а только философско-литературоведческие. Зато ишимская библиотека была тогда приличная — там имелись книги из личных собраний тех, кто убежал с колчаковцами, из купеческих домов. И я прочитал эти книги. Надо сказать, что мы, более-менее интеллигентная часть учащихся, не принимали участия в посрамлении церквей. Когда на Рождество и на Пасху устраивались крестные ходы, то местные комсомольские организации посылали фэзушников, которые пели похабные частушки, матерились, плевались, камнями кидали в старушек-богомолок, — откровенное хулиганство. Мы же понимали,

Здание школы № 3 по улице Советской, где в 1930-е годы располагалась школа № 1. Апрель 2003. Фото Г.А.Крамора.

что это неприличное дело, что должна быть свобода вероисповедания. Такое понимание жизни приходило рано, потому что время было интересное, но жестокое.

В начале 1937 года опубликовали «Шесть условий построения социализма товарища Сталина». Мне было поручено выступить в качестве пропагандиста по изучению этих тезисов на семинаре секретарей комсомольских организаций средних учебных заведений Ишима. Но прежде мне хотелось кое-что уточнить для себя. Как раз начался урок у Березинского, а он вёл уроки как семинарские занятия в вузах: выступающего можно прерывать, задавать вопросы — свободная атмосфера. Я ему и говорю: «Антон Антонович, вот мне предстоит руководить изучением шести условий товарища Сталина, а Вы верите в то, что социализм скоро будет построен?» Мне и в голову не пришло, насколько дурацкий вопрос я задал — и ведь кому — политическому ссыльному, и в какое время! Но я настолько доверял его авторитету, что об этом даже не подумал. И он ответил, при всех: «Миша, ты забыл разве, когда мы Горького проходили, то в пьесе «На дне» актёр читает стихи Беранже: «Господа, если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». Сказал не подумавши — и осёкся. Стукачи были даже в школе. Через несколько дней его арестовали, увезли в Забайкалье, и больше его мы не видели. Вот так я по глупости, возможно, способствовал этому аресту.

В комсомол я вступил в 1936 году, в 16 лет. И в том же году арестовали моего дядю Фёдора Николаевича Первышина.

Была тогда в Ишиме экзотическая, зловещая личность — Виктор Иванович Лебедев. В 1905-07 годах он отбывал срок в Александровском центре Иркутской губернии; ещё в середине 30-х годов показывал мне синие рубцы от кандалов. Бывший эсер, вступил в партию большевиков, был политработником в 5-ой армии, которая воевала на Урале. После того как в ноябре 1919 года войска этой армии заняли Ишим, политотдел дивизии, в котором служил Лебедев, формировал местные кадры, и его поставили редактором газеты «Серп и молот». А за ним числился грех — когда в Пермской области войска вошли в какой-то небольшой городок, Лебедев в женском монастыре изнасиловал одну монашенку, взял её к себе в жёны и привёз в Ишим. Она закончила потом Пермский мединститут, развелась с Лебедевым и ушла от него. Я её помню из детства; она работала в женской консультации.

Из газеты и из партии его выгнали в 1925-27 году. Нашлись люди, знавшие Виктора как провокатора и предателя-эсера, который выдавал большевиков. Зато в начале 1930-х его поставили во главе ишимского госархива. В штате у него работали попы-расстриги, и он, придя на работу, говорил: «Батя, волоки бутылка и закусь». А где взять деньги? Вот он и велел документы, особенно метрические книги, набивать в мешок и сдавать в утильсырьё, контора которого находилась около Никольской церкви. На вырученные деньги покупали пол-литра водки и огурец.

Жил Лебедев в одной из комнат бывшей городской тюрьмы. К этой известной в городе личности заходил и я, потому что у него имелись очень интересные книги. Так постепенно я узнал этого человека. Он был сильно пьющий и очень похабный. Например, однажды в моём присутствии занимался подсчётом количества спермы, которое может одновременно извергнуть всё мужское население земного шара. Но мне казалось, что он просто окосел от пьянки, а Лебедев оказался настоящим подонком. Тогда Ишимским РО НКВД командовал офи-

цер госбезопасности Бараусов, один из самых ярких ежовцев (а потом и бериевцев), который строил карьеру на чужих костях. И он использовал Лебедева с его провокаторским прошлым. В том самом 1936 году я заметил: в дом, где мы жили с дядей, зачастили два гостя: Лебедев и парикмахер Лидэ, который трудился в парикмахерской между райкомом партии (на углу Чкалова и Луначарского; ныне военкомат) и магазином (на углу Луначарского и Советской). Лидэ, эстонец-переселенец, прежде жил под Ялуторовском и, видимо, тоже был в чёмото замаран и запуган органами. Они повадились ходить к моему дядьке с бутылками водки, выпивать. Дядя и сам понимал, что к нему подсылают провокаторов, что готовится тюрьма. Он от них отбивался всячески, но прогонять не смел; только тётка выгоняла. Они и выступили лжесвидетелями, утверждая, что Первышин призывал к свержению существующего строя — это была универсальная формула от Карпат до Камчатки.

Его арестовали 7 ноября 1936 года, в праздничный день. Арест происходил на моих глазах. Приехал на пролётке сам Бараусов — я хорошо помню его лицо. Дяде дали тогда пять лет. Потом, в 1938 году на пленуме ЦК Сталин выпустил пар и сказал народу, что слишком много было посажено зря, зря избили партийные кадры, — тогда и Бараусова исключили из партии, судили. В «Омской правде» даже опубликовали «разоблачительную» статью «Клеветник Бараусов». Дальше его следы затерялись; говорят, его видели под Ленинградом ишимские солдаты. А дядя умер тогда же, во время войны, под Воркутой. Строили железнодорожный мост через реку, и он, когда забивали сваи, захлебнулся холодной водой и утонул. Потом его реабилитировали, я писал о нём, а дядина внучка сняла фильм, который показало омское телевидение.

Так вот, в 1936 году я, ученик 8-го класса, стал комсомольцем, а вскоре и секретарём школьного комитета комсомола. Мы жили очень весело, устраивали интересные вечера, полит-бои, ставили платные спектакли, а потом на эти деньги покупали велосипеды, устраивали велопробеги, вообще занимались спортивной работой. И незадолго до ареста дяди

*Михаил Бударин — ученик
9 класса. 1936-37 учебный год.
Из архива М.Е.Бударина.*

меня и подружку, Нину Морозову, сфотографировал на фоне кинотеатра как «отличников учёбы школы № 1» корреспондент «Омской правды». Лебедев, увидев снимок в газете, при очередной встрече на улице взял меня за куртку и сказал: «Молодец, пробился к большевикам — а где у тебя фашистский знак?» Я уже понял, что мой дядя обречён, а эта сволочь торжествует. И говорю: «Старый ты пёс, мой отец коммунист был, и все в моей родне — коммунары, а ты смеешь такие вещи говорить!» И ушёл. Потом его пристрелили сами же чекисты, выбросили как собаку.

Арест дяди меня потряс, но на этом дело не кончилось. Я пользовался доверием в школе, в комсомольской организации, и в ноябре 1936 года ездил на пленум обкома комсомола в Омск, где обсуждали вопрос о работе комсомольских организаций средних учебных заведений Омской области. Меня же, как передового, послали делиться опытом

организации работы в школе. И вот по моём возвращении в Доме обороны (ныне городской Дом культуры) собрался комсомольский актив, и Лида Балакирева, одна из соучениц, из женделегаток-выскочек, её явно подучили сделать это — взяла слово и говорит: «Интересно получается, Бударин в президиуме сидит, на пленумы ездит, а дядя у него недавно арестован как враг народа». Для меня это прозвучало как удар весла по голове.

Я не спал всю ночь; мне, 16-летнему, было до слёз обидно, и я решил, что недостоин быть секретарём. Через несколько дней объявил, что собирается закрытое комсомольское собрание. Положил комсомольский билет и ушёл. Вскоре меня вызвал в райком комсомола первый секретарь Иван Константинович Холодин — хороший человек, который в годы войны получил орден Трудового Красного Знамени, а потом работал в тюменском обкоме партии. И вот он вызвал меня на бюро райкома комсомола, где стоял вопрос о неправильном поведении Бударина. Я рассказал, что меня оскорбило заявление одной комсомолки, поскольку считаю, что мой дядя невиновен, он настоящий большевик с до-революционным партстажем, почему же меня подвергли такому оскорблению? После этого выступали молодые коммунисты, и общее мнение было таковым: «Михаил, мы тебе вернём комсомольский билет, но больше так не поступай. Понятно, что молодое сердце не выдержало, погорячился, — но ведь ещё и не таким обвинениям подвергались коммунисты, и всегда они обязаны держать ответ».

Хорошо помню ещё Владимира Лукьяновича Мальчевского. Он родом с Украины, находился на партийно-советской работе в Ишиме: был пропагандистом-инструктором райкома партии, председателем района, директором средней школы, что напротив военного городка. В 1936 году арестован и объявлен врагом народа, потому что происходил из той части Украины, которая впоследствии вошла в Польшу, и выходцы отсюда считались польскими шпионами. Но на той же волне «спуска пара» в 1938 году был освобождён. Вернулся на костылях — его подвергали на следствии избиениям. Восстановив здоровье, стал директором нашей школы. Он хорошо

пел, и по его настоянию создали в школе струнный домровый оркестр и хор. Мы пели там классику и украинские песни, которые он особенно любил: «Молодой казаче, что ж ты зажурился, чи волю пристаи, чи с дороги сбився...» Хором руководил преподаватель музыки Иван Васильевич Аликин, бывший капельмейстер ещё царской армии. Преподаватели тоже пели в хоре, мы пели и играли, в частности, я играл на домре.

Мальчевский был весёлый, общительный, живой человек, но не лишённый мужских слабостей: любил выпивать, любил молодых дам. Со мной в школе учился Сима (Максим) Зверев, который потом погиб на фронте. Его сестра работала секретарём у Мальчевского, когда он был председателем района. И он стал сожигательствовать с этой девочкой. И однажды, по словам Симы, он пришёл к ним пьяный, и сестра поднялась на него: «Ты мне испортил судьбу!» и так далее. Во время ссоры она выхватила у него пистолет (руководящим работникам тогда давали револьвер) и прострелила ему ладонь. Но в общем он был светлой личностью и доказал это в войну, где служил в звании политрука, потом батальонным комиссаром, начальником парткомиссии политотдела одной из дивизий. А его непутёвый сын Вовка ограбил во время войны ларёк в Ишиме и попал в заключение; Мальчевский в письме с фронта просил меня принять участие в его судьбе, когда тот в колонии, которая обслуживала лесоперевалку, покалечил ногу. После войны Владимир Лукьянович работал в Тюмени заведующим торгово-экономическим отделом горисполкома; там он и закончил свой жизненный путь. Один из фронтовых писателей в книге «Гроза над Десной», выводя образ политработника, взял прототипом Мальчевского.

Моё приобщение к общественной жизни Ишима, литературной, краеведческой работе началось в предвоенном 1940-м году. После окончания средней школы я поступил в Казанский медицинский институт, на лечебный факультет. Моей жизненной целью было стать врачом и писателем. Я исходил из того, что гуманитарные науки осилю сам: любил их, в юные годы много читал и философской, и исторической литературы. А для гармоничного развития, чтобы

Удостоверение бывшего красного партизана на имя Ф.Н.Первышина. 1930-е. Архив РУ ФСБ по Тюменской области, архивное следственное дело № 7499.

познание было не только в области гуманитарных наук, но и естественных, счёл лучшим вариантом медицинский институт. Не в подражание писателям, вышедшим из врачей — Чехову, Вересаеву и другим, — а потому, что в медицинском институте был действительно большой цикл естественных наук. Так, в Казанском мединституте было 52 кафедры; одной химией подюжины занималось. Но накануне войны в Ишиме тяжело заболела мать, она находилась при смерти и жила одна, поэтому я бросил учёбу и вернулся в Ишим. И стал работать «на двух станках»: в редакции газеты «Серп и молот» и в вечерней средней школе взрослых.

В редакцию я попал таким образом. Когда приехал в Ишим, то случайно встретил на улице своего школьного друга, Женю Никулина. Он мне и говорит: «Миша, я очень рад, что ты появился здесь, меня в армию забирают, а я работал в газете «Серп и молот», пойдём, я тебя представлю редактору, и ты будешь работать в газете». И мы пришли к редактору Николаю Сафроновичу Супочеву. Женя представил меня так: «Вот Бударин, почти готовый писатель», — так он сказал, потому что я уже имел литературный опыт, печатался и выступал по радио, пока был школяром. И я стал заведовать в газете отделом культуры и быта, одновременно преподавая в вечерней школе взрослых, которая находилась в двухэтажном доме напротив Черняковской церкви, по улице Ленинградской. Там директором была моя двоюродная сестра, Анна Георгиевна Первышина, окончившая Тюменский пединститут как

*Здание нового городского
кинотеатра им. Блюхера
(ныне им. XXX-летия ВЛКСМ).
Нач. 1930-х. Из фондов ИКМ.*

математик. Она мне сказала: «Миша, нам не хватает преподавателей, не сможешь нам помочь? Вот, ботанику преподавать: тычинки-пестики знаешь?» — «Знаю». — «А кислоты одну от другой отличить сможешь?» — «В институте шесть химий изучал: неорганику, органику, физколлоидную, биохимию, количественный и качественный анализ». — «А рассказать о строении человека можешь?» — «Три семестра учил анатомию и физиологию, и под подушкой держал человеческий череп, зубрил медицинские термины». Так я и стал преподавателем в 5-8 классах по естественным наукам. Конечно, надо немного нахальства иметь, чтобы в двадцать с небольшим лет, как Леонардо да Винчи, преподавать разные науки.

У меня был напряжённый график: вставал в шесть утра, потому что соседка, которая написала мне в Казань о том, что умирает мать, сказала: для того, чтобы поднять её на ноги, нужно купить корову. Ухаживать за нею и доить она взялась сама, а моим делом было закупать корм и чистить навоз по утрам. Надо сказать, приобрести корову мне не составило особого труда. Судите сами: в газете «Серп и молот» я получал 500 рублей оклада заведующего отделом (потом был и секретарём, и заместителем редактора); в вечерней школе — 250-300 рублей. Был ещё гонорар в газете, причём хороший: Сталин и Молотов на идеологию денег не жалели, народ жил трудно, в нищете, а на средства пропаганды деньги не экономились. Так вот, вместе я получал 800-900 рублей в месяц. А врач, учитель получали тогда 200-250 рублей. И я с помощью соседки купил за

300 рублей корову-первоотёлку красной степной немецкой породы.

После чистки в коровнике я кормил мать и уходил на работу в редакцию. В 9-10 часов я уже был на каком-нибудь предприятии, где собирал материал для рубрики «Лучшие люди нашего города» — она появилась с моим приходом. Это были очерки о железнодорожниках, рабочих, учителях, врачах, агрономах и так далее. И каждый день я выдавал «подвальчик» в газете. Часам к двум приходил с предприятий и садился за пишущую машинку. К четырём-пяти часам сдавал очерк, правил другие материалы, потом бежал домой, кормил мать и затем шёл в вечернюю школу — преподавать, до 10-11 часов.

И вот в эту пору я стал писать первые краеведческие материалы, по заказу областных органов — большеформатной комсомольской газеты «Молодой большевик» и омского радио. Прежде всего я стал развивать тему о декабристах в Западной Сибири и в Ишиме в частности, о политических ссыльных, репрессированных царизмом. А затем разрабатывал и другую тему — крестьянского восстания 1921 года, для меня это было очень важно и близко, как факт собственной биографии. Серия моих очерков была напечатана в «Молодом большевике» под названием «Мятежный год».

К тому времени в Ишиме имелся краеведческий музей, который располагался сначала в краснокирпичном здании на Октябрьской площади, где потом открыли ресторан. Там был ещё директором Левин. Мы жили тогда рядом, в доме Черняковского, и я мальчишкой бегал в этот музей. А потом уже, когда работал в газете, ходил туда, где был прежде Дом пионеров, в деревянный дом напротив аптеки по улице Республики (ныне Ленина). Тогда я уже немного разбирался в истории и даже в 1940 году писал заметку в газету о стендах этого музея. Внутри в музее было три или четыре комнаты: слева и справа по небольшой комнате, а прямо — большой зал. Ещё была какая-то кухонька. В зале стояли стенды, на них — кости мамонта, нумизматика: деньги царские, керенские, первые знаки советской власти; этнографический стенд: прялки, хомуты, крестьянская утварь; из периода гражданской войны: о коммунах, фотографии

*Улица Ленина в сторону центра города.
Вид с балкона педагогического училища. 1938.
Фото И.Г.Кульчицкого. Из архива Н.П.Хрулёва.*

были; также стенды по периоду коллективизации и ликбезу, по культурной революции. Небогатые, бессистемные, но всё-таки были.

До войны в Ишиме ещё можно было найти в городской библиотеке и в редакции книги по краеведению, изданные в 1920-х годах — Корюшина и Бирюкова. Потом их растащили, и я работал с ними в библиотеке Омского краеведческого музея. Причём я учился с сыном Якова Бирюкова, Аполлоном (сокращённо Лёська). Потом они уехали неизвестно куда — ведь Бирюков был поповским сыном. В 30-е годы самым заметным краеведом являлся Александр Павлович Струнин, очень ранимый интеллигент, который жил краеведением, искусством, литературой. Но в архивы он не ездил из-за туберкулёза и отсутствия денег. Он черпал сведения в основном из краеведческой литературы, других публикаций, воспоминаний.

Я же материал для своих краеведческих статей о декабристах брал непосредственно из тобольского архива. В 1940 году ездил в Омский музей, к директору Палашенкову. Запомнился такой случай: как-то, печатая исторический материал о декабристах, я употребил известное выражение «Николай Палкин», на что Андрей Фёдорович сказал мне: «Не надо

так, Михаил Ефимович, это нехорошо и недостоверно». Я удивился, а он продолжал: «Николай был деспот, но и рыцарь — заплатил за Пушкина огромный долг, двести тысяч». Сейчас это представление о Николае I как монархе своенравном, но просвещённом и благородном, преобладает в суждениях историков.

Во время работы в Ишиме с конца 1940 по 1942 год я принимал участие в деятельности литературного объединения при газете. Мы печатали литературные страницы с произведениями местных авторов, публиковали рецензии на спектакли, обсуждали, вели работу с молодёжью, поддерживали и краеведов. Тогда, кстати, я обратил внимание и на труды Струнина, Бирюкова. А ещё раньше познакомился с будущим профессором-историком Александром Дмитриевичем Колесниковым. Он, крестьянский парень из Казанского района, получал в Ишиме среднее образование на рабфаке Омского ветеринарного института — он находился на первом этаже нынешнего первого корпуса пединститута (а второй этаж занимало педучилище). Мы вместе занимались комсомольскими делами. И он тоже тогда заинтересовался историей, которая стала делом его жизни.

Примечательной личностью в редакции был Геннадий Николаевич Лимахин.

В 1927 году он был послан от омской газеты «Рабочий путь» на судебный процесс над атаманом Анненковым, который с остатками своей армии ушёл в Китай, там был арестован, точнее, похищен чекистами и вывезен через Монголию в Союз. Анненков с генералом Денисовым были отправлены на поезде из Москвы в Омск, а оттуда на пароходе — в Семипалатинск, где в июле 1927 года начался напугавший судебный процесс. Учитывая читательский интерес, омская окружная газета послала своего корреспондента Лимахина и художника-фотографа Лимахин отправлял в газету по телеграфу короткие репортажи, которые первоочередным порядком печатались в газете и набирали необычно большую читательскую аудиторию. Вот, например, в среду, 27 июля, журналист телеграфировал: «На суде Анненков даёт показания: с 19 лет в военном училище, на военной службе, холост, отец умер, мать и три сестры сейчас в Киеве, в партиях не состоял, ходатайствует о вызове из Новосибирска бывшего командующего войсками генерал-лейтенанта Болдырева, который подтвердит, что атаман был переброшен в Семиречье в распоряжение ставки, суд вызвал 55 свидетелей». Сообщение следовало за сообщением, передавая напряжённую динамику судебных заседаний, выделяя самую суть, кричащие цифры и факты. Но, в сущности, приговор Анненкову был вынесен задолго до судебного процесса.

В бытность нашей совместной работы в Ишиме Лимахин не раз рассказывал мне, тогда ещё совсем зелёному газетчику, о своей необычной командировке в Семипалатинск, где целыми днями приходилось высидживать на судебных заседаниях, а вечерами так же непросто было пробиться на тамошний телеграф: ведь корреспондентов в Семипалатинск наехало много, и каждый старался передать свою информацию если не первым, то хотя бы вторым или третьим — отсюда предельная краткость сообщений. У Геннадия Николаевича хранилась большая папка с вырезками его судебных репортажей из Семипалатинска. Однажды, когда я приехал в Ишим уже после войны, он хотел мне отдать: авось пригодится. Я не взял тогда, сказав, что ему самому она нужнее. Но когда старого журналиста не стало, папку эту всё-таки

передали мне, и она до сего времени хранится в моём личном архиве, из неё я и цитировал телеграмму. О похищении атамана чекистами я старшему коллеге так и не успел рассказать; сам узнал об этом лишь в 70-е годы, когда работал с документами в архиве госбезопасности и когда Лимахина в живых уже не было — Геннадий Николаевич умер в начале 1950-х.

Я ему обязан многим, он учил меня азам журналистики, у меня с ним были прекрасные отношения, лучше, чем с моим тестем, его младшим братом, Андреем Николаевичем. Геннадий Николаевич был очень хороший человек, доброжелательный, независтливый, гуманный. Жил он в тогдашнем помещении редакции, деревянном доме у типографии на улице Чкалова. У Лимахина-старшего, большого труженика, был только грех — выпивал, но в старости уже много пить не мог. Сначала, во время гражданской войны, он работал в томской газете «Красное знамя», на Урале, а потом переехал в Ишим к младшему брату. В редакции он занимал должность ответственного секретаря, делал макеты газеты. Он хорошо знал и понимал все жанры, мог работать в любом из них; вообще был самым подготовленным журналистом из двенадцати человек, работавших в «Серпе и молоте». Газета была ежедневной, четырёхполосной, выходила шесть раз в неделю. Делали мы её с любовью и с душой, а Лимахин был у нас главным мастером газетного дела.

Андрей Николаевич, на дочери которого я был женат, тоже являлся по-своему примечательной личностью, любил педагогику, всякие новаторства, но в меньшей степени работал на общество, а больше — на себя; более честолюбив, стремился к регалиям. Он работал в Ишиме завучем в медицинском училище (находилось там, где сейчас туберкулёзный диспансер), преподавал химию и биологию. Перед войной перешёл в ишимское педучилище, получил звание Заслуженного учителя РСФСР. Я же учился у его жены Прасковьи Тимофеевны, моей будущей тёщи, она в школе № 1 преподавала математику. Впоследствии, когда я переехал в Омск, купил для них там квартиру; здесь Андрей Николаевич и скончался.

Он, кстати, тоже немного подвизался

на литературном поприще. Братья Лимахины были детьми мелкого служащего, который служил волостным писарем в разных местах по югу Ишимского уезда (в том числе и в Ларихе). И от него Андрей Лимахин хорошо знал историю о местном Робин Гуде — мужике по имени Лукьян, по прозвищу Лучка, который в начале XX века забирал у богатых скот, деньги и раздавал их бедным: извечный сюжет. Лучку долго не могли поймать, и лишь однажды в одном из трактиров хозяйка по настоянию полиции опрокинула на него кипящий самовар — только так удалось его взять, согласно преданию. Андрей Николаевич написал на эту тему небольшой очерк, который издали не так давно его дочь, моя первая жена Мария Андреевна.

Другое полезное дело, к которому я приобщился в Ишиме, — драматический театр. Наклонность к театру мне привил всё тот же школьный учитель, профессор Березинский, бывший заведующий кафедрой литературы Минского университета. Он был в эмиграции, имел учёную степень магистра и доктора филологических наук. И он работал с нами поштучно, как вузовский работник, не очень придерживаясь школьных методов обучения, за что я ему навсегда благодарен. В молодости он защитил докторскую диссертацию по теме «Римская классическая трагедия». Он и поручил мне, восьмикласснику, в порядке домашнего задания инсценировать «Повести Белкина» Пушкина. Потом я писал и печатал рецензии на спектакли профессионального ишимского театра драмы. Главный режиссёр этого театра, Леонид Георгиевич Арматов, стал первым моим наставником в практике сцены и театра. На репетициях он знакомил меня с приёмами режиссуры.

Театр был там, где сейчас Дом культуры, тогда он назывался Дом обороны. Это был совхозно-колхозный выездной драматический театр. Тогда в стране развернули сеть совхозно-колхозных театров с благой и разумной идеей: двинуть искусство в массы. Театры находились на государственном бюджете, зарплату платили вовремя, оркестр получал деньги, билеты продавались. Всего было 35 человек актёров и вспомогательного состава, 12 человек — оркестр. Репертуар разнообразный, классический и рево-

М.Е.Бударин —
собственный корреспондент газеты
«Известия». Кон. 1940-х.
Из архива редакции газеты
«Ишимская правда».

люционный. Я писал рецензии на «Власть тьмы» Льва Толстого, «Лес» Островского, «Любовь Яровую» (о гражданской войне), современные пьесы, комедии. Билеты всегда раскупались: театр в Ишиме любили.

Накануне войны случилась беда: оплошлась сетчатка правого глаза, и я не подлежал призыву. Наверное, это произошло из-за напряжённой работы, потому что подрабатывать приходилось и в Казани; по ночам ещё читал много. Я ослеп на правый глаз, и на фронт не попал: несколько раз подавал заявление, но меня не взяли. А в 1942 году меня направили на учёбу в Новосибирск, куда эвакуировали Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Там готовили кадры для тех районов, которые ещё должны были быть освобождены. Я учился на газетном отделении, и мне уже приготовили должность редактора одной из городских га-

*Улица Карла Маркса и городской театр
(ныне городской дом культуры). 1930-40-е.
Из архива Н.П.Хрулёва.*

зет Воронежской области — кадры подбирали представители обкомов партии, которые приезжали из Москвы. Но в октябре 1942 года в Новосибирск пришёл поезд «Правды», и это изменило мою жизнь.

Тогдашняя Новосибирская область состояла из нынешних Новосибирской, Кемеровской (с Кузбассом) и Томской. И поезд этот пришёл в Кузбасс, который после оккупации Донбасса стал главной угольной базой страны, где имелись коксующиеся угли, необходимые для варки стали. Этому району уделялось большое значение, поэтому туда был отправлен поезд с типографским оборудованием, бумагой и сотрудниками «Правды», которые создали выездную редакцию главной газеты страны. Они делали издание «Всё для фронта», малого формата, своего рода филиал «Правды». И так случилось, что тяжело заболел один из сотрудников, его сняли с поезда в Новосибирске, и потребовалась замена. И Новосибирский обком партии обратился к директору курсов, на которых я учился, и он из 60 журналистов (а среди них были люди и постарше меня) выбрал Бударина и послал в город Прокопьевск, где стоял поезд.

Возглавлял выездную редакцию член редколлегии «Правды» Емельян Ярослав-

ский, известный деятель партии, член ЦК, академик, член Президиума АН, заведующий лекционной группой и главный антирелигиозник. Я прибыл в его распоряжение и проработал в Кузбассе с октября 1942 года по конец марта 1943-го. Полгода я лазил по шахтам и писал очерки. Там я познакомился с «правдистами», мы жили в одном вагоне, вместе питались, и Емельян Ярославский меня хорошо знал. А потом, когда задача была выполнена, поезд с редакцией решили передислоцировать в Горький, на оборонные авиационные заводы. И мои друзья-москвичи стали меня уговаривать поехать с ними: дескать, поработаешь с нами, вернёмся в Москву, получишь постоянную прописку, будешь работать в штате «Правды». Но у меня опять сильно заболела мать в Ишиме, лежала при смерти, и я решил, что должен её спасти. Написал в Омский обком партии просьбу о том, чтобы вернуться в ишимскую газету, поскольку мне необходимо быть при матери, — но если «Омской правде» нужен собкор по ишимской группе районов, то меня это больше устроит. Ведь тогда у меня появилось бы больше свободного времени, и я мог быть сам себе хозяин. И получил немедленный ответ, телеграмму: приезжайте. Я приехал в Омск, где меня взяли в штат

«Омской правды». Проработал там полтора года, ездил по районам — от Викулово до Армизона, писал критические статьи, а главным образом очерки. Очерк у меня получался лучше всего; секретарь редакции Борис Дмитриевич Шишакин, большой журналист и тонкий стилист, так на летучке и сказал: «Бударин у нас мастер очерка». Меня это очень вдохновило.

А потом меня опять вспомнили друзья по выездной редакции «Правды». Ведь когда их поезд возвращался в Горький, то они остановились на два часа в Ишиме ради меня, предупредили телеграммой и сказали: «Миша, мы тебя никогда не забудем». В 1944 году началось разделение сибирских областей, куда были эвакуированы тысячи промышленных предприятий. В частности, Омская область оказалась просто неуправляемой, а нужно было ещё развивать лесную, рыбную промышленность, при том, что в одном только Омске разместилось 115 оборонных предприятий. Поэтому и выделили отдельно Тюменскую область. А друзья-«правдисты» тогда уже перешли в «Известия». Причина была в том, что Геббельс в своей пропаганде называл «Известия» газетой жидовской, а не русской народной — а в ней действительно работало много представителей еврейской национальности — Сталин рассердился и велел перевести в редакцию большую группу новых людей. И тут потребовался корреспондент «Известий» по Омской и Тюменской областям, на должность которого мои друзья предложили Бударина.

С осени 1942 года я больше в Ишим не возвращался. Потом, когда работал очеркистом, я только числился корреспондентом по Ишиму, а жил в основном в Омске — только приезжал к матери, обеспечивал её продуктами, медицинскими препаратами, и снова разъезжал по Омской области. А окончательно уехал, вместе с матерью, после августа 1944 года, когда стал корреспондентом «Известий». Я по телеграмме из Москвы

М.Е.Бударин. 1995.
Из фондов ИКМ.

выехал в столицу для переговоров, а процедура эта была долгая, потому что корреспондентов «Правды» и «Известий» по постановлению ЦК партии ещё с 20-х годов утверждал сам Центральный Комитет. Они считались особыми уполномоченными газеты в областях, входили в номенклатуру ЦК, с предоставлением определённых прав — по жилплощади, пайку и так далее. Так я перебрался в Тюмень, где по поручению «Известий» освещал вновь созданную область. Таким образом, за сравнительно короткий отрезок времени я прошёл путь от сотрудника ишимской газеты до очеркиста «Омской правды» и собственного корреспондента всесоюзных «Известий». А потом, в 1945 году, переехал в Омск, который стал моим постоянным местом жительства.

*Запись и подготовка к печати —
Г.А.Крамор.*

Вкратце об авторах

1. **Зах Виктор Алексеевич**, заведующий лабораторией палентологии института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук (Тюмень), кандидат исторических наук, автор двух монографий, соавтор научно-популярной книги "Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям". - Тюмень, 1994. Руководитель археологических исследований Ишимского района.

2. **Калинина Мария Федоровна**, профессор Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова, кандидат педагогических наук. Автор статей, посвященных Ершову и книги «Жизнь и творчество Петра Павловича Ершова. Семинарий». - Ишим, 2002.

3. **Крамор Геннадий Андреевич**, аспирант Тюменского государственного института искусств и культуры, журналист газеты "Ишимская правда". Основные краеведческие интересы - история сибирского православия, провинциальная архитектура. Член городского общества по охране памятников архитектуры "Собор".

4. **Мамсик Тамара Семеновна**, ведущий научный сотрудник института истории СО РАН (Новосибирск). Автор более ста научных публикаций, в том числе пяти монографий. Сфера научных интересов - аграрная история Сибири XVII-XIX вв.; колонизация, экономика, социальная структура населения.

5. **Маракулина Ольга Николаевна**, научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Автор краеведческих статей, посвященных истории Ишима, на страницах альманаха «Коркина Слобода» и газеты «Ишимская правда».

6. **Неживых Светлана Ивановна**, учитель русского языка и литературы средней школы с. Афонькино Казанского района Тюменской области. Руководитель краеведческого кружка. Основные интересы — крестьянское восстание 1921 года, история храмов Казанского района.

7. **Ожгибесова Ольга Адольфовна**, журналист-обозреватель газеты «Комсомольская правда в Тюмени». Автор многочисленных публикаций в областных и региональных изданиях. Обладатель звания «Публицист года-2003», премии Союза журналистов России «За журналистское мастерство».

8. **Примак Илья Васильевич**, орнитолог-любитель, член Мензбировского и Уральского орнитологических обществ, участник орнитологических экспедиций по Тюменской, Омской, Оренбургской областям, Красноярскому краю. Живет в Ишиме.

9. **Проскурякова Надежда Леонидовна**, старший научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Тематика исследований: Ишимская Никольская ярмарка, крестьянское восстание 1921 г., культура края. Автор сценариев документальных фильмов по истории Ишима и Приишимья, постоянный участник межрегионального фестиваля телевизионных фильмов "Белые пятна истории Сибири" (Тюмень). Член городского общества по охране памятников архитектуры "Собор".

10. **Савченкова Татьяна Павловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы ИППИ им. П.П. Ершова. Автор научных и популярных статей по литературному краеведению, истории сибирской архитектуры. Редактор ряда краеведческих сборников и альманаха "Коркина слобода". Член городского общества по охране памятников архитектуры "Собор". Автор книги «Ишим и литература. Век XIX-й». - Ишим, 2004.

11. **Самсонова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Ишимского краеведческого музея. Автор статей по литературному краеведению.

12. **Сарафанникова Лидия Александровна**, журналист, краевед, автор многочисленных статей по краеведческой тематике на страницах "Ишимской правды" и "Ишимского купца". Основная сфера интересов: культура и образование в Ишиме XIX века, современные конфессии города.

13. **Скочина Светлана Николаевна**, младший научный сотрудник лаборатории палеоэкологии человека ИПОС СО РАН. Автор 10 статей о хозяйстве древнего населения Приишимья.

14. **Уткова-Устинова Ольга Викторовна**, инженер-конструктор. Работает в Институте океанологии им. П.П. Ширшова РАН в лаборатории глубоководных обитаемых аппаратов. Участница экспедиций по изучению Мирового океана на научно-исследовательских судах «Витязь» и «Академик Мстислав Келдыш». Дочь В.Г. Уткова. Живет в Москве.

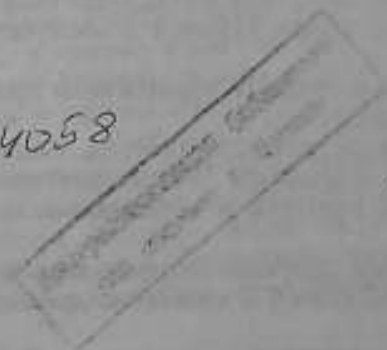
КОРКИНА СЛОБОДА.
Краеведческий альманах.
Выпуск 6.

Художник: Р.Симанов.

Издательская лицензия ЛР № 020036 от 22.11.1996-г.

Набрано, сверстано и отпечатано в филиале «Ишимская типография» ГУП ТО «ТИД»,
ул.Чкалова,17. Заказ № 5240. Формат 60x84 1/8. Тираж 999 экз.
Объем 16,28 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Лазурская». Подписано в печать 27.10.2004 г.

84058

Наши вернисаж

Художник Валентин Григорьевич Манухин

